

Равви Захариас

**Может ли человек
жить без Бога?**

Равви Захариас. "Может ли человек жить без Бога?".

Пер. с англ. — СПб.: Санкт-Петербургское христианское просветительское общество "Кредо". 1999. —240 с.

Can Man Live Without God. Ravi Zacharias

© 1998. WORD Publishing. A division of Thomas Nelson Inc.

Никакие материалы данной книги не могут быть воспроизведены в рекламных или коммерческих целях. Все права сохранены. Все выдержки из Ветхого и Нового Заветов взяты из Синодального издания Библии.

ISBN 5-93628-001-2

С Русское издание: Санкт-Петербургское христианское просветительское общество "Кредо". 1999

Оглавление

ОГЛАВЛЕНИЕ	3
ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
ВВЕДЕНИЕ.....	7
ЧАСТЬ I. ВОИНСТВУЮЩИЙ АТЕИЗМ ЖИВ И СМЕРТЕЛЬНО ОПАСЕН.....	11
ГЛАВА 1. БЛАЖЕННЫ АЛЧУЩИЕ.....	11
<i>Предварительные замечания</i>	<i>13</i>
<i>Союз философии и жизни.....</i>	<i>14</i>
ГЛАВА 2. БЛУЖДАЯ В БЕСКОНЕЧНОМ НИЧТО	18
<i>Терминология</i>	<i>18</i>
<i>Похороны мертвой идеи</i>	<i>19</i>
<i>Подмена понятий</i>	<i>20</i>
<i>Возникновение фашизма</i>	<i>22</i>
ГЛАВА 3. ВИЗИТ СУМАСШЕДШЕГО.....	24
<i>Патология убеждений</i>	<i>24</i>
<i>Новые обетования и старые измены</i>	<i>26</i>
ГЛАВА 4. БЕЗДОМНАЯ МЫСЛЬ	30
<i>На пути к атеизму</i>	<i>30</i>
<i>Выбор вопреки разуму.....</i>	<i>32</i>
<i>Вера или хаос.....</i>	<i>33</i>
ГЛАВА 5. ВОИНСТВУЮЩИЙ АТЕИЗМ И БОЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ	36
<i>Да здравствует свет, да скроется тьма</i>	<i>40</i>
ГЛАВА 6. ПРИТЧА О СЛЕПЫХ.....	42
<i>Голоса заблудившихся</i>	<i>42</i>
ЧАСТЬ II. В ЧЕМ СМЫСЛ ЖИЗНИ?	45
ГЛАВА 7. ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ – НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ	45
<i>Знать свое родство.....</i>	<i>46</i>
<i>Весь мир — театр?.....</i>	<i>49</i>
ГЛАВА 8. ОЧЕЙ ОЧАРОВАНИЕ	51
<i>От разгадки к тайне.....</i>	<i>53</i>
<i>Интеллект и Божество</i>	<i>56</i>
<i>Мир без чудес</i>	<i>57</i>
<i>Кого, скажите, мне благодарить?.....</i>	<i>57</i>
<i>Бесплодная страсть</i>	<i>58</i>
<i>Неизбежное прощание.....</i>	<i>58</i>
ГЛАВА 9. ИСТИНА – УМИРАЮЩЕЕ ПОНЯТИЕ	61
<i>Что есть истина?.....</i>	<i>63</i>
<i>"Неточный" перевод</i>	<i>63</i>
<i>Образ и храм</i>	<i>64</i>
<i>Истина как Личность.....</i>	<i>64</i>
ГЛАВА 10. ЛИКИ ЛЮБВИ.....	67
<i>Сизифов труд.....</i>	<i>68</i>
ГЛАВА 11. У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ	71
ЧАСТЬ III. КТО ТАКОЙ ИИСУС И ПОЧЕМУ ЭТО ВАЖНО ЗНАТЬ?	73
ГЛАВА 12. НА ПОДСТУПАХ К ИСТИНЕ	73
<i>Унижение истины.....</i>	<i>73</i>
<i>Истина об истине</i>	<i>74</i>
<i>Абсолютность истины.....</i>	<i>75</i>

<i>И то и другое</i>	76
ГЛАВА 13. ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ПЕРЕД ВЫБОРОМ	78
<i>Всеобщий предрассудок</i>	80
<i>Врожденное достоинство</i>	81
<i>Зеркало без лица</i>	82
<i>К величию через смирение</i>	82
ГЛАВА 14. ПРОБНЫЙ КАМЕНЬ ФИЛОСОФИИ.....	84
<i>Единство цели проявляется в поклонении</i>	85
<i>Огненные колесницы</i>	86
<i>Поверх барьеров</i>	87
ГЛАВА 15. СРЕДОТОЧИЕ ИСТОРИИ	88
<i>Человеческая жажда</i>	89
<i>Надежда и ее обоснование</i>	90
<i>Иллюзия нейтральности</i>	91
ГЛАВА 16. ОСНОВАНИЕ ВЕРЫ.....	95
<i>Воплощение</i>	97
ПРИЛОЖЕНИЕ А ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ ПО ТЕМЕ "РЕЛИГИЯ И АТЕИЗМ"	99
ПРИЛОЖЕНИЕ Б КРАТКИЕ БИОГРАФИИ ИЗВЕСТНЫХ ФИЛОСОФОВ	105
<i>Рене Декарт (1596-1650)</i>	105
<i>Дэвид Юм (1711-1776)</i>	106
<i>Иммануил Кант (1724 - 1804)</i>	108
<i>Серен Кьеркегор (1813 - 1855)</i>	109
<i>Фридрих Ницше (1844 - 1900)</i>	110
<i>Бертран Рассел (1872 - 1970)</i>	112
<i>Жан-Поль Сартр (1905 - 1980)</i>	113

Предисловие

Я очень люблю слушать магнитофонные записи проповедей, и делаю это при малейшей возможности — когда еду в машине, занимаюсь домашними делами или сортирую бумаги на столе. На моем счету тысячи прослушанных выступлений. Тем не менее, мне редко доводилось слышать что-нибудь приближающееся по силе воздействия к циклу лекций, прочитанных Равви Захариасом студентам Гарвардского университета. Обращаясь к одной из требовательнейших аудиторий Америки, Равви изложил идеи христианства увлекательно, доступно и убедительно, с легкостью отвечая на возникавшие вопросы и умело разбивая аргументы противников.

Несколько раз прослушав запись лекций (со все возрастающим от раза к разу удовольствием), я позвонил Равви и посоветовал превратить их в книгу — так и моя просьба оказалась в числе пожеланий, содействовавших появлению книги. Мы получили труд, в котором с христианских позиций освещены самые животрепещущие вопросы нашего времени.

Большинству из нас невдомек, что идейное противостояние в Америке конца XX века, так называемая "война культур", на самом деле есть только отражение конфликта, происходящего на куда более глубоком уровне. Пытаясь выиграть ее в мелочах, мы, христиане, упускаем шанс одержать победу крупного масштаба. Поэтому необходимо вникнуть в глубинный, философский смысл происходящего.

Смысл же происходящего заключается в том, что современное человечество (в исторически христианских странах) в значительной степени отошло от веры в истину, явленную нам через библейское откровение. Подтверждение этому — опросы общественного мнения, проведенные среди американского населения. Если в 60-х годах 65% американцев доверяли библейскому откровению, то ныне лишь 32% американцев считают, что Священное Писание содержит истину, а 67% отрицают само понятие истины. Семьдесят процентов населения США не верят в существование нравственного абсолюта.

Заблуждение в отношении истины — вот главная беда нашего времени.

Какой смысл основываться в своих рассуждениях на Библии, если две трети аудитории не считают Писание истинным? Имеет ли смысл утверждать, что Иисус есть путь, истина и жизнь, если люди не верят в само существование истины? Этим я отнюдь не хочу сказать, что Слово Божье не имеет силы убеждать даже самых упорных неверующих, но если христиане желают быть по-настоящему услышанными и оказать влияние на общество, им прежде всего необходимо защитить само понятие истины.

Именно эту задачу ставит перед собой Равви Захариас в книге, которую вы держите в руках — и превосходно с ней справляется. В его изложении христианская апологетика звучит мощно и убедительно.

Меня всегда огорчало то обстоятельство, что есть немало христиан, которые стесняются рассуждать о вере, используя доводы логики. Некоторые и вовсе полагают, что отстаивать веру с помощью логики неправильно. Между тем, отказ от помощи разума едва ли поможет нам вырасти духовно, недаром и в Божьем Слове мы читаем о необходимости пленять всякое помышление в послушание Христу (2 Кор. 10:5). Уход от логики в область сугубо мистических переживаний обрекает Церковь на все возрастающие трудности в проповеди Евангелия и в конечном счете — на потерю влияния в обществе.

Современные христиане остро нуждаются в апологетике, образец которой вы найдете на страницах этой книги. Только вооруженные вескими доводами рассудка и

знаниями историко-культурного характера, мы можем рассчитывать на убедительную победу в споре с неверующими.

Я искренне надеюсь, что вы избежите поверхностного отношения к книге, лежащей перед вами. Читать ее нужно предельно внимательно. Постарайтесь запомнить содержащиеся в ней доводы и пользуйтесь ими всякий раз, когда потребуются защитить истину от неверия.

Общество, в котором мы живем, практически потеряно для Бога, но нередко именно в такие, казалось бы, безнадежные времена, Господь посылает в мир особых людей — мы называем их пророками, — чтобы засвидетельствовать об истине. Равви Захариас — как раз такой человек. Молю Бога о том, чтобы его служение должным образом вооружило нас для битвы, которую мы ведем.

Чарльз Колсон

Введение

«В погоне за знаниями мы превратились в сумасшедших», — утверждает известный английский журналист Малькольм Маггеридж, размышляя над палитрой современных представлений о мире. Почему любая, даже самая нелепая и неприемлемая концепция обязательно находит сторонников в академической среде? Этот вопрос невозможно оставить без внимания, если мы хотим разобраться в болезнях современного общества и избежать катастрофического для всех нас будущего.

В истории последних столетий достаточно примеров того, как целые народы, словно входя в некий переходный возраст, вдруг устремлялись к полной и ничем не ограниченной свободе. Однако на их пути неизменно оказывались инакомыслящие люди, противники пропагандируемого беззакония. Как с ними бороться? Уничтожать физически не всегда возможно, да и губительно для репутации. Куда эффективнее и проще дискредитировать сами ценности, которые они пытаются защитить — проверенные временем, теистические воззрения.

Уподобляясь ловким адвокатам, с помощью логических хитросплетений вводящим в заблуждение суд и присяжных, светские мыслители повели целенаправленное наступление на истинные представления о мире. Если им удавалось заронить хотя бы малейшее сомнение в истинности теистического мировоззрения, это уже давало повод восторженно заявлять о его полной несостоятельности. Важнейшим элементом атеистического наступления стало формирование целого класса мыслителей, которые воспринимались одновременно как законодатели мод в области философии, и как бесстрашные освободители общества от "тирании" Бога.

Подобные махинации, столь привычные в зале суда и имеющие цель воспрепятствовать правосудию, и были выбраны светской стороной в качестве основного оружия в идейном противостоянии с теизмом, которое и стало главным содержанием исторического процесса на протяжении нескольких последних веков. Печальный путь, пройденный цивилизацией с эпохи Возрождения до наших постмодернистских времен, был вполне предсказуем, но едва ли неизбежен. На протяжении всего этого времени не переставали звучать предупреждения о страшных последствиях возведения гуманизма в ранг государственной идеологии. Теисты со всем основанием спрашивали: если желание человека является подлинным мерилom нравственности, то следует определить, какого человека: Гитлера или Франциска Ассизского, Сталина или матери Терезы? Однако, вопрос казался слишком прямолинейным, а возможный ответ — слишком неутешительным, по причине чего сторонниками атеистического мировоззрения и была избрана упомянутая тактика, состоящая в том, чтобы спрятать аргументы противной стороны под ворохом словесной шелухи, смутить судей клеветой и, в конечном итоге, выиграть процесс за счет регулярной "неявки в суд".

Принципиальным моментом этой тактики стал захват "интеллектуальных центров" цивилизации — университетов, — в которых, в результате неослабевающего "научного" поиска, произошла полная переоценка взглядов на бытие Бога. Сегодня для типичного представителя академической среды характерно полное неверие. Переоценка религиозных воззрений велась под флагом борьбы за политическую и академическую свободу, но нетрудно увидеть, что на самом деле она объяснялась желанием развенчать любую систему ценностей, требующую нравственных ограничений. Примечательно, что особо яростная травля велась и ведется против христианства, тогда как восточные религии пользуются загадочным иммунитетом, я бы сказал даже уважением. Что касается ислама, то ни один университет не позволяет себе оскорблений в его адрес. Между тем, христианские идеалы беззастенчиво подвергаются шельмованию, совершенно узаконенному и считающемуся чуть ли не признаком хорошего тона.

Итак, оружием новых "конквистадоров" стала ручка и университетская кафедра. Они прекрасно понимают, что если внедрить в неокрепшие, но многообещающие умы студентов сомнение в существовании истины, то по прошествии определенного времени оно проникнет во все сферы общественной жизни и станет залогом окончательной победы атеистического мировоззрения.

Впрочем, с течением времени оружие, пущенное в ход академическими мыслителями, обернулось против них самих — авторитет высшего образования, доселе считавшийся незыблемым, резко упал. И не удивительно: усилиями светских философов современный человек не имеет ответов на самые простые и в то же время основополагающие вопросы — о смысле жизни и смерти, о добре и зле, об отношениях между мужчиной и женщиной. Ученые умы, призвав студентов подвергать сомнению любой авторитет, сами стали объектом сомнения.

Примечательно, что само слово "университет" произошло от латинского корня, означающего "приводить разрозненное к целому", а изначальный замысел создания академий заключался в распространении не только знаний, но и добродетели. Естественно, ни одна из названных целей в современных ученых кругах не признается и не достигается. Чаяниям Жан Поль Сартра, мечтавшего об объединении разрозненных областей знания в целостную картину мира, так и не суждено было сбыться. Сегодня очевидно, что господствующим течением современной мысли является скептицизм в духе Рене Декарта, который, вознамерившись сформулировать понятие достоверности, начал с положения о достоверности сомнения. Однако, в отличие от Декарта, огражденного от грубых ошибок верой в бытие Божье, современные скептики посчитали начальный пункт поиска также и конечным.

Еще много лет назад Пол Шерер предупреждал о грозящей обществу деградации. Размышляя о противостоянии Церкви и ее противников, он отмечал:

"Одно за другим поколения людей, вышедших из-под власти Папы и Церкви, охватывала настоящая эйфория свободы, выразившаяся в желании не подчиняться нравственным ограничениям вообще, независимо от того, кем или чем они установлены — совестью или Самим Богом. Разуверившись в том, чему никогда и не следовало верить, они перешли к полному отрицанию веры, так что для миллионов людей существование мира и человеческой жизни перестало иметь какой-либо определенный смысл. Поэты заговорили о "блуждании в пустыне духа" и "бесцельном перемещении из колыбели в могилу". Душевная пустота стала преобладающей темой разговоров, нигилизм — движущей исторической силой, разочарование и скука — сюжетом для романов и пьес; пространство, обжитое человеческой мыслью, сузилось до минимальных размеров, а окружающая его тьма пугала подобно той пропасти, которую боялись встретить за "краем земли" мореплаватели времен Колумба".

Тем не менее, не все потеряно. Несмотря на разнообразные и целенаправленные усилия приписать духовные потребности иррациональному началу в человеке или, в лучшем случае, признать их частным делом каждого, устремленность к трансцендентному возрождается в каждом поколении. Имея за плечами почти двадцатилетний опыт лекционной работы в университетах мира, я твердо убежден в том, что духовные устремления в человеке невозможно убить. Практически все мои лекции собирали максимально возможное в условиях данного помещения количество слушателей, а реакция аудитории всегда была скорее положительной, нежели отрицательной. Лучшее подтверждение неугасимости духовного пламени — изменения, произошедшие в таких странах, как Россия и Китай, которые, попытавшись искоренить всякое упоминание о Боге, довольно быстро убедились в пагубности своей политики.

Впрочем, справедливости ради нужно признать, что в каком-то смысле скептическое отношение к христианству бывает оправданным — когда учение Христа искажается, становясь основой для попрания чужих прав и эксплуатации человека человеком. В таком виде христианство никого не может к себе привлечь. Можно ли вообще избежать крайностей, возможно ли не уклониться от истины? Искренне убежден, что можно — и незаменимым помощником в этом должен стать разум. Взаимодополняемость веры и разума является главной темой лежащей перед вами книги.

За основу книги были взяты две лекции, прочитанные в Гарвардском университете, и лекция, прочитанная в Государственном университете штата Огайо. Впрочем, импровизационный характер лекций потребовал, чтобы в работе над книгой я несколько упорядочил и углубил аргументацию, а также постарался осветить по возможности максимальное число смежных вопросов. Надеюсь, что мне это удалось — несмотря на необъятность темы. Следует помнить, что моей целью было не только выступление в защиту теистического мировоззрения, но и выявление откровенных алогизмов, которыми страдает атеистическое мышление, неспособное адекватно объяснить сущность явлений и воспринять богатство окружающего мира.

Следует отметить, что реакция аудитории на мои выступления была, за редким исключением, сугубо положительной и даже теплой. Если мы и расходились в чем-либо, то дискуссия по спорным вопросам происходила в духе взаимного уважения. В конце выступления мне щедро аплодировали. Я искренне благодарен студентам за такое дружеское расположение.

Я разделил книгу на три логически взаимосвязанные части. В первой я провожу анализ атеистического мировоззрения, имеющий целью продемонстрировать логическую противоречивость и экзистенциальную неадекватность этой философской системы, т. е. ее несостоятельность. Предвидя определенные возражения, заранее хочу сказать: воинствующие атеисты часто утверждают, что обществу навязывается трансцендентная этика. Отрицая существование трансцендентной реальности и, следовательно, какого бы то ни было нравственного абсолюта, они говорят о якобы ужасном состоянии, в которое религия ввергла цивилизацию. Это ошибочная точка зрения. Напротив, ни с чем не сравнимые ужасы и страдания стали возможны только на почве воинствующего атеизма, охотно принявшей в себя и прорастившей зерна политического террора. Двадцатый век стал абсолютным рекордсменом в этом отношении — и не следует забывать, что его философским основанием было сознательное и агрессивное отрицание бытия Бога.

Первая часть логически подводит к выводу о том, что без понятия о трансцендентном, т. е. о Боге, любая философия в той или иной мере утрачивает смысл, превращается в абсурд. Впрочем, воинствующий атеизм и не отрицает этого феномена, но дает ему более благозвучное название: "освобождение человеческой мысли". Но можно ли называть освобождением отказ от подлинного осмысления жизни? Не является ли это скорее отказом от удовлетворения глубинной потребности души и разума? Автор убежден, что является. Вторая часть книги, таким образом, посвящена обоснованию врожденной потребности человека осмысливать жизнь.

Неотъемлемой частью христианского теизма и предлагаемой им интерпретации мира, является предпосылка об истинности учения, возведенного Иисусом Христом. В работе освещены основные положения этого учения, являющегося абсолютной истиной во все времена. Но как продемонстрировать истинность христианского понимания смысла жизни и других важнейших вопросов? Как относиться к другим мировоззрениям, сосуществующим в рамках плюралистического общества? Может ли быть истинным одно единственное учение или истину поделили между собой многочисленные философские учения и религии? Ответить на эти вопросы невозможно, не коснувшись загадки личности Иисуса Христа. Кто Он — реальное историческое лицо или миф, пророк или самозванец,

человек или Бог? Очевидно одно: если Христос действительно был Тем, за Кого Себя выдавал, то любая попытка опровергнуть Его учение становится, во-первых, безнравственной, а во-вторых — бесполезной. Если же Его утверждения о Себе ложны, то и вся сначала христианская, а затем и пост-христианская цивилизация оказывается основанной на лжи. Обсуждению этих принципиальных вопросов посвящена третья часть книги, без сомнения, самая важная и поэтому требующая наиболее пристального внимания читателя.

В Приложении А приводится стенограмма дискуссии, состоявшейся после моего выступления в Гарвардском университете. Прозвучавшие на ней вопросы, в целом, весьма характерны для аудиторий, перед которыми мне приходится выступать с лекциями об атеизме.

Приложение Б содержит составленные мной краткие биографические справки о крупных мыслителях, которые в той или иной степени способствовали формированию атеистического мировоззрения на протяжении последних веков. Среди них читатель найдет имена Декарта, Бертрана Рассела, Жан Поль Сартра и др. Помимо чисто биографических данных, я попытался осветить сущность их атеистических воззрений и кратко указать на недостатки их философских систем.

Возможно, некоторые места текста покажутся читателю слишком тяжеловесными и наукообразными. Несмотря на это, я попросил бы читателя не пропускать их, поскольку "трудные" размышления обязательно завершаются примером или иллюстрацией, которые облегчают понимание материала. Все основные положения книги я еще раз формулирую в конце ее.

Наш разум — слишком большое богатство и слишком мощное оружие для того, чтобы пренебрегать им. Я написал эту книгу в надежде на то, что изложенные в ней идеи сделают ближе и понятнее Высший Разум — Бога, — от признания или отрицания существования Которого зависит все остальное.

Равви Захариас,

Атланта, 1994

Часть I. Воинствующий атеизм жив и смертельно опасен

Глава 1. Блаженны алчущие

«Скажи мне, какие песни слагает этот народ, и я скажу о его законах», — писал шотландский мыслитель и политический деятель восемнадцатого века Эндрю Флетчер. В этих словах отражена не только культурологическая оценка общества, но и нечто другое: песни действительно оказывают на людей какое-то чрезвычайное, загадочное влияние, главным образом — на молодежь, то есть на людей, еще не утвердившихся в своих взглядах.

Мой личный опыт полностью подтверждает наблюдение Эндрю Флетчера. Сопереживая музыке, я смог почувствовать самого себя понятным и научился понимать других. Помню, тринадцатилетним мальчиком, то есть в самом тревожном, полном неопределенности возрасте, я сидел у себя в комнате с невыносимо скучным учебником физики в руках и прислушивался к песне, негромко доносившейся из радиоприемника. Вдруг я почувствовал удивительное созвучие выраженных в ней переживаний с теми борениями, которые происходили тогда в моем сердце. Написанная в слегка восточной манере, хотя исполненная американцем, эта песня произвела на меня, подростка, живущего в Индии, впечатление странной универсальности выраженного в ней опыта. На каждую ее строчку мое сердце отзывалось болью и пониманием.

Мы бродим по пустыням духа,
Томимся в тупиках ума,
Идем на свет, но отовсюду
Нас окружает тьма.
Найдем ли свет — кто даст ответ?

Кто смысл жизни нам откроет?
Секрет надежды в чем сокрыт?
Хранит его затворник в келье?
Иль некий древний манускрипт?
Кто даст ответ?

В тексте песни перечислялись разнообразные ипостаси страдания — распад семьи из-за утраты взаимопонимания между супругами; горе матери, потерявшей ребенка; отчаяние человека, охваченного желанием самоубийства; показное веселье танцующих на дискотеке, пытающихся спрятать под маской беззаботности свое одиночество. Каждый куплет завершался вопросом: "Кто даст ответ?" Поразительной силы вывод, вскрывающий сущность конфликта внутри человеческого сознания, прозвучал в самом конце:

Что делать, если черный страх
Нам душу ранил?
Что делать, если жизнь — игра,
Игра без правил?
Кто даст ответ?
Кто даст ответ?
Кто даст ответ?

Несмотря на мою молодость, от меня не ускользнуло то обстоятельство, что столь откровенное признание во внутренней опустошенности исходило от американца, то есть от гражданина страны, ставшей для миллионов жителей планеты символом Рая на земле. Более того, автор песни жил рядом с Голливудом, символизирующим вершину успеха для самих американцев. Откуда же взялась опустошенность? Если бы подобный вопль отчаянья прозвучал из уст какого-нибудь индийского певца, я бы не удивился: моя родина

всегда ассоциировалась с людским страданием, недаром ее называют "раненой цивилизацией". Но от американца?!

По какому-то совпадению, приблизительно в то же время мировое признание получил индийский фильм "Мать Индия", в котором была изображена отчаянная борьба индийской семьи за свое земное благополучие. Постоянно омрачаемая болезнями и гибелью близких, национальными катаклизмами и внутренними раздорами, жизнь персонажей фильма напоминает непрекращающуюся пытку. Звучащая в фильме песня как бы подводит ему итог:

Коль скоро я родился в этот мир,
То должен жить.
И если эта жизнь — чаша с ядом,
Я должен испить ее.

Фатализм, нигилизм и жажда земного благополучия — все это более чем понятно, когда речь идет об Индии, павшей жертвой нескончаемого насилия и раздираемой внутренними противоречиями. Но каким образом вопросы, возникающие в контексте "раненой" индийской культуры, вдруг появились в сознании людей, не познавших проблем, выпавших на долю индийцев?

Недоумение по этому поводу не оставило меня даже когда я, повзрослев, переехал жить в Соединенные Штаты. До сего дня меня не перестает удивлять отсутствие на Западе сколько-нибудь внятных ответов на главные вопросы жизни; полнейшая неспособность культурной элиты как-то осмыслить и разрешить проблемы, поставленные в песнях. Вдумайтесь, например, в слова одной из песен группы "Кинг Кримсон":

Железный коготь паранойи
Столетью выколочил глаза —
Шизоиды слепые бродят
По черному лицу Земли.

Человеческий разум, попав в лабиринт нескончаемого насилия, бессмысленной злобы и необъяснимого бессердечия, пытается найти выход — но собственных сил ему недостает. Бездуховность, царствующая в окружающем мире, уводит взор человека от небес и приковывает его к земле.

Писания пророков рассыпались в прах,
Восходит солнце над орудиями смерти,
Молчание и пустота поглотят крики о помощи,
И никто не возложит венков на общую могилу.
Человечество бредит кошмарами,
Судьбой планеты играют придурки.

Жизненный опыт суммируется одним словом — *абсурд*, которое оказывается эпитафией современной культуре. Несмотря на мелодраматичность выражения и чрезмерное сгущение красок, мы, конечно, должны быть благодарны музыкантам за откровенность в признании растерянности перед миром, неспособности осмыслить происходящее.

Я прекрасно осознаю риск, на который иду, начиная разговор о важнейших вопросах бытия с разбора рок-песен, однако считаю его оправданным. Прежде всего потому, что музыканты, благодаря присущей творческим людям открытости, находят в себе силы признаваться в том, что крайне редко услышишь от представителя академической среды. Ведь намного легче спрятать свою неуверенность за непроницаемым фасадом философской аргументации, чем прямо рассказать о боли, недоумении, страсти. Несмотря на прогресс в технической области, песни, которые мы поем, остались прежними. Если же

они изменились, то исключительно в сторону большего отчаянья, большей растерянности. Жажда подлинной духовности продолжает усиливаться несмотря на то, что время от времени слышится очередной голос, высмеивающий религию и самонадеянно предлагающий очередную атеистическую концепцию. "Мы переросли религиозную мифологию", — повторяет он известный тезис, но как правило, его мало кто слышит, потому что люди быстро убеждаются на собственном опыте, что от перестановки слагаемых внутри одной и той же концепции ее способность удовлетворять запросы человеческой души не меняется.

В середине нашего века Альбер Камю, а в менее отдаленном прошлом психолог Виктор Франкль признали, что поиск смысла жизни является главным содержанием духовной жизни человека. Будучи совершенно согласным с этой точкой зрения и присоединяясь к поиску, объединившему людей всех столетий и стран, я попытаюсь предложить в этой книге свой ответ на стоящий перед нами вопрос. Но сперва необходимо четко обрисовать нашу проблему и определить некоторые понятия для того, чтобы, рассуждая, мы говорили на одном языке.

Предварительные замечания

Существует анекдот, — насколько он основан на реальных событиях или выдуман, я не знаю — об известном чемпионе мира по боксу Мухаммеде Али. Имя этого боксера никогда не ассоциировалось с такими чертами характера как кротость или хотя бы скромность; напротив, все знают, что Али — хвастун и грубиян. Это обстоятельство, судя по всему, и послужило поводом к шутке. Анекдот такой: Мухаммед Али летит на самолете и слышит объявление о необходимости пристегнуть ремень перед посадкой в сложных метеоусловиях. В отличие от всех остальных пассажиров, боксер никак на него не реагирует. Заметив это, к нему подходит стюард и просит подчиниться приказу командира, но Али возражает: "Суперменам не нужны ремни безопасности". Не растерявшись, стюард парирует: "Суперменам не нужны самолеты, чтобы летать".

Я рассказал этот анекдот для того, чтобы в шуточной форме предупредить об опасности, которая нередко подстерегает интеллектуалов. Согласитесь, что людям образованным бывает свойственно этакое "суперменское" превосходство над "отсталостью и невежеством толпы". Получив образование, мы иногда ошибочно полагаем, что и саму жизнь понимаем лучше других и что академические знания приближают нас к раскрытию ее главной тайны. Однако образование не всегда равняется жизненной мудрости и поэтому не следует, исходя из того, что мы живем в эпоху технического прогресса, пренебрегать опытом, накопленным человечеством за прошедшие сотни лет. Соблазн, который нам нужно стремиться преодолеть, есть не что иное, как соблазн гордости, точнее, гордыни — ошибочного самовозвеличивания, ничем не подтвержденной уверенности в своем превосходстве над другими людьми и другими поколениями, в причастности некоему "высшему" знанию и т. д. Игра в сверхчеловека опаснее, чем кажется на первый взгляд, о чем свидетельствуют многочисленные исторические примеры, самый яркий из которых, несомненно, трагическая судьба Третьего Рейха, положившего философию Фридриха Ницше в основу государственной доктрины. Поэтому я просил бы, чтобы в предстоящей дискуссии мы руководствовались духом смирения и не допускали самовозвеличивания.

Перед нами, быть может, самый важный вопрос современности — может ли человек жить без Бога? — и искать ответ на него необходимо не только с напряжением всех интеллектуальных способностей, но и с предельной честностью перед самими собой. Мне выпала честь рассуждать о столь важном предмете перед аудиториями многих стран мира, и в результате общения с ними я пришел к мнению, что философское осмысление жизни полностью определяется ответом на два основополагающих вопроса — "Существует ли Бог?" и "Если Бог существует, какова Его природа и какими качествами Он обладает?"

Пройти мимо этих вопросов решительно невозможно; даже если не отвечать на них формально, то в практике повседневной жизни ответ придется дать. Очевидно, что вся наша система жизненных ценностей кардинальным образом зависит от веры или неверия в бытие Бога.

Необходимо сделать еще одно замечание, прежде чем мы начнем обсуждение. В силу того, что мои детство и юность прошли в "восточной" стране, я по собственному опыту знаю, какую опасность таит в себе религиозная ненависть и как легко грубые эмоции берут верх, стоит коснуться животрепещущих тем. Поэтому я считаю бессмысленным спор о сущности добра, если участники его испытывают друг к другу заведомо недобрые чувства. В отсутствии сердечного взаиморасположения истина затуманивается, ускользает из рук — не потому ли споры чаще приводят к окончательному размежеванию, чем к искомому согласию? А ведь в нашем случае речь пойдет о вопросе, являющемся фундаментом системы представлений о мире и роли человека в обществе.

В пользу противоположных точек зрения на бытие Бога высказывались величайшие умы человечества. Убежденные атеисты, к примеру, любят апеллировать к имени Эммануила Канта, давшего рациональное истолкование социальной этики, не основанной на вере в Бога. (Интересно, что мне доводилось слышать это имя от атеистов как в Соединенных Штатах, так и в Советском Союзе. Я предоставляю вам самим оценить противоречивость использования имени Канта в данном случае, поскольку политико-экономические системы этих стран столь различны). Однако же никто не упоминает о том, что сказал философ в заключении своей работы *"Критика чистого разума"*:

"Другими словами, вера в Бога и в существование иного мира так неразрывно связана с моей совестью, что, поскольку я мало опасюсь потерять последнюю, то равно и не боюсь когда-либо расстаться с первой".

Мы видим, что мыслитель, имя которого написано на раменах атеизма, был вовсе не чужд веры в существование Бога. Это, во-первых, лишает силы утверждения о якобы "интеллектуальной несостоятельности" теизма, а во-вторых, показывает, что они порождены либо невежеством, либо предубеждением. Я надеюсь, что во время дискуссии мы сможем не лукавя рассмотреть все точки зрения в духе уважения и заинтересованности.

Союз философии и жизни

Одна из трудностей, возникающая при обсуждении нашей темы, заключается в том, чтобы с одной стороны, не пасть в глазах суровых критиков, а с другой, не оттолкнуть людей, заинтересованных в глубоком осмыслении жизни, но не привыкших к философской манере рассуждения. Сознвая необходимость удовлетворить требования обеих сторон, я разработал особый подход, с помощью которого надеюсь объединить философию и повседневную жизнь. К. С. Льюис однажды заметил, что если оратор не может сформулировать аргумент достаточно просто для того, чтобы быть понятным любому человеку, то вполне вероятно, что он сам не вполне понимает, о чем говорит. Чтобы не быть заподозренным в подобном непонимании, я опишу три уровня, на которых происходит осмысление жизни, и которые должны быть понятны любому заинтересованному человеку. Должен сказать, что и беседу с профессиональными философами можно построить также.

Позвольте описать указанные три уровня. Первый уровень — теоретический. На этом уровне мы руководствуемся общими правилами обнаружения истины. Такое рассмотрение подразумевает использование в аргументации сугубо логических построений, для него не имеют значения личные чувства дискутирующих и их

культурный опыт. Привнесение в такого рода дискуссии эмоций создает препятствия на пути обнаружения истины.

Значение первого уровня для дискуссии невозможно переоценить. На этом уровне используются законы логики — хотя бы для того, чтобы их опровергнуть. К этому мы вернемся несколько позже, а пока я хотел бы отметить, что первым уровнем дискуссий часто пренебрегают те, кто не любит соглашаться с убедительной логической аргументацией оппонентов.

Логическое мышление абсолютно необходимо для постижения истины. Огюст Конт был совершенно прав, когда говорил о том, что "идеи либо правят миром, либо ввергают его в хаос". Действительно, безответственная игра идеями может быть исключительно опасной для частной и общественной жизни. Мы знаем, как "ошибки" (точнее, умышленные искажения) логики приводили к возникновению тираний. "Логические" преступления коварнее и страшнее "эмоциональных". Последние легко распознать, но если сами критерии, на основании которых строятся суждения, искажены, то исправить ситуацию становится намного сложнее.

Я сознательно уделил особое внимание важности логического мышления, потому что одна из главных опасностей, грозящих западному обществу в целом, исходит от людей, преследующих иррациональные цели, ради достижения которых они добиваются нового понимания некоторых слов и идей. В западных странах умудрились в значительной степени опошлить святое и вознести на пьедестал банальное благодаря тому, что в цепочке логической аргументации были пропущены некоторые обязательные звенья. Если постоянно подвергать разум и язык насилию так, как это происходит сейчас, то вскоре реальность будет восприниматься неадекватно.

Несмотря на важность этого уровня осмысления действительности, очень немногие испытывают потребность открыть учебник по логике; более того, незаинтересованность перерастает в презрительное отношение ко всем тем, кто пытается противопоставить иррациональному видению мира рациональное. Это во многом объясняет то обстоятельство, что учебники логики не слишком популярны. Осмыслять реальность логически, тем не менее, необходимо, иначе мир превратится в сумасшедший дом.

Признав существующее пренебрежение доводами рассудка, мы должны спросить себя: на каком основании большинство из нас формирует свою систему ценностей? Как формируют убеждения, скажем, наши коллеги или соседи по дому?

Здесь я позволю себе предположить, что мы, живущие в конце XX века, являемся уникальным поколением. Причина уникальности в том, что мы в отличие от предшествующих поколений стали объектом манипуляций, инструментом которых является массовое искусство. Оно главным образом и формирует наши убеждения, воздействуя на эмоции в обход логического мышления. За всю историю цивилизации не было столь мощного орудия воздействия на общественное сознание, как то, которое находится в руках современных имиджмейкеров. В этом, кстати сказать, скрыта некая ирония. Западный человек, традиционно испытывающий гордость от сознания своей принадлежности к просвещенному миру, развитию которого способствовали многие выдающиеся мыслители, в последнее время беспримерно унижил логическое мышление, причем за счет технических средств, порожденных разумом.

Итак, второй уровень осмысления жизни — уровень массового искусства. На нем происходит формирование представлений любого характера — от моды на одежду до способов организации предвыборной кампании. Философы-экзистенциалисты, такие как Жан Поль Сартр и Альбер Камю, не тратили времени даром на установление ненужных силлогизмов, а просто взяли ощущение пустоты, надежно поселившееся в сердцах современных людей, и соединили его с этикой интеллектуалов. Вслед за этим довольно

быстро последовало снижение культурных запросов и забвение всего того, о чем еще могла время от времени напоминать совесть. Эра телевидения превратила мир в необъятный храм массовой информации, где гости ток-шоу исполняют роль пророков, артисты и музыканты — роль священников, а любой сценарий становится "Священным Писанием", при условии что в нем отсутствуют нравственные ограничения. Включенный телевизор — вот единственное приспособление, которого требует современное культовое действо. Истина оказывается низведенной до уровня субъективной точки зрения и понятие красоты определяется созерцателем. Вечер за вечером телевизор превращает в идиотов миллионы людей.

Нельзя отрицать, что искусство всегда играло и должно играть важную роль в жизни общества. Но сегодня поражает ни с чем не сравнимая масштабность влияния массового искусства на общество. Оно, как некий таинственный законодатель, дает собственные ответы на решительно все вопросы жизни, включая вечные. Святое беззастенчиво опошляется, а от былых представлений о мире не остается и следа.

Третий уровень, неотделимый от второго, — поиск смысла жизни "за столом". Сюда относятся все бытовые ситуации, в которых человек так или иначе касается "вечных" вопросов.

Здесь я хотел бы немного отступить от темы и посетовать на неудобство, которое испытывает в гостях человек, обладающий популярной профессией. Так, врач неизменно становится жертвой знакомых и друзей, которые пытаются проконсультироваться у него по поводу своих многочисленных действительных и мнимых болезней. Юриста обязательно спрашивают о тонкостях какого-нибудь дела. Я слышал рассказ о враче, который в отчаянии пожаловался другу-адвокату на свою горькую участь. "Посылайте охотникам до бесплатных советов счета за медицинское обслуживание," — порекомендовал адвокат. Обрадованный врач понял, что выход найден. Каково же было его удивление, когда на следующий день он обнаружил в почтовом ящике счет от адвоката!

За прошедшие годы меня приглашали на ужин в большое число домов, и постепенно я убедился, что целью таких приглашений является отнюдь не только дружеское расположение. Чаще всего хозяева пытаются с моей помощью разрешить какую-нибудь проблему философского характера. Несмотря на "неакадемичность" обстановки, такие разговоры часто глубоки и серьезны. Это пример осмысления жизни на третьем, бытовом уровне. Например, сын или дочь хозяев в ходе ужина могут посетовать на нежелание родителей "объяснить" веру логически. "Родителям или проповеднику в церкви достаточно сослаться на Библию, и они считают это достаточным объяснением. Но в школе (или университете) к такому аргументу никто не прислушается. Как быть?" Такая жалоба мне более чем понятна. Мне приходится напоминать, что отказ от аргументации — это прием людей неверующих, точнее иррационально уверовавших в истинность какой-нибудь философской системы. Неподтвержденные доводами разума, теистические воззрения могут вызывать законное недоверие.

Большинство из нас постоянно осмысляет действительность, но незаметно, в самой банальной и обыденной обстановке — за столом, в транспорте, на отдыхе.

Итак, три уровня моей теории осмысления жизни таковы: логика, массовое искусство и быт. Поэтому, чтобы прийти к правильному пониманию жизни, я предлагаю использовать логику (первый уровень), сопровождать логические рассуждения примерами из массового искусства (второй уровень) и находить всему практическое применение (третий уровень). Другими словами, логика будет служить основанием наших рассуждений, популярное искусство — их "инфраструктурой", а повседневная жизнь — критерием практической пользы. Посмею утверждать, что стоит отступить от намеченной

схемы, и аргументация потеряет достоверность для обеих сторон, что сделает невозможным обнаружение истины.

Я хотел бы начать обсуждение вопроса о существовании Бога с общего для всех нас второго уровня, общего в силу большей или меньшей общности культурного пространства западной цивилизации (к которой относятся все исторически "христианские" страны). После этого я вернусь на первый уровень с тем, чтобы определить, почему именно учение Иисуса Христа позволяет адекватно ответить на вопрос в смысле жизни и решить наболевшие проблемы современности. Затем уже мы сможем аргументирование размышлять на любую философскую тему в беседах "за столом".

Глава 2. Блуждая в бесконечном ничто

Несколько лет назад мне довелось побывать на семейной встрече у одних ближневосточных друзей. Несмотря на бурные проявления восточного радушия, довольно быстро мне стало понятно, что собравшиеся родственники живут в разных странах, и что придерживаются они противоположных взглядов на многие вопросы. "Интересно, — подумал я, — а вторгается ли в их беспечные разговоры политика, или же они предусмотрительно обходят стороной эту тему, боясь нарушить единство семьи?" Вскоре я получил ответ на свой вопрос. Один из родственников высказал мнение, что члены его семьи в принципе не могут по-настоящему спорить о политике, поскольку даже ее принципы будут оспариваться до смерти. В подтверждение своих слов он рассказал анекдот, наглядно демонстрирующий самобытность и разобщенность культур разных стран.

Анекдот такой. По заданию редакции журналист проводит опрос общественного мнения в разных странах мира. Находясь в Америке, он спрашивает на улице первого встречного: "Как вы относитесь к проблеме дефицита мяса в мире?" Американец в недоумении отвечает: "А что такое дефицит?"

Затем журналист задает этот же вопрос в стране, долгое время страдающей от нехватки продовольствия. "Как вы относитесь к проблеме дефицита мяса в мире?" — спрашивает он. На что исхудавший респондент предсказуемо отвечает: "А что такое мясо?"

Следующим пунктом остановки журналиста стала страна с тоталитарным режимом правления. Обращаясь к человеку, стоящему в очереди за буханкой хлеба, журналист задает свой вопрос: "Как вы относитесь к проблеме дефицита мяса в мире?" Окинув журналиста непонимающим взглядом, человек отвечает: "А что значит *как вы относитесь?*"

Отчаявшись получить нормальный ответ, журналист обращается к жителю Ближнего Востока, спешащему на работу: "Как вы относитесь к проблеме дефицита мяса в мире?" Яростно жестикулируя, человек восклицает: "Что значит *как?*"

Анекдот вызвал громкий смех, и хозяин дома, обратившись ко мне, объяснил: "Мы не можем прийти к согласию даже в постановке вопроса, поэтому нам нет смысла бояться разногласий в ответах". Это еще более утвердило меня в том, что важно вначале условиться об исходных пунктах дискуссии, прежде чем переходить непосредственно к ней.

Итак, в соответствии с этим выводом, постараемся определить хотя бы самые основные понятия, которые будут использованы в ходе разговора.

Терминология

Четкое определение атеизма дал Этьенн Борн:

"Атеизм есть сознательное, решительное и догматически закрепленное отрицание бытия Божия. Атеистическое мировоззрение не довольствуется признанием своей относительной истинности, но претендует на полное обладание истиной, видя ее в абсолютном отрицании абсолюта".

Второе определение почерпнуто из философской энциклопедии:

"Атеист — это человек, утверждающий, что Бога нет; то есть полагающий, что утверждение "Бог существует" является ложным".

В своей книге "Кто же такой атеист?" известная поборница атеистического мировоззрения Мэдлин О'Хеир заявляет:

"Нам требуется набор надежных, практичных и удобоприемлемых стандартов, на основании которых мы могли бы общаться с самими собой и друг с другом.

Мы, атеисты, ... пытаемся обнаружить разумное основание для своих убеждений и поступков — и оно у нас уже есть. Это — материалистическая философия, в основе которой лежит убеждение в том, что в мире нет ничего, помимо чисто природных феноменов... Не существует ничего сверхъестественного, ни богов, ни неба, ни ада, ни жизни после смерти. Не существует сверхъестественных сил, и существовать не может. Мы, атеисты, убеждены, что природа просто есть. Материя просто существует".

Позвольте обратить ваше внимание на одно очень важное обстоятельство. Атеизм не есть некое пассивное неверие в Бога, но активное отрицание всех основных притязаний теизма. Атеизм не просто отвергает веру в Бога, но активно утверждает материю в качестве высшей реальности. Атеисты говорят, что если существование Бога недоказуемо средствами разума, то его нельзя признать истинным.

Атеистическое мировоззрение неизбежно накладывает отпечаток на любое решение, которое принимается человеком; в своих действиях он прежде всего исходит из того, что сверхъестественная реальность отсутствует, следовательно и его действия не могут иметь сверхъестественных последствий. Любую религиозность атеист воспринимает как проявление иррационального начала, и сопротивляясь ему, он так или иначе участвует в дискриминации верующих. Я убежден, что когда будет дописана последняя страница человеческой истории, мы узнаем, что атеистическое мировоззрение, если бы ему представился шанс овладеть сознанием всех людей на свете, сделало бы невозможным само сосуществование человечества по законам разума.

Похороны мертвой идеи

Вполне возможно, что ни один другой философ не сформулировал воинствующе атеистические взгляды с такой убедительностью и силой, как Фридрих Ницше. Гордо противопоставив идеалам добра и справедливости, берущим свое начало в христианском вероучении, атеистический культ грубой силы, философ был вправе ожидать самых непредсказуемых последствий. Предчувствия его не обманули. Немного найдется философов, чьи взгляды имели столь неоспоримое и катастрофическое воздействие на людей, реально ответственных за ход истории в XX столетии. Влияние ницшеанства на Гитлера и Муссолини получило сейчас надежное документальное подтверждение. Ни один другой философ не продемонстрировал столь убедительно, как Ницше, связь, существующую между атеистическими убеждениями и злыми делами человека. За подтверждением позвольте обратиться к известной притче Ницше "Безумный человек":

"Слышали ли вы о том безумном человеке, который в светлый полдень зажег фонарь, выбежал на рынок и кричал: "Я ищу Бога! Я ищу Бога!" Поскольку там собрались как раз многие из тех, кто не верил в Бога, вокруг него раздался хохот. Он что, пропал? — спросил один. Он заблудился, как ребенок, — сказал другой. Или спрятался? Боится нас? Пустился в плаванье? Эмигрировал? — так вопрошали и смеялись они вперемежку. Тогда безумец воскликнул: "Я хочу сказать вам, где Бог! Мы Его убили — вы и я! Мы все Его убийцы! Но как мы сделали это? Как удалось нам выпить море? Что сделали мы, чтобы оторвать землю от ее солнца? Куда теперь движется земля? Куда движемся мы? Прочь от всех солнц? Не падаем ли мы непрерывно? Назад, в сторону, вперед, во всех направлениях? Есть ли еще верх и низ? Не блуждаем ли мы словно в бесконечном Ничто? Не дышит ли на нас пустое пространство? Не

*стало ли холоднее? Не наступает ли все быстрее ночь? Не приходится ли среди бела дня зажигать фонарь? Разве мы не слышим шума могильщиков, погребаяющих Бога? Разве не доносится до нас запах божественного тления? — и Боги истлевают! Бог умер! Бог не воскреснет! И мы Его убили! Как утешимся мы, убийцы из убийц! Самое святое и могущественное Существо, какое только было в мире, истекло кровью под нашими ножами — кто смоет с нас эту кровь? Какой водой можем мы очиститься? Какие искупительные празднества, какие священные игры нужно будет придумать? Не должны ли мы сами обратиться в богов, чтобы оказаться достойными Его? Никогда не было совершено дела более великого, и кто родится после нас, будет, благодаря этому деянию, принадлежать к истории высшей, чем вся прежняя история!" — Здесь замолчал безумный человек и стал глядеть на своих слушателей; удивленно молчали и они. Наконец, он бросил свой фонарь на землю, так что тот разбился вдребезги и погас. "Я пришел слишком рано, — сказал он тогда, — час мой еще не пробил. Это чудовищное событие еще в пути, весть о нем не дошла еще до человеческих ушей. Молнии и грому нужно время, свету звезд нужно время, деяниям нужно время, после того как они уже совершены, чтобы их увидели и услышали. Это деяние пока еще дальше от вас, чем самые отдаленные светила, — и все-таки вы совершили его!" — Рассказывают еще, что в тот же день безумный человек ходил по различным церквям и пел в них свой *Requiem aeternam Deo*. Его выгоняли, а он твердил все одно и то же: "Чем же еще являются эти церкви, как не могилами Бога?"*

Тон голоса Ницше откровенно похоронный. Заимствуя профессиональный жаргон гробовщиков, он производит захоронение мертвой, по его мнению, идеи — идеи Бога. Когда-то в ней пульсировала жизнь, она помогала человеческой цивилизации выживать в незнакомом и враждебном мире, но теперь, по достижении человеком совершеннолетия, уже невозможно оправдать существование такого понятия. Взявшись за руки, философия и свобода решили покончить с "благороднейшим из заблуждений". Но когда безумец объявил о своих взглядах, выяснилось, что человечество еще не совсем созрело для их восприятия, поскольку инерция человеческого сознания велика, и оно упорно цепляется за старые догмы. Однако придет день, предрек Ницше, когда мир сам падет в раскрытые объятия "философа-освободителя".

В начале карьеры Ницше его коллеги обошлись с ним довольно несправедливо, увидев в повышенной эмоциональности его текстов неспособность к академической аргументации. Особый стиль сразу стал отличительной чертой философии Ницше. И сегодня по-прежнему достаточно легко ошибиться в восприятии его метафорической манеры. Предпочитая пафос художника холодной отстраненности лектора, Ницше (пользуясь нашей терминологией), воспользовался всеми тремя уровнями осмысления действительности и продемонстрировал, что существует явная связь между его безумцем, рядовым человеком и кабинетным ученым. Исходя из этой общности, он невольно предрек человечеству, отвернувшемуся от Бога, катастрофическое будущее. К сожалению, это мрачное предсказание "апологета воинствующего атеизма" сбылось в нашем кровавом столетии. Объявив прежнее теистическое основание устаревшим, Ницше предлагал на замену абсолютное безбожие. Эта концепция заслуживает того, чтобы рассмотреть ее подробнее.

Подмена понятий

Одно из положений философии Ницше заключалось в том, что христианство препятствует реализации творческого потенциала людей. Вполне возможно, что эта точка зрения была заимствована им у его близкого друга и отъявленного антисемита композитора Рихарда Вагнера (Вагнер считал христианство модификацией иудаизма).

Ницше определял христианское учение как низшую точку человеческой мысли, поскольку христианство сохранило такие понятия как нравственность, покаяние и смирение. Это, по мнению философа, замутняет ум и ослабляет волю, делая человека неспособным к осознанию собственного величия. Ценность европейской культуры, следовательно, тоже не признавалась философом, поскольку христианство являлось ее питательной почвой. На таком основании, считал Ницше, было решительно невозможно создать "сильную" цивилизацию. Если бы только человечеству удалось сбросить с себя оковы нравственности, оно воспарило бы, устремилось бы к невиданным доселе достижениям духа! Вдохновленный подобной перспективой, Ницше разработал учение для атеистической или, лучше сказать, антиатеистической цивилизации, правда предупредил, что ближайшие последствия его применения могут оказаться катастрофическими.

Философ сильно заблуждался, полагая, что катастрофичным будет лишь переходный период от старого общества к новому, т. е. период, предшествующий приходу Сверхчеловека. Катастрофичным оказалось само возникновение задуманного им антиатеистического общества. Просчет Ницше дорого обошелся человечеству, которое заплатило за него жизнями десятков миллионов невинных жертв. В мечтах Ницше атеизм был неким стимулом для человека, призванным помочь ему подняться над пережитками прошлого, но в действительности произошло противоположное. В человеке взяло верх самое низменное, что в нем было. Важно и другое: при хоть сколько-нибудь внимательном анализе философских построений Ницше оказывается, что они в принципе не могли лечь в основание цивилизации. Его идеи логически непоследовательны и нравственно несостоятельны.

Оглянемся вокруг: вместо рая на земле мы создали порочный круг насилия, духовной разобщенности и расовой ненависти. И вроде бы причина этого должна быть для всех очевидна — наши музыканты слагают о ней песни — но мы стали такими мастерами самообмана, такими ловкими эквилибристами на тонкой проволоке разума, что уже неспособны увидеть очевидное. Если мы и впредь будем отворачиваться от истины, то все больше будем напоминать безумца из притчи Ницше. Жизнь современного атеистического общества вполне отражает бессмысленность и неразумность его идеологии.

Впрочем, в основе жизни нашего общества лежат именно христианские ценности — просто этот фундамент спрятан глубоко под землей — в то время как на поверхности ведется активное строительство гуманизма. Только наличие христианского фундамента и делает возможным функционирование общества в целом; уверен, что примени мы хотя бы часть тех принципов, по которым существует «надстройка» в качестве основополагающих законов, самоуничтожение цивилизации было бы неизбежно.

Один из самых убедительных примеров такого самоодурачивания — недавно построенный дом искусств при Университете штата Огайо. Эту фантазмагорическую постройку уже окрестили "главным постмодернистским зданием Америки". Все в его внешнем виде призвано смутить, сбить с толку незадачливого зрителя: окруженное конструкциями, напоминающими строительные леса, украшенное ярко-красными кирпичными башнями и крытое соломой, оно немедленно вызывает недоумение. Стоит войти внутрь, и недоумение становится еще сильнее; там мы увидим лестницы, которые никуда не ведут, колонны, свисающие с потолков без всякой цели и стены, вызывающие головокружение своими немислимыми изломами. Архитектор, сообщает экскурсовод, задумал таким образом изобразить собственно жизнь — во всей ее бессмысленности и противоречивости, равно как и "непредсказуемость правил, по которым существует вселенная". Услышав такое объяснение, я задал лишь один вопрос: "Исходил ли архитектор из тех же принципов, когда закладывал фундамент здания?"

Смущенный смех в ответ на мой вопрос свидетельствовал о том, что современные постмодернисты руководствуются двойным стандартом, свойственным атеизму вообще. Занимаясь социальным экспериментированием, никто из атеистов не рискует полностью отвергнуть фундаментальные истины. Ибо, если отказаться от них, то исчезнет само представление о разумном, а вместе с ним и основа для дискуссий. Каждый человек постмодернистской эпохи считает свое мировоззрение единственно правильным, а общество, будучи не в силах критически оценить разные точки зрения, погружается в состояние неопределенности и нерешительности. Именно на эту опасность указывал в свое время Ницше, а после него Жан Поль Сартр и именно в силу этого в философских построениях Ницше такое важное место отводилось фигуре Сверхчеловека, который должен был избавить человеческий род от опасного аморфного состояния. Беда в том, что тот, кого Ницше воображал спасителем, на деле исполнил противоположную роль, и вполне понятно, почему: философия, которой он руководствовался, логически обосновывала тиранию и геноцид.

Возникновение фашизма

Одна из откровенно слабых сторон атеизма — его принципиальная неспособность отмежеваться от самого чудовищного порождения нашего столетия — фашизма. Связано это прежде всего с тем, что иначе как в рамках атеистического мировоззрения фашизм просто не мог возникнуть. Это соображение является воистину непреодолимым препятствием для тех, кто желает отлучить человека от Бога. Казалось бы, потребность в нравственности, основанной на Абсолюте, очевидна. Между тем, путешествуя с лекциями по различным университетам мира, я не раз был поражен ожесточением, с каким иные аудитории встречают слова в защиту религии. "А как вы объясните тысячи убийств, совершенных во имя религии?!" — спрашивали меня.

Как ни странно, этот крик души вовсе не так страшен, как может показаться на первый взгляд, и чтобы убедиться в этом, достаточно попросить спрашивающего объяснить сначала убийства, совершенные общепризнанными безбожниками, такими как Гитлер, Сталин, Муссолини, Мао Цзэ Дун и т. д. Оказывается, что массовые убийства и геноцид, в которых повинны перечисленные люди и им подобные, были логически обусловлены их воинственно-атеистическими убеждениями. В противоположность этому, убийства и насилие, совершенные во имя Христа, никогда не были, да и в принципе не могли быть санкционированы Господом. Те, кто вершил расправу именем Бога, просто прикрывали Им свои гнусные корыстные цели. Кстати, именно с таким лицемерным проявлением религиозности Христос более всего и боролся во время Своей земной жизни, от ее сторонников и принял смерть. Таким образом, учение и действия лицемеров от религии решительно противоречат Евангелию.

Атеизм, в отличие от религии, логически оправдывает человеческое своеволие, а оно изначально противопоставлено нравственным заповедям. На угрозу беззакония, потенциально присущую атеизму, указывали многие выдающиеся умы еще в прошлом столетии. Дарвин, к примеру, предвидел проявления массового насилия в том случае, если его теория станет основой мировоззрения — как, к сожалению, и случилось. Достоевский устами своих персонажей утверждал, что "если Бога нет, все дозволено" и что в этом случае уже ничто не удерживает человека от окончательного и полного падения. Даже Ницше предупреждал о грозящей человечеству тьме, хотя сам во многом способствовал ее наступлению. Вглядываясь в современный мир, мы видим, как "развитые страны" постепенно сползают к бездне беззакония, удаляясь от Творца все дальше и дальше.

Если вам кажется, что я чрезмерно сгущаю краски, позвольте рассказать вам об одном событии, ставшем для меня своеобразным поворотным пунктом, одним из тех, которые человек, оглядываясь на прожитую жизнь, ощущает как главные вехи своего пути. Несколько лет тому назад я побывал с лекциями в Польше, где посетил печально

известный всему миру Освенцим. Это событие изменило меня навсегда. Много, много раз впоследствии я невольно возвращался в мыслях к холодящему кровь высказыванию Гитлера, начертанному на стене лагеря смерти:

"Я освободил Германию от таких глупых и вредных понятий, как совесть и нравственность... Мы воспитаем молодое поколение, перед которым станет трепетать весь мир. Я хочу, чтобы молодые были способны на насилие — уверенное, безжалостное и жестокое".

Там же можно увидеть сотни тонн волос, состриженных с женщин, которых нацисты уничтожили в газовых камерах. Подавленные и притихшие, экскурсанты проходят мимо фотографий изуродованных и кастрированных детей, смотрят на предметы личной гигиены погибших, возвышающиеся огромными кучами до потолка, и навсегда уносят в сердце воспоминание о чудовищности совершенных злодеяний.

То, что фашизм зародился и окреп на немецкой земле, в одной из самых культурных наций мира, вызывает законное недоумение. Но нужно вспомнить, что именно в Германии зародилось Просветительство, и тогда многое становится понятно. Путь к фашизму начался задолго до двадцатого века, в тот момент, когда европейская цивилизация начала строить свою жизнь без Бога.

Глава 3. Визит сумасшедшего

Можно ли объяснить Освенцим, отвратительным шрамом легший на лицо человеческой истории? Мне кажется, да, и вот объяснение Виктора Франкля, прошедшего все круги ада Освенцима:

"Если мы представляем человеческую природу неправильно, то рискуем развратить человека. Низводя человеческое сознание до суммы рефлексов, продукта наследственности и среды обитания, мы лишь воспитываем в современном человеке нигилизм, к которому он и без того предрасположен. Я склонен считать, что газовые камеры Освенцима, Трешлинка и Майданека возникли не только по указу из фашистского Берлина, но и благодаря ученым и философам, внесшим свой вклад в развитие нигилистического мировоззрения".

Эти слова должны заставить задуматься всех, кто, ослепленный гуманистическими ценностями, предлагает отказаться от нравственных принципов, заложенных в Десяти заповедях. Им стоит задуматься над замечанием Франкля о том, что Холокост стал результатом целенаправленной работы интеллектуальной элиты, беззащитно проводившей атеистическую пропаганду и признававшей только материальную сторону мира.

Патология убеждений

Эта история до сих пор поражает мое воображение. В передаче о жизни Сталина Малькольм Маггеридж, известный британский журналист, рассказал о встрече с дочерью тирана Светланой. Вот о чем та поведала.

Перед смертью отца преследовали кошмарные видения, он лежал без сил на кровати. Перед самым концом он вдруг приподнялся и, сжав кулак, погрозил небу, после чего почти сразу умер. Этот жест многое проясняет. По иронии судьбы, в начале своей жизни Сталин готовился стать церковнослужителем, учился в православной семинарии, но, достигнув определенного возраста, не только потерял веру, но и стал отъявленным богоненавистником. Именно эта черта — ненависть к вере — стала причиной того, что Ленин в свое время доверил ему важный пост в революционном правительстве, о чем впоследствии, но уже слишком поздно, пожалел. Сам псевдоним вождя имеет прямое отношение к его характеру — твердому и безжалостному, как сталь. Его жестокости удивлялись даже соратники. Недаром и последним жестом этого человека стал сжатый кулак, угрожающий Богу.

Существует ли связь между воинствующим атеизмом Сталина и проведенным им геноцидом советских людей (около 15 миллионов жертв)? Возможно, ответ на этот вопрос нам подскажет один эпизод из жизни Сталина, о котором поведал писатель Чингиз Айтматов.

Во время одного из своих "приемов" Сталин приказал принести ему живого цыпленка. Крепко зажав птицу в руке, он на глазах изумленных соратников стал методично выщипывать ей перья. Цыпленок делал отчаянные попытки вырваться, но мучительная процедура закончилась только тогда, когда последнее перо упало на пол. "Теперь смотрите", — сказал Сталин. Отпустив голую птицу, он пошел от нее прочь, держа хлебный мякиш. И тут случилось невероятное: обезумевший от страха и боли цыпленок побежал за Сталиным и прижался к голеницам его сапог! Сталин бросил несколько крошек и зашагал в сторону — цыпленок побежал за ним. Обернувшись к потрясенным гостям, генсек произнес: "Вот как надо править народом. Вы видели, этот цыпленок побежал за хлебом, хотя я причинил ему страшную боль? Люди подобны этому цыпленку. Если сделать им очень больно, они будут просить у тебя кусок хлеба всю оставшуюся жизнь".

Сталин низвел человека до уровня животного и в упоении своей безграничной властью уничтожил миллионы собственных сограждан. Известно также, что он подтолкнул к самоубийству и свою жену. Путь активного безбожия, которым пошел этот человек еще в начале жизни, сделал его одним из самых страшных палачей, известных человечеству.

Здесь необходимо сделать пояснение. Приводя рассказы о Сталине и ему подобных, я ни в коем случае не хочу сказать, что все атеисты таковы или что атеизм неизбежно ведет к совершению зла. Исторически неопровержимо, что среди атеистов были люди, избравшие в качестве дела всей своей жизни служение ближнему. Я, однако, вижу принципиальную разницу между верой и неверием в том смысле, что атеистическому сознанию нечего противопоставить логике злодеев, подобных Сталину и Гитлеру. Отказ от веры в Бога неизбежно влечет за собой и отказ от универсального нравственного закона, что делает позиции "доброго" и "злого" атеистов равноценными, имеющими одинаковое право на существование.

Неужели сталины и гитлеры — идеал гуманизма? Неужели это и есть те яркие личности, дерзко осмеивающие "нелепые" проявления религиозности? Помните героя произведения Ницше "Так говорил Заратустра"? Идея этой притчи одновременно наивная и глубокая. Ее герой, Заратустра, был искренним искателем правды, пожелавшим в полном уединении сформулировать идеальные нравственные заповеди. Проведя на вершине горы в безмолвном размышлении многие годы и убедившись в бесплодности своего поиска, он спустился на землю, в прямом и переносном смысле, с твердым убеждением, что нравственности вообще не существует, что это вредная иллюзия, от которой человечеству необходимо избавиться. С того момента, как Заратустре открылась эта "истина", его миссией стала проповедь существования "по ту сторону добра и зла".

Спускаясь с горы, Заратустра столкнулся с другим затворником — святым старцем, "оставившим все ради любви к Богу". На вопрос монаха о том, куда он направляется, новый пророк ответил, что возвращается в "низкий мир" разрушать мифы, в которые верит человек, — о добродетели и Боге. Услышав такие чудовищные слова, старец стал умолять Заратустру одуматься, но тот, повернувшись к нему спиной и зашагав прочь, лишь с сочувствием произнес: "Неужели никто не говорил ему, что Бог умер?"

Придя в город, Заратустра сразу же стал проповедовать на рыночной площади, где собравшийся народ наблюдал за канатным плясуном, который ходил по натянутому над площадью канату. Используя канатоходца как наглядный пример, пророк провозгласил:

"Человек — это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, — канат над пропастью. Опасен процесс движения и опасен взор, обращенный назад, опасны страх и остановка".

Развивая мысль о человеке, как промежуточном состоянии между зверем и сверхчеловеком, Заратустра сказал:

"Некогда человек был обезьяной, и даже теперь еще люди больше обезьяны, чем иная из обезьян... Я заклинаю вас, братья мои, оставайтесь верны природе и не верьте тем, кто говорит вам о загробном мире! Они отравители, все равно, знают ли они это или нет. Они презирают жизнь, эти вымирающие болтуны, от которых устала земля. Пусть же исчезнут они! Прежде хула на Бога была величайшей хулой, но Бог умер".

Когда бывший искатель универсальной морали заканчивал свой призыв к полному отказу от морали, канатный плясун оказался как раз над центром рыночной площади. Вдруг у него за спиной появился детина, одетый во все разноцветное, как скоморох. Детина пронзительно закричал:

"Вперед, хромоногий! Вперед, ленивая скотина! Контрабандист, набеленная рожка! Ты загораживаешь дорогу тому, кто лучше тебя!" С каждым словом он подходил все ближе к канатоходцу и вдруг, издав вопль, перепрыгнул через акробата. Тот, растерявшись от страха и неожиданности, утратил равновесие, выронил шест и рухнул на каменную площадь. Подойдя к окровавленному канатоходцу, который судорожно хватал ртом воздух и стонал в предчувствии ада, Заратустра произнес:

"Клянусь честью, друг, не существует ничего, во что ты веришь: нет ни рая, ни преисподни. Твоя душа умрет еще скорее, чем твое тело: не бойся же ничего!"

Умиравший человек посмотрел на него с недоверием. "Если ты говоришь правду, — сказал он, — то, теряя жизнь, я на самом деле ничего не теряю. Я немного отличаюсь от животного на ярмарке, которого заставили плясать побоями".

"Не совсем так, — сказал Заратустра, — ты из опасности сделал себе ремесло, а за это нельзя презирать. Теперь ты погибнешь от своего ремесла, и я хочу похоронить тебя своими руками".

На эти слова Заратустры умирающий ничего не ответил; он только пошевелил рукою, как бы ища в благодарности руки Заратустры".

В притче образно запечатлена сущность той философии, с которой немецкий мыслитель обратился к миру. Это философия воинствующего атеизма, отрицающего нравственность на том основании, что она не подтверждена так называемой объективной реальностью. В соответствии с этим взглядом, нравственный поиск человечества был трагическим недоразумением, произошедшим по вине христианства, которое-де превратило человека, этого властелина вселенной, в пленника иллюзий и страха. С точки зрения атеизма, человек действительно находится на полпути от зверя к сверхчеловеку, а все то, что препятствует ему в этом продвижении, должно быть уничтожено. И главные препятствия — это, конечно же, христианство, религиозное чувство, "червь-богослов". Ибо религия — это миф, квинтэссенция невежества, порождение животного ужаса перед миром. Долой христиан! Пора покончить с вековым рабством! Укажи христианам на их заблуждение, и пусть они не думают, что принадлежат нашему дивному новому миру. Когда же они, сорвавшись, упадут вниз, преподнеси им главную весть: нет смысла стремиться к небу или бояться ада, ибо их не существует. И тогда в последний миг своей жизни они с благодарностью пожмут твою руку, а ты похоронишь их и наконец вздохнешь с облегчением: нет больше заблудших "святых", и некому омрачать нам жизнь напоминанием о несуществующем Боге!

Новые обетования и старые измены

С точки зрения ницшеанства, Заратустра совершил величайшее из всех возможных дел: создал новую систему ценностей. Весть о спасении перестала быть Благой вестью. Само понятие "спасение" превратилось в смертельную отраву, состряпанную хитроумными злоумышленниками от религии. "Благая весть" стала заключаться в ненужности спасения как такового, в избавлении от гнета совести.

Что же противопоставить такому глубоко эмоциональному философскому выпадку? Есть только одно средство: спокойно исследовать предложенные идеи и твердо запомнить последствия, которые они имели. При внимательном рассмотрении оказалось, что за всеми нападками на Бога — пусть и выдержанными в академическом стиле — маячит извечное человеческое желание ни в чем себе не отказывать, поставить себя выше

запретов. В этом открыто признается известный английский романист и мыслитель Олдос Хаксли:

"Для меня, как, я уверен, и для большинства моих современников, философия бессмысленности была, в сущности, инструментом освобождения. Освобождение, к которому мы стремились, было освобождением одновременно как от определенной политико-экономической системы, так и от определенной системы морали. Против данной морали мы возражали потому, что она ограничивала нашу сексуальную свободу; против политико-экономической системы мы возражали, ибо считали ее несправедливой. Сторонники этих систем утверждали, что они выражают определенное (точнее христианское) представление о мире. У нас было одно замечательное средство смутить этих людей, и одновременно оправдать свою политическую и эротическую непокорность: мы отрицали, что наш мир вообще имеет какой-либо смысл".

Перед этим Хаксли писал:

"У меня были причины не желать того, чтобы мир имел смысл; следовательно, я предположил, что он бессмыслен, и поступив так, без труда обнаружил множество доводов в пользу своего предположения. Невежественны мы по большей части умышленно — мы не знаем, ибо не хотим знать. Именно наша воля определяет то, каким образом и с какой целью используется интеллект. Тем, кто считает мир бессмысленным, по тем или иным причинам выгодно, чтобы смысла не было".

Сегодняшние ниспровергатели Божественного авторитета отнюдь не столь откровенны в признаниях, и большинство из них, пытаются дать философское обоснование своих умозаключений. Но зададимся вопросом о подлинной причине подобных попыток. Послужило ли стремление к свободе от каких бы то ни было моральных ограничений толчком к тому, чтобы разум сконструировал оправдание этому стремлению, или к отрицанию Бога подвели логические размышления? Стивен Гоулд утверждает:

"Мы существуем лишь потому, что у одной странной группы рыб были особые плавники, которые смогли трансформироваться в подобие ног и появились земноводные; потому что на нашу планету обрушились кометы и стерли с лица земли динозавров, дав тем самым млекопитающим шанс выжить; потому что земля не вся покрылась льдами в ледниковый период; потому что четверть миллиона лет назад в Африке зародился особый вид обезьяноподобных, который каким-то чудом до сих пор не перевелся. Нам, конечно, хотелось бы найти более возвышенное объяснение своему существованию — но его нет. Объяснение же, которое даем мы, пусть отчасти пугающее, а для некоторых и просто ужасное, делает нас совершенно свободными и радостными".

О какой свободе и радости говорит автор? Или я не правильно понимаю его слова? Не эта ли свобода сделала возможным расцвет преступности, насилия, наркомании и разврата? Не эта ли радость лежит в основе бешеного спроса на успокоительное и снотворное, без которых уже немислима жизнь современного человека? Не этой ли радостью объясняется разрушение семейных устоев и появление армии обездоленных на фоне полного изобилия? Разве радостно — жить в самый кровавый век человеческой истории? Разве радостно видеть, что на смену нам приходит поколение, выросшее без отцов, с безнадежностью в сердце? Что это — действительно повод к радости? Или мы просто играем словами?

Позволю себе повториться и сказать, что мое отношение к атеизму может вызывать у кого-то возмущение, ведь далеко не все неверующие отвергают нравственные принципы. Я понимаю такое возмущение, но считаю его совершенно нелогичным. Действительно, не все атеисты аморальны, но я говорил совершенно о другом, а именно о том, что атеистическое мировоззрение как таковое дает человеку все основания для того, чтобы отказаться от нравственности, так как оно лишено объективного критерия оценки поступков. Таким образом, атеист, ведущий нравственный образ жизни, просто поступает лучше чем мог бы, исходя из собственной философии. Отказываясь от безнравственного поступка в пользу нравственного, атеист не может подтвердить свой выбор ничем, кроме личного предпочтения, а следовательно не может и укорять того, кто поступает иначе. В этом трагизм его положения.

Теперь давайте вернемся к Ницше и посмотрим, как разработанная им философия повлияла на его собственную жизнь. Сердце невольно сжимается, когда читаешь об одиноком философе, который, склонившись над письменным столом, вел борьбу с Богом. Сгорбленный, полуслепой, он днями не выходил из маленькой, плохо отапливаемой комнаты, усеянной клочками хаотично исписанной бумаги. В углу, в старом деревянном сундуке хранились скудные пожитки: поношенный костюм и пара рубашек. Книги, рукописи, да поднос с лекарствами от невыносимой головной боли, вызывавшей рвоту — вот и все, что было у него в комнате. Завернувшись в пальто и обмотав шею шарфом, он часами писал. Печка дымила и почти не давала тепла. Ницше торопился, словно ощущая близкий и бесславный конец.

Мне представляется, что наиболее метко охарактеризовал труд Ницше Вальтер Кауфманн: *"Заратустра, — сказал он, — произведение бесконечно одинокого человека"*. Да, Ницше стал жертвой им же изобретенного атеистического яда. По странной иронии судьбы, он часто клеймил верующих как "изготовителей яда".

Язвительный Вольтер однажды заметил, что христианские призывы к смирению опровергаются любовью к богатству самих представителей Церкви. В случае Ницше мы видим обратную картину. Страдая от нищеты и запущенного сифилиса, он создал исполненную показного оптимизма гуманистическую утопию, так и оставшуюся невоплощенной.

Сумасшествие, которое Ницше предрекал миру, постигло его самого. В автобиографическом эссе "Ессе Ното" он со всей серьезностью дает главам следующие названия: "Почему я такой умный", "Почему я пишу такие хорошие книги" и "Почему я есть судьба". Себя он называет не иначе, как преемником умершего Бога. Окончательно безумие настигло Ницше в Турине, городе, где жил Цезарь Ломброзо, небезызвестный психиатр, написавший работу под названием "Гений и безумие". Ницше упал прямо посреди улицы, после чего его отвезли обратно в Базель и заключили в сумасшедший дом. Можно сказать, что в своей жизни он довел до логического завершения все то, к чему призывал других. Решительно отвергнув Бога, он сам оказался покинут Им еще при жизни. Ницше поэтому вполне может претендовать на право называться самым значительным философом современности, ибо никто другой не ответил на ее главный вопрос с такой ужасающей полнотой.

Один эпизод из молодости Ницше многие исследователи называют переломным моментом в его жизни. Оказавшись в студенческие годы в Кельне, он попросил какого-то служащего порекомендовать ему гостиницу. Вместо этого служащий — очевидно, желая позабавиться над студентом — направил его в бордель. Оказавшись в окружении "ночных бабочек" и их нечистоплотной, пахнущей табаком и алкоголем клиентуры, он был глубоко потрясен и не стал скрывать своего презрения к участникам разгула. Взяв несколько аккордов на фортепьяно, он шумно покинул заведение, заявив, что этот инструмент — единственный обитатель дома, в котором еще осталась душа. Тем не менее, есть

подозрение, что через некоторое время, поддавшись соблазну, Ницше вернулся, чтобы поучаствовать в том, к чему отнесся вначале с таким нескрываемым презрением. По крайней мере, через три года он признался, что заразился сифилисом приблизительно в это время. Вся его жизнь трагически изменилась, и он полюбил то, что прежде презирал. Это и стало причиной его смерти.

Я вижу в этом рассказе своего рода прообраз того, что происходит сейчас с нашей цивилизацией. Мы отгородились от Бога на уровне властных структур, школ и университетов; мы хотели бы вовсе вычеркнуть Его из нашей жизни. Все это дает мне право предполагать, что жизнь и смерть великого философа являются прототипом того пути, по которому нам, как цивилизации, придется пройти в том случае, если главной философией общества останется атеизм.

Глава 4. Бездомная мысль

Причина несостоятельности атеистической утопии заключается в ее неспособности создать удовлетворительную этическую систему, не сводящуюся к примитивному прагматизму. И эта неспособность объясняется отнюдь не недостатком желания. Напротив, одно из самых впечатляющих усилий человеческой мысли было предпринято как раз с целью обосновать добро материалистически, т. е. не прибегая к понятию Бога. В частности, я имею в виду колоссальный труд, проделанный философом эпохи Просвещения Эммануилом Кантом. В целом, историки философии отмечают, что основы современной западной цивилизации были заложены на протяжении двух столетий, приблизительно с 1630-го по 1850-й годы. Именно в этот исторический период произошел отход от прежнего понимания нравственности как закона Божия к пониманию ее как условного свода правил, не имеющих богословского обоснования. Кант, творивший на рубеже XVIII и XIX веков, стал провозвестником современного материализма. Посаженные им философские зерна дали в секулярном обществе прекрасные всходы. Примечательно, что Канта признают своим вдохновителем как западные демократии, так и некоторые тоталитарные режимы. Об этом забывают, когда утверждают, что кантовское мышление присуще исключительно демократическому обществу и, тем самым, идеализируют его философию. Не стоит забывать, что рационалистическая этика Канта является составной частью марксизма-ленинизма.

На пути к атеизму

Коль скоро Канта считают крестным отцом нерелигиозной этики, давайте уделим его философскому творчеству немного внимания. В своих рассуждениях философ исходил из двух положений. Во-первых, утверждал он, законы нравственности являются рациональными, и следовательно, постижимы всеми рационально мыслящими людьми. Законы эти столь же объективны, как законы математики или логики. Иными словами, исходным пунктом его рассуждений был тезис о том, что любой человек, независимо от культурного опыта, общественного положения и религиозных взглядов, может без всякой посторонней помощи, опираясь исключительно на свой разум, прийти к универсальному пониманию добра и зла.

Во-вторых, Кант полагал, что понимание добра не имеет ничего общего с "недостижимым идеалом" добра, но может и должно быть реализовано в практической жизни. То есть, по Канту, мы не только способны познать добро теоретически, но и претворять его в жизнь усилием воли.

На этом этапе Кант делает два весьма важных вывода, без которых его этическая теория была бы неполной. Во-первых, не стоит искать источник нравственности в трансцендентном, коль скоро человек способен постичь нравственные категории логикой. (Кант не отрицает того факта, что Бог дал человеку заповеди; он лишь отрицает потребность в Нем как в источнике нравственного знания.) Во-вторых, нравственные нормы не зависят от желания человека, то есть не определяются тем, делают они его счастливым или нет. Нет, Кант не отрицает потребности всех нас в счастье, как не отрицает и существования Бога; он просто отказывается с их помощью определять добро и зло.

По вполне понятным причинам, первое замечание достаточно часто используется воинствующими атеистами как аргумент в споре с верующими; не менее понятно и то, что о втором замечании они словно бы забывают. Как известно, теорией Канта воспользовались такие противоположные политические системы, как коммунистическая и демократическая. Первая ухватилась за нее для того, чтобы оправдать пренебрежение индивидуальным благополучием ради "общественного блага" (которое, как известно, на деле обернулось экономическим разорением и гибелью миллионов невинных людей), а

вторая решила сделать ее обоснованием демократической утопии, где благо общества приносится в жертву счастью индивидуума.

В академических кругах Канта цитируют с целью доказать полную автономность человеческой нравственности, ее независимость от бытия Бога. Хочется спросить: как в таком случае быть с замечанием Канта о том, что этические нормы не зависят от нашего субъективного мнения, от того, устраивают они нас лично или нет? Кант недвусмысленно дает понять, что нравственность имеет *безусловный* характер, т.е. не зависит от наших желаний и не изменяется в соответствии с нашими представлениями о добре и зле.

На данном этапе я воздержусь от критики этической системы Канта. Сегодня многим понятно, что атеистическое обоснование этики страдает неразрешимыми противоречиями философского и социально-исторического характера. Тем не менее, именно дерзкая убежденность некоторых западных мыслителей в том, что нравственность может быть основана на разуме в широком смысле, и послужила главной причиной конфронтации между западной и восточной цивилизациями. Категории добра и зла, понимаемые с атеистической позиции, оказываются несовместимы с этическими теориями, основанными на религиозных убеждениях жителей восточных стран. Не этим ли объясняется агрессивное неприятие странами так называемого "третьего мира" западной политики и западных норм жизни, в частности, сексуального поведения? То, что общепринято в Индии, может показаться странным во Франции, а то, что нормально для США, воспринимается как сатанизм в Иране.

Большую тревогу вызывает то обстоятельство, что западные атеисты, убежденные в случайности своего появления на свет и отсутствии какой бы то ни было трансцендентной реальности, сохраняют странную уверенность в объективности и, следовательно, превосходстве своего миропонимания. Рациональность своего мышления они подтверждают весьма спорными "достижениями" общества, в котором живут; достижения, в свою очередь, подтверждаются доводами "объективного" рассудка. Совершенно очевидно, что никакой объективности здесь нет, а есть слепая уверенность в своей правоте.

Для жителя мусульманского мира истина явлена в откровении; индус или буддист считает, что она постигается интуитивно; в атеистическом обществе постижение истины — задача разума. Более того, на Западе личное счастье человека превыше всего. Возможно ли посредством разума оправдать и примирить откровение, интуицию и поиск личного счастья?

Чтобы выйти из этого затруднения, Кант выдвинул гипотезу об универсальных нравственных принципах. Она, в свою очередь, позволила ему сформулировать широко известное правило: нужно всегда желать того и делать то, чего должны желать и что должны делать все люди. К обязательным Кант относил такие правила, как "всегда говорить правду", "всегда выполнять обещания", "быть милостивым к тем, кто попал в беду", "не совершать самоубийства". Беда в том, что для практического воплощения этих благородных заповедей требуется бесконечное количество комментариев, своего рода новый Талмуд, но даже наличие таких комментариев не уничтожит "отвлеченного" характера правил. Например, правило "говорить всегда правду, если только это не приведет к смерти другого человека" требует дальнейшего уточнения вплоть до того, пока не будут исчерпаны все возможные условия его применения, а их — необозримое множество. Таким образом, трудно логическим путем доказать истинность выдвинутых Кантом правил.

Специалист по этике Элисдер Макинтайр указывает на влияние, которое оказало на мышление Канта его христианское воспитание. Все создатели этических теорий так или иначе испытывают влияние своего религиозного воспитания, в чем можно убедиться на примере таких выдающихся мыслителей как Кьеркегор, Юм или Дидро. Воспитанные

соответственно в лютеранской, пресвитерианской и католической с янсенистским уклоном традициях, они отразили особенности этих учений в своих трудах. В таком случае, опять напрашивается вывод о необходимости трансцендентного обоснования этики, иначе задача по примирению конфликтующих нравственных норм оказывается попросту невыполнимой.

Немаловажным является и то обстоятельство, что большинство философов прошлых столетий, на которых любят ссылаться воинствующие атеисты, высоко ценили брак и не одобрили бы пренебрежительного отношения к нему со стороны наших современников. Под современниками я, в частности, подразумеваю таких философов, как Бертран Рассел. Однажды он катался на велосипеде и вдруг понял, что больше не любит свою жену — следовательно, настало время для развода. Таких решений в его жизни было несколько. Интересно, что бы сказал Кант, если бы узнал, что его труды послужили основой для подобной неверности?

Выбор вопреки разуму

Следует сказать, что Канту так и не удалось разработать убедительное рациональное обоснование этики вне Божественного откровения. Зато он проложил дорогу многочисленным последователям, наиболее известными из которых являются экзистенциалисты. Наибольшую же популярность среди экзистенциалистов приобрел, пожалуй, датский философ Кьеркегор. Связь философии Канта с философией Кьеркегора очевидна. Первый подходил к этике с позиции разума; последний — с позиции воли и человеческой способности делать выбор. Вообще, слово "выбор" является ключевым для философии Кьеркегора, о чем он говорит в книге "*Или-или*". По Кьеркегору, проблема выбора не столько в предпочтении добра и зла, сколько в принятии решения об участии или неучастии в системе ценностей под названием "добро и зло". Философ приходит к мнению, что если выбор и делается в пользу нравственного образа жизни, то *беспричинно*, поскольку критерий выбора находится "вне компетенции" разума. Подобное допущение приводит к непреодолимым теоретическим противоречиям. Той же непоследовательностью страдают теории Юма и Дидро.

Нетрудно увидеть, почему попытка создания новой этики в эпоху Просвещения потерпела неудачу. Иначе и быть не могло, потому что философы имели неверную предпосылку, сводившую на нет все их устремления. Она заключалась в следующем: человек имеет возможность и право формулировать цель своей жизни независимо от Бога. Но в этом случае нравственный поиск *в принципе* лишен каких-либо ориентиров и *в принципе* не может увенчаться успехом. Если жизнь случайна и не подчинена изначальному замыслу, то просто бессмысленно говорить об этике. Прав Ф. И. Достоевский: если Бога нет, все дозволено.

Это, с вашего позволения, главный камень преткновения современного атеистического общества. Люди продолжают разглагольствовать о нравственных ценностях, не замечая, что одновременно уничтожают самую основу для них. Если правда, что личное счастье — единственная цель и содержание жизни, то почему человек должен беспокоиться о счастье других людей? Являясь продуктом случайной самоорганизации материи, жизнь человека *вообще не подлежит* нравственной оценке.

С другой стороны, если человек создан Богом с определенной целью, то он имеет потребность познать Его и цель своей жизни, прийти к пониманию добра и зла.

Таковы два принципиально противоположных подхода к жизни.

Вера или хаос

Покинув Бога и убедившись, что ни разум, ни свободный выбор не являются решением главной проблемы жизни, западное общество просто растерялось. Оно не способно противопоставить что-либо убедительное идеологиям исламских фундаменталистов, коммунистов, или экзистенциалистов, которые, придавая своим убеждениям универсальный характер, пребывают в полном согласии с самими собой. И вот перед нами общество деградировавших интеллектуалов, разнузданных сластолюбцев и вездесущих преступников. В погоне за нравственностью и счастьем вне Бога мы потеряли все — и Бога, и нравственность, и счастье.

Но, как известно, "свято место пусто не бывает". Место "мертвого бога" неизбежно занимает идол — будь то страсть к накопительству, эротомания или жажда власти. Лишившись надежной точки отсчета, мы беспомощно барахтаемся в нравственной невесомости, тщетно пытаясь обрести почву под ногами. Соблазненные утопическими гипотезами, ослепленные гордостью, мы забыли основополагающую истину о человеке, неоспоримо подтвержденную опытом цивилизации: человеческая природа — греховна, то есть больше склонна ко злу, чем к добру.

Вот что пишет профессор Оксфордского университета Айрис Мердок, отзываясь на атеистическую аргументацию Канта, изложенную в работе *"Основание этики"*:

"Как он знаком нам, как понятен и близок этот тип, изображенный Кантом в "Основании этики": даже пред лицом Христа этот скептик обращается к суждению собственной совести, хочет услышать голос собственного разума... Этот человек и сегодня среди нас, такой свободный, независимый, красивый, сильный, ответственный, отважный, герой бесчисленных романов и книг. Образ этого обаятельного, но заблудшего существа типичен для века научного прогресса с его самоуверенной логикой и одновременно чувством отрешенности от материи, которую он исследует... Эта отрешенность неизлечима... От него рукой подать до героя Ницше или экзистенциалистов. Человек Канта уже получил блестящее литературное воплощение почти веком ранее в бессмертном творении Мильтона: подлинное имя его — Люцифер".

Это приводит меня на память слушания в мэрии американского города Атланта, во время которых школьники, ставшие жертвами царившего в учебных заведениях насилия, просили городского главу вернуть в классы "Бога и молитву". Глава администрации все медлил с решением, все надеялся услышать какое-нибудь более "социально приемлемое" предложение, но так и не дождался. Больше всех от безбожия страдает молодежь.

Вспоминается мне и другой не менее поучительный эпизод, изобличающий тех, кто отрицает связь между мировоззрением и нравственностью. Профессор Оксфордского университета, воинствующий атеист, заявил, что религиозные воззрения не оказывают реального влияния на поведение человека. Возражая ему, оппонент предложил такую ситуацию:

"Представьте, профессор, что вы оказались в "неблагополучном" районе большого города. Не успели вы открыть дверцу машины и выйти на тротуар, как услышали у себя за спиной приближающийся топот и, обернувшись, увидели бегущих в вашем направлении десяток молодых людей. Скажите, профессор, были бы вы рады в тот момент узнать, что эти люди торопятся домой с вечерних курсов по изучению Библии?"

На фоне охватившего аудиторию смеха профессор был вынужден признать, что это, действительно, обрадовало бы его. От себя добавим, что иначе и быть не может, ведь между мировоззрением и поведением существует непосредственная связь.

Трудно отрицать нравственное банкротство модернистской философии. Набор знаний, объединяемых ныне этим понятием, все меньше претендует на какую-либо связность, он устремлен к своему логическому завершению — окончательному торжеству хаоса. Не об этом ли говорит английский журналист Стив Тернер в своем стихотворении "Символ веры"?

Веруем в Марксфрейддарвинизм,
Веруем в то, что все хорошо,
Покуда не причиняешь другому человеку боль,
Исходя, конечно, из своего определения боли.

Веруем в секс до, во время и после брака,
Веруем в психотерапию греха,
Веруем в радость прелюбодеяния
И допустимость гомосексуализма.
Веруем в запрет всех и всяческих запретов.

Веруем в постоянное улучшение жизни
Вопреки очевидным доказательствам обратного,
Ведь доказательства нужно еще взвесить,
А доказать можно все, что угодно.

Веруем в то, что гороскопы в чем-то правы,
Веруем в НЛЮ и гадание;
Иисус был хороший человек —
Такой же, как Будда, Мухаммед и все мы.
Он был талантливый учитель и учил добру,
Хотя, конечно, многого еще не понимал и
Во многом ошибался.

Веруем, что все религии — об одном и том же,
По крайней мере те, что известны нам.
Все призывают к любви и доброте,
Различно же понимают только происхождение мира,
Грех, загробную жизнь, Бога и спасение.

Веруем, что после смерти нас ждет Ничто,
Потому что мертвые, когда их спросишь,
Ничего не отвечают.
Если же за порогом смерти нас ждет что-то еще,
И если мертвые действительно оживают,
То все попадут в рай,
За исключением, пожалуй, Гитлера, Сталина и Чингиз Хана.

Веруем в полное разоружение,
Веруем в то, что в глубине души все добрые,
Только поведение отдельных лиц
еще страдает отдельными недостатками.
Но в этом виновато общество,
Которое стало жертвой исторических условий,
Которые само и создает.

Веруем в то, что каждый должен следовать

своим и только своим желаниям,
 А реальность как-нибудь приспособится,
 Вселенная исправит свои законы.
 Веруем в отсутствие абсолютных истин
 За исключением одной: абсолютных истин
 Не существует.

Веруем в отрицание символов веры
 И расцвет индивидуальной мысли.

Стихотворение завершается постскриптумом под названием "Случай":

Так если наш бог — Случай,
 Если он — отец всякой плоти,
 Мастер вселенского абсурда и
 Источник наших страданий,
 То, прочитав:

"Взрыв в шахте!"
 "На счету снайпера 10 мирных жителей";
 "Случай мародерства в зоне конфликта";
 "В школе обнаружено взрывное устройство",

Не удивляйтесь: это всего-навсего человек
 Поклоняется своему создателю.

Воистину, атеистическая надежда обращается полным хаосом, всепоглощающим и всеразрушающим абсурдом. Не остается точки отсчета, от которой можно было бы построить логически завершенную и практически приемлемую нравственную теорию.

Таково первое последствие ухода от Бога, и уже оно одно сулит нам бесчисленные беды. Обратимся теперь ко второму.

Глава 5. Воинствующий атеизм и боль человеческой души

Один широко известный проповедник как-то сказал: *"Проповедуя о страданиях, никогда не испытываешь недостатка в слушателях"*. Справедливые слова. Боль, которую так или иначе приходится испытать каждому живущему — вот то, что объединяет всех нас независимо от гражданства, национальности и социального положения. Общность этого страшного опыта не только сближает людей, но и рождает в их сердцах наболевший — в прямом и переносном смысле — вопрос: "Почему Бог допускает подобное?" Я отвечу на этот вопрос с христианской точки зрения несколько позже, а сейчас хотел бы разобраться в том, насколько правомочна сама его постановка.

"Бед слишком много, а счастья мало — вот откуда берутся в человечестве атеисты", — сказал некто. Бесспорно, это замечание указывает на главное препятствие, затрудняющее веру в Бога. Поэт Альфред Тэннисон выразил эту мысль кратко и убедительно: *"Ни один рассвет не переходит в сумерки, не искалечив еще чью-нибудь жизнь"*.

Обращаясь к проблеме человеческого страдания, мы затрагиваем проблему космического масштаба. Комплекс вопросов, которые она включает, воистину огромен. Между тем, ясно одно: для атеиста религиозная трактовка этой проблемы представляется неубедительной; религиозные ответы базируются на "предрассудках", в которые он не верит. Но даже если Бог есть, считает он, теистическое мировоззрение не разрешает основного противоречия, а именно противоречия между существованием зла и господством во вселенной всемогущего и любящего Бога. Противоречие приобретает особо острый характер перед лицом смерти, ибо смерть — это квинтэссенция зла и максимум страданий; она же, по Альберу Камю, и единственная проблема философии вообще.

Чем больше человек ищет ответ на этот вопрос, тем больше понимает, какую трудность он представляет для *любого* мировоззрения. Нас, в данном случае, интересуют два противоположных типа: атеистическое и теистическое. Атеисты, как правило, считают, что у Бога (если, конечно, Он существует) было четыре варианта действий в отношении нашего мира: вообще не создавать вселенную; создать такую вселенную, где не было бы добра и зла, то есть аморальный мир; создать мир, где человек автоматически делает добро и не имеет возможности делать зло; наконец, создать тот мир, который мы имеем, в котором возможны и добро, и зло. Почему, спрашивает скептик, Бог избрал именно четвертую модель, хотя предвидел грехопадение и человеческие страдания?

Христианский ответ на этот и другие непростые вопросы я надеюсь, по мере сил, дать в третьей части книги.

В атеистической логике меня смущают два момента. Во-первых, мне непонятно, каким образом атеистический ум объясняет само существование зла. Во-вторых, проблема смерти представляется мне неразрешимой в чисто атеистических терминах. Позвольте мне аргументировать свои соображения.

Один из наиболее поразительных, с моей точки зрения, откликов на смерть вышел из-под пера профессора Туланского университета Уилфреда Мак-Клея (профессор придерживается атеистических взглядов). Хочу процитировать довольно большой отрывок из его труда, как своего рода доказательство актуальности проблемы смерти для атеиста:

"Там, где прочие были погружены в невеселые раздумья о бренности всего сущего и, притихшие, взирали на почившую как на неоспоримое доказательство собственной недолговечности, проповедник уносился мыслью совсем в ином направлении... Он не пытался утешить ближайших

родственников покойной и собравшихся друзей или напомнить собравшимся слова молитвы "Да будет воля Твоя...". Вместо этого он пустился разглагольствовать о неверно определенных приоритетах в нашем американском обществе, о бездумной трате миллиардов долларов на "звездные войны" на фоне того, что молодые женщины — он указал на лежащую в гробу — погибают прямо на операционном столе. Вот и все утешение, на какое он оказался способен. В сущности, оно представляло собой речь о необходимости сократить федеральные расходы на вооружение и направить сэкономленные средства на улучшение медицинских технологий... Единственное, чего не хватало для логической завершенности, это призыва к скорбящим родителям покойной обратиться с соответствующим письмом в Конгресс Соединенных Штатов.

Слушая проповедника, я едва верил своим ушам... Мало того, что прозвучавшая речь была до оскорбительного пошлой и невольно жестокой по отношению к семье покойной. Мало того, что вся она была напичкана избитыми клише и неудобоваримым политическим жаргоном. Мало того, что она родилась из показного возмущения. Пусть даже социально-политические взгляды проповедника были трижды правильные, но на их высказывание был потрачен драгоценный миг прощания, тот миг, когда индивидуальное горе каждого из пришедших более всего требовало общего выражения. Вынудив нас остаться один на один со своей сердечной болью, проповедник фактически предал покойную, собравшихся и свое призвание. Бездарно потраченный миг невосполним.

У религии нет более важной задачи, чем подготовить нас к неизбежным в этой жизни расставаниям, помочь нам обнаружить смысл в боли и страдании. Многие тяготы жизни можно пережить, если видишь в них какой-то смысл; между тем, наш проповедник был совершенно неспособен дать происшедшему хоть какое-то истолкование. После его "надгробной речи" я ушел с похорон более подавленным, чем был до них. Отчасти мое тяжелое душевное состояние (а также, как я выяснил позже, и остальных собравшихся) было вызвано невысказанностью нужных слов".

Слова профессора служат прекрасной иллюстрацией к тезису, который я хочу вам предложить: религия, несмотря на многочисленные и весьма ожесточенные нападки на нее, по-прежнему остается для большинства людей единственным оплотом надежды перед лицом смерти. Потеряв коллегу по университету, внезапно скончавшуюся во время родов, профессор не пожелал довольствоваться отвлеченными разглагольствованиями и доморощенным политиканством, но потребовал освещения глубинных вопросов человеческого бытия. Перед лицом смерти (пусть и чужой) он, можно сказать, признал несостоятельность атеизма.

К. С. Льюис пронизательно подмечает особое отношение человека к боли. Мы, по мнению писателя, не просто признаем ее существование, а непременно пытаемся осмыслить ее в нравственном ключе. "За что?" — вот вопрос, который прежде всего приходит нам на ум. Тот же Льюис пишет, что боль вполне может оказаться тем мегафоном, с помощью которого Бог хочет докричаться до нравственно глухого мира.

Тема цели страданий нарочито игнорируется атеистической философией, ибо если её рассмотреть непредвзято, она обесценивает самый веский аргумент против существования Бога — *неоправданное* наличие в этом мире страданий и смерти. Ставя проблему страданий в нравственном контексте ("за что?"), атеист обнаруживает вопиющую противоречивость своего мировоззрения, ибо, если вселенная, в которой мы живем, лишена нравственной основы, то какой смысл ставить вопрос в нравственном ключе?

Можно ли в принципе задавать вопрос о справедливости или несправедливости страданий?

С другой стороны, если нашему миру нравственность все-таки присуща, то, быть может, боль действительно используется Богом с целью отвратить нас от безнравственности? Если атеист находит возможным оценивать страдания с нравственной точки зрения ("справедливо или несправедливо"), то на каком основании он отрицает саму нравственность а, следовательно, и Бога? Признавая же нравственность, атеист обязан признать и собственную аморальность, заключающуюся хотя бы в отрицании Бога. Мы видим, что трудности, возникающие в атеистическом сознании при попытке разрешить проблему страданий в нравственном ключе, непреодолимы.

Одним из самых примечательных обращений в христианскую веру стало обращение выдающегося английского поэта Винстона Одена. А примечательно оно особой ролью, которую в нем сыграло размышление человека о природе зла. Как-то раз, прогуливаясь по Манхэттену во время Второй Мировой войны, поэт заглянул в кинотеатр, где показывали кинопродукцию Третьего Рейха о захвате фашистскими войсками Польши. Среди сидевшей в зале публики, представленной по преимуществу этническими немцами, раздавались крики: "Убей его!" при каждом появлении в кадре поляка.

Поэта до глубины души потрясла бессмысленность такой ненависти. С другой стороны, он почувствовал свою беспомощность перед ней. С позиций атеизма, на которых поэт находился тогда, было невозможно не только исцелить это нравственное уродство, но даже объяснить его. После периода сильных душевных сомнений Оден пришел к принятию христианства, которое исчерпывающе объяснило происхождение человеческой греховности и определило средство ее преодоления.

Оден прекрасно понял, что вне Бога осмыслить страдание невозможно; невозможно даже убедительно сформулировать саму проблему страдания.

Вернемся на минуту к профессору Мак-Клею. Он совершенно законно ожидал от религии помощи в ситуации, где все прочие средства оказались непригодными. Вместо этого, собравшимся на скорбную церемонию предложили нечто вроде депутатского выступления на актуальную тему. Разве это не отражение состояния нашего общества вообще? Оно ищет спасения от смерти в чем угодно — в философии, в техническом прогрессе, в медицине, — и пренебрегает единственным действенным средством. Общество и не приступало еще к решению этой проблемы, потому что атеизм не дает увидеть проблему в истинном свете.

С другой стороны, религию нельзя превращать в психотерапию и сладкий обман, помогающий человеку временно забыть про боль души. Это в сто крат хуже, ибо дискредитирует последнее прибежище человека перед лицом смерти — божественную истину. Однако, когда религиозное утешение воспринимается как истинное (каким и является в действительности), то жизнь человека освещается надеждой.

Известно, что перед принятием того или иного религиозного учения человек его критически осмысливает. Почему точно так же не проанализировать атеистическое мировоззрение? Какое утешение дает атеизм страдающему и умирающему человеку?

Здесь, как и в полемике о нравственном законе, атеистические мыслители прибегают к доводам, лишенным подлинной логики. Можно ли говорить о надежде, когда, по мнению атеистов, человек обречен на полное и окончательное исчезновение? При таком подходе к смерти надежда оборачивается красивой абстракцией, лишенной реального содержания. Ницшеанская уверенность в том, что умирающий человек обрадуется, когда узнает об ожидающем его небытии, есть своего рода философский "черный юмор": человек умирает, а ему очень хочется жить, но ничего, пусть умрет, тогда уже ничего хотеть не будет.

Интересно, что в этом ницшеанство сходится с буддизмом. Как вы знаете, Гаутама Будда начал свой поиск смысла страданий после того, как увидел старость, болезнь и смерть. Он пришел к убеждению, что в основе всех человеческих страданий лежат желания, и что, следовательно, избавление от желаний автоматически приносит избавление и от страданий. Посредством медитации, отказа от своего "я" буддисты стремятся достичь "просветленного" состояния.

Для атеиста прекращение желаний происходит только в момент смерти человека, и таким образом именно смерть становится избавлением. Жан Поль Сартр спрашивает себя, почему он не покончил жизнь самоубийством, ведь это положило бы конец его страданиям. Вопрос, действительно, достаточно логичный для неверующего. Ответ, который он дал, между тем, вполне абсурден — он не совершил самоубийство потому, что не мог воспользоваться своей свободой для того, чтобы лишиться свободы. Как большинство атеистических мотивировок вообще, эта отличается явной нелогичностью, и возражение против нее очевидно. Как можно сомневаться в необходимости отнять у себя свободу, если она сулит муки и отчаянье? Смерть в контексте атеистического мировоззрения желанна, ибо избавляет человека от болезненного существования. Значит, мы можем создать лучший из возможных миров путем полного самоуничтожения. Вот вам, пожалуйста, пример атеистического абсурда.

При всем желании подарить человеку надежду, атеизм хронически порождает больше вопросов, чем дает ответов. Нечто среднее между стоицизмом и эпикурейством, получившее название "оптимистического гуманизма", — вот, в сущности, и все, на что он способен, но и эта доктрина не сулит даже временного облегчения. Ибо атеистический оптимизм — сплошь надуманный, а гуманизм — фальшивый, унижающий истинное человеческое достоинство. Такой оптимизм нельзя назвать иначе, как только суррогатом подлинной надежды.

Беда философии в том, что она легко превращается в систему допущений, ведущих не к объяснению, а к искажению реальности. Почему, скажите, при таком обилии утопических теорий, наш век все-таки не может дать людям подлинной надежды? Не потому ли, что атеистическая мысль не удовлетворяет истинных желаний человеческого сердца?

Фундаментальная проблема молодежи во всех странах — отчаянье, коренящееся в бессмысленности существования. Не так давно я выступил с посланием к участникам Мирного Договора в Южной Африке, после чего, ко мне обратились с вопросом: "М-р Захариас, что вы можете порекомендовать нам, чтобы мы не стали новой Боснией?" Если молодой человек задает такие вопросы, и при этом в его голосе звучит неподдельная тревога, то для меня совершенно очевидно, что жить без Бога нельзя. Я бы сформулировал его вопрос несколько иначе: "Как удержать весь мир от превращения в одну большую Боснию?"

Известный гуманист Тед Тернер, владелец крупнейшей в мире информационной компании, недавно заявил, что если бы информационная сеть Си-Эн-Эн существовала в 40-х годах, то Холокоста бы не произошло. Насколько я понимаю его "скромное" заявление, магнат полагает, что доступность информации препятствует злу. Со всем уважением к предпринимательскому таланту м-ра Тернера, хочется поинтересоваться, каким образом он намерен объяснить гибель тысяч невинных людей в концлагерях 90-х — в Боснии и Руанде? Надежду невозможно создать искусственно, посредством одного технического прогресса.

Проблема страданий и боли близка и понятна каждому, и поэтому все религии и философские системы так или иначе касаются ее. Философия, напрочь отвергающая веру в Бога, неспособна даже оправдать постановку этой проблемы, не говоря уже о том, чтобы

найти ее решение. Если бы только можно было заполнить зияющую пустоту человеческой души! Но именно это и делает христианство.

Да здравствует свет, да скроется тьма

Недавно мне предложили посетить одну больную СПИДом, которая побывала на моей лекции и очень заинтересовалась изложенным материалом. Мне сказали, что жить ей оставалось недолго. Я сразу дал свое согласие, и вместе с женой и коллегой мы отправились на квартиру к больной.

Боюсь, что не сумею в полной мере передать чувства, которые я испытал во время этой встречи. Достаточно сказать, что мы столкнулись с безжалостной реальностью смерти и надеждой, питаемой искренней верой. После того, как мы вошли, нас провели в обширную гостиную с прекрасным видом, который, однако, уже не мог обрадовать обитательницу квартиры. Рядом с ней на диване расположились родители, возле кровати стоял мужчина. Она лежала совершенно без сил, худая как скелет. Когда мы вошли, она повернула голову в нашу сторону и чуть слышно ахнула от удивления: "Не верю своим глазам!" — говорила умирающая, пока мы обнимали ее.

Возле кровати больной я заметил кассеты с записями христианских проповедей и лежащую на полу раскрытую книгу. *"Жажда осмысления"* — прочитал я на обложке. Перед уходом я предложил помолиться, на что больная с радостью согласилась, и мы, закрыв глаза и склонив головы, обратились к Богу. Взглянув ей в глаза после молитвы, я увидел, что в них загорелась искорка. И пусть все мы понимали, что дни этой измученной женщины сочтены, что скоро слабо тлеющий огонь ее телесной жизни угаснет, но удивительным образом в нашем общении не было и тени безнадежности. Наоборот, надежда согревала наши сердца, и основана она была ни на чем ином, как на обетовании Бога, Которому два года назад больная доверила свою судьбу — в этой жизни и в вечности. И я знаю, что через пять дней после нашей встречи, когда она окончила свое земное существование, обетование это исполнилось. Ибо благодаря тому, что Христос жил, умер и воскрес, это стало возможным.

Теперь перенесемся из комнаты умирающей в Лондонский королевский дворец, откуда накануне Рождества, в самый разгар Второй мировой войны, обратился к британской нации король Георг VI. Заключительные слова его речи навсегда остались в памяти тех, кто ее слышал:

"В канун Нового Года человек обращает свой взор в неизвестное будущее и взывает: "Дайте мне свет, с которым я смогу безопасно вступить в неизвестность". А в ответ слышит: "Войди во тьму, вложив свою руку в руку Божью, — это лучше света и надежнее знания".

Слушавшие выступление не подозревали, что король умирает от рака. Позже слова Рождественской речи стали символом его надежды.

Там, где нет преодоления смерти, царствует безнадежность. Но смерть невозможно победить без помощи Бога. Соглашаясь с этим, великий французский мыслитель Паскаль говорил: "Я научился смотреть на жизнь с конца, чтобы уметь жить с начала". То есть он в первую очередь решил проблему смерти, и только это дало ему возможность жить полноценной жизнью. Едва ли можно усомниться в правильности такого подхода — разве кто-нибудь отправляется в путешествие, не подумав о пункте назначения? Неизменный пункт назначения любой земной жизни — смерть, но Христос воскрес, и этим даровал надежду каждому из нас. Вне Христа, т.е. вне Бога, этой надежды не существует, с Ним же мы обретаем уверенную победу над извечным и самым страшным из врагов человечества.

Задача и обязанность тех из нас, кто занимается духовными проблемами — помогать человеку вести борьбу со смертью. Атеизм же только приводит вопрошающего в тупик, будучи не в состоянии осмыслить феномен смерти. Недаром Бертран Рассел признавался, что вся его жизнь прошла под знаком непрерывного отчаянья; может быть, именно этим объясняются слова философа из совместного заявления с Альбертом Эйнштейном: "Чем больше мы знаем, тем мрачнее смотрим в будущее". Заявление увидело свет всего за два дня до смерти Рассела.

Страх перед миром и расплывчатость представлений о будущем составляли суть язычества. Неязычество наших дней ничуть не лучше: оно тоже зиждется на страхе, главным образом перед темными силами человеческой души. Страх этот не лишен основания: возникновению его немало способствовало проявление человеческой природы в ходе новейшей истории.

Приблизительно четверть века назад Арчибальд Мак-Лиш выразил словами ощущение ужаса и пустоты, возникающее после "полной и окончательной" победы над Богом:

"В действительности, в мире уже давно живет ужас, который был верно уловлен поэтами и художниками последнего времени. За косметической завесой технического прогресса и информационного бума скрывается напряженная тишина.

Тишина — это наше тревожное предчувствие. Мы не доверяем эпохе, ибо мы — ее творцы, и мы не доверяем себе. Мы и историю переписали, и героями сделали, и все подвиги совершили — объявили себя богами, наконец, — но по-прежнему не доверяем себе! Ибо в глубине души знаем, каковы мы на самом деле.

В былые дни, когда богами были другие существа, наша жизнь не так пугала нас. У нас были фурии для воздаяния таким, как Гитлер, и Афина для восстановления справедливости. Но теперь, когда вся ответственность лежит на нас, а наши души ничуть не лучше, как нам быть? Мы стали как тот греческий герой, который, совершив свои восхитительные подвиги, вдруг узнает, что ненароком собственными руками убил родного сына".

Верно сказано, не так ли? Без Бога у человека нет надежды — ни временной, ни вечной.

Глава 6. Притча о слепых

Третий важнейший недостаток атеистического мировоззрения — его неспособность осмыслить действительность. Атеист, не признающий рационально объяснимый нравственный закон и трансцендентную надежду, является жертвой противоречивых и одинаково вероятных точек зрения, из которых принципиально невозможно выбрать верную. Вот как описывает атеистическое мироощущение ученый Стивен Гоулд:

"Человеческий вид населяет эту планету около 250.000 лет, то есть очень непродолжительное время в сравнении с периодом существования жизни. Мир прекрасно обходился без нас до самого последнего времени — вот обстоятельство, свидетельствующее в пользу того, что наше возникновение было скорее случайностью, нежели осуществлением разумного замысла.

Еще более важно то, что процессы, приведшие к началу эволюции, таинственны и неповторимы. В развитии человека не было случайностей — его можно проследить и объяснить с самых отдаленных времен. Но вздумай мы проделать путь от зарождения жизни до возникновения человека второй раз — и мы никогда не получим человека... Мы не можем пассивно извлекать смысл жизни из окружающей действительности. Мы должны изобрести его, опираясь на собственные разум и этическое чутье. Иного пути у нас нет".

"Мы должны изобрести смысл жизни" — своего рода девиз атеизма. Тогда как верующий человек ищет смысл жизни в Боге, в Его замысле о мире, атеист предпочитает его изобретать. Но к чему приводят эти усилия? Анализ многочисленных атеистических мировоззрений показал, что все они сводятся к двум типам: прагматическому (преклонение перед практической пользой) и псевдодуховному, имеющему целью "духовно" вооружить человека, опять же для прагматического образа жизни. Но прагматичность жизни (то есть отсутствие ответов на какие-либо вопросы, помимо сугубо практических) и вызывает недовольство современного атеистического общества! Получается замкнутый круг. Выход из него может быть только один: отказаться от осмысления жизни вне Бога. Атеистический поиск — это не что иное, как движение в ложном направлении. На этом пути нам не найти удовлетворительных ответов. Мы должны решить, кто мы: случайный результат эволюции или прекрасные творения Великого Мастера?

Голоса заблудившихся

Уход от Бога приводит к утрате смысла земного существования. Ни богатство, ни слава не могут компенсировать гнетущее чувство пустоты, и об этом мы нередко слышим от людей, достигших вершин мирского благополучия. Многим памятливы признания звезды современного тенниса Бориса Беккера в том, что он ведет отчаянную борьбу с суицидными желаниями. И не только он. Западные страны — самые благополучные с социальной точки зрения на планете — поражены эпидемией самоубийств, достигшей во второй половине нынешнего века феноменальных масштабов. В чем дело?

Недавно мне в руки попал журнал "Лайф", где на нескольких разворотах были напечатаны высказывания о жизни самых разных людей: философов и наркоманов, художников и таксистов. Я просто не мог оторваться от этих сбивчивых, противоречивых и горестных исповедей. Передо мной был ответ на загадку душевного неблагополучия современного человека, причем ответ, данный им самим! Позвольте в завершение нашего разговора привести несколько выдержек из "исповеди современного человека". Первым берет слово нью-йоркский таксист по имени Хосе Мартинес:

"Мы живем для того, чтобы завтра сдохнуть. Вот я зарабатываю тем, что кручу баранку. У меня есть девушка, я люблю рыбалку, плачу налоги, смотрю

телевизор и каждый вечер прихожу домой на полусогнутых. Жизнь — сплошной цирк. Кто-то купается в деньгах, кто-то сидит с пустым животом. Сегодня ты еще жив, а завтра — поминай как звали. После тебя придут другие, и будет все то же самое. Всем на всех наплевать, никто ничего не боится. Никто и не пытается улучшить этот мир — слишком поздно. Все закончится тем, что мы просто уничтожим самих себя. Единственное средство улучшить мир — это ядерная война: взорвать все ко всем чертям и начать с начала. Жизнь... да кому она нужна, такая жизнь?"

Математик Реймонд Смалин тоже высказывается вполне определенно:

"Меня всегда озадачивало утверждение, что без Бога жизнь лишена смысла. Разве жизнь светских людей менее полноценна, чем жизнь верующих? Я не отрицаю, что Бог есть, но и не утверждаю, что Он есть. Я только хочу сказать, что жизнь полна смысла в любом случае — верите вы в Бога или нет. Об этом говорят стихи одного японского поэта: "Независимо от наших религиозных чувств цветы появляются на сливовом дереве и расцветает вишня".

По иронии судьбы Смалин зарабатывает на жизнь придумыванием головоломок. Надеюсь, что у них есть решение, хотя, впрочем, какое это имеет значение, если они доставляют покупателям удовольствие? Вообще, не приставайте к Смалину с требованием решать проблемы — например, национальные или военные — просто посадите вишневые деревья, и пусть узники концлагерей и окровавленные на поле боя солдаты наслаждаются ими как умеют. Поразительный цинизм, какой-то апофеоз жестокого равнодушия! Не стану сейчас детально анализировать философию Смалина и других обитателей "башни из слоновой кости", скажу только, что она не имеет оправдания в нашем мире, задышающемся от одиночества и ненависти.

В разрез с ранее приведенными высказываниями звучат слова писателя Андрея Битова из той же журнальной подборки. Битов рассказывает о переживании, в корне изменившем его жизнь:

"На двадцать седьмом году жизни, находясь в вагоне ленинградского метро, я вдруг ощутил отчаянье такой силы, что жизнь, казалось, тут же утратила смысл и остановилась, а само будущее стало принципиально невозможным. Неожиданно, словно ниоткуда, в моем сознании появились слова: "Без Бога жизнь не имеет смысла". Потрясенный, я без конца повторял их пока поднимался на эскалаторе, потом вышел из метро на Божий свет и стал жить.

Вера — редчайший из даров. Ошибочное восприятие жизни опасно в любом случае — признает ли человек существование Бога или отрицает его. Верующие люди часто склонны к суеверию. Если же человек не верит в Бога, то он обречен отождествить жизненные обстоятельства с фундаментальными основами жизни, и тем самым стать заложником собственной логики".

Предупреждение Битова вполне естественно: неправильная вера, а, тем более, явное неверие вносят путаницу в понимание таких категорий, как случайное и закономерное. Это, с моей точки зрения, еще один провал атеизма. Как же все-таки Битов понимает *веру* и *Бога*! Если это не просто вера в существование некоего иного измерения и некоего высшего разума, а преклонение перед Творцом, то можно сказать, что писатель указывает нам на единственно правильное решение проблемы смысла жизни. Здесь уместно вернуться к тому, с чего начались наши рассуждения:

Кто смысл жизни нам откроет?

Секрет надежды в чем сокрыт?
 Хранит его затворник в келье?
 Иль некий древний манускрипт?
 Кто даст ответ?

Когда бы человек ни старался обрести нравственность, надежду и смысл жизни вне Бога, он ограничен частными решениями, принципиально не имеющими веса в иной системе ценностей. Не потому ли в наше время, отмеченное активным взаимопроникновением культур, одновременно происходит все большее их размежевание по религиозным вопросам? Чем теснее их родство на социальном уровне, тем глубже расхождение на уровне осмысления жизни.

В завершение я хотел бы развить еще одну мысль. Уход от Бога означает не просто более или менее категорический отказ от морали, надежды и адекватного осмысления жизни; он означает и приверженность мировоззрению, которое подразумевает значительный риск для тех, кто его исповедует. Конечно, большинство неверующих считают этот риск минимальным, полагая, что вероятность существования Бога слишком мала, а доводы в пользу неверия слишком убедительны... Например, Бертран Рассел горделиво заявлял, что, если после смерти он, к своему большому удивлению, все-таки встретит Бога, то найдет способ объяснить свое неверие при жизни. Однако, сомневаюсь, чтобы аргументы философа оказали на Бога то же впечатление, что на иных людей.

Может ли человек жить без Бога? Конечно, может — в физическом смысле. Может ли человек жить без Бога как разумное существо? Нет, ни в коем случае. Рано или поздно человечество, отвергнувшее Бога, будет вынуждено отказаться от нравственного закона, от надежды на загробную жизнь и от здравого смысла.

Вне Христа нет ни закона, ни надежды, ни смысла. Вы, и только вы решаете, что считать нравственным, в чем видеть надежду, как оценивать целесообразность. Вся ответственность, следовательно, ложится только на вас, а вместе с ней и вся тяжесть последствий ложного выбора. Безбожие, поэтому, есть обожествление собственного "я" и, одновременно, путь принципиального одиночества. Как сказал один циник, *в этом мире мы все вместе и каждый за себя.*

Альтернатива предельно ясна, и каждому предстоит выбрать одно из двух. С Богом или без Него?

Часть II. В чем смысл жизни?

Глава 7. Жизнь прожить – не поле перейти

Кто я? Мне говорят,
 Что из камеры я выхожу,
 Как эсквайр из своего загородного дома.

Кто я? Мне говорят,
 Что с охранниками я держусь
 Так независимо и приветливо,
 Словно они — мои подчиненные.

Кто я? Еще мне говорят,
 Что любое испытание я переношу
 С поразительным достоинством,
 Как человек, привыкший побеждать.

На кого я больше похож? На того человека,
 Которого видят окружающие, или на того,
 Который известен мне —
 Потерявшего покой, павшего духом,
 Бьющегося птицей в клетке,
 Живущего в борьбе за глоток воздуха,
 Словно невидимые пальцы сдавили ему горло?
 Изнывающего по живым цветам, пению птиц и небу над головой,
 Мечтающего о добром слове и новой дружбе,
 Терзаемого приступами гнева в ответ на малейшее унижение,
 Со страхом ожидающего перемен в своей судьбе,
 Измученного тревогой за оставшихся в каком-то ином измерении друзей,
 Слабого в молитве и бессильного в размышлении,
 Полумертвого от отчаянья, готового сказать
 Этому миру последнее "прости"?..

Дитрих Бонхоффер написал эти пронзительные строки в нацистском плену, когда "вечные" вопросы обрели предельно конкретное, я бы сказал, практическое звучание. Для того, чтобы жить, требовалось ответить на главный вопрос: "Зачем?" Кто-то сказал, что мог бы стерпеть отсутствие ответов на всевозможные "как?", если бы только знал ответ на одно "зачем?" Словно вторя ему, видный атеистический философ и физик-теоретик Стивен Хокинз пишет в заключении своего программного труда *"Краткая история времени"*: "Если бы мы только знали, почему все так, как есть, то обрели бы разум Бога". По мнению философа, все принципиальные "технические" вопросы устройства вселенной нам уже известны. Но вот перейти в своем познании мира последнюю черту — постичь его замысел — атеистическому сознанию так и не удастся. Неизбежно напрашивается вопрос: а можем ли мы почерпнуть подобное знание из физической реальности, не обращаясь к божественному откровению? Не обрекаем ли мы себя на бесконечное исследование мелких "как?" в ущерб одному всеобъемлющему "зачем?", без которого наши знания представляют собой просто набор информации, а не систему?

Как и в размышлении над другими важнейшими вопросами бытия, здесь легко впасть в ложную дихотомию, разделяя проблему на составные части, якобы не зависящие друг от друга. "Как?" и "зачем?" этого мира неразрывно связаны и не могут быть

адекватно освещены по отдельности. В самом деле, только ответив на изначальное "зачем?" человек и может до конца постичь все "как?". Например, как следует относиться к человеческой жизни? Ответ будет зависеть прежде всего от трактовки изначального "зачем?". Если я создан Богом, чтобы жить, то жизнь священна; если же я появился на свет по воле случая, то имею право пренебрегать жизнью, как своей, так и чужой.

Вопрос о смысле жизни встает перед каждым поколением, возможно, перед каждым человеком, и решается он на всех уровнях — бытовом, культурном, политическом, философском. Однако есть ли у нас общий критерий, на основании которого можно размышлять о смысле жизни? В современном "цивилизованном" обществе принято полагать, что такой критерий — удовольствие, и можно свести поиск смысла к поиску удовольствия. Удовольствие же достигается разными путями, подчас противоречивыми и социально неприемлемыми.

Философские системы двух виднейших экзистенциалистов — Мартина Хайдеггера и Жан Поль Сартра являются теоретической основой мировоззрения, оправдывающего поиск удовольствий в ущерб поиску смысла. Хайдеггер обращается к человечеству с такими словами: "Мы все — на корабле, и этот корабль тонет. Но я намерен остаться на капитанском мостике до конца и встретить смерть, выполняя свой долг — просто потому, что так красивее". "Нет! — возражает ему Сартр, — еще совсем немного, и корабль окажется под водой, поэтому давайте спустимся в каюту и сыграем последний раз в покер. Насладимся последними мгновениями жизни!" Посмотрим на современную цивилизацию, на это общество "всеобщего благосостояния". Уставшее от удовольствий, отчаявшееся найти хоть какой-то смысл в собственном существовании, оно впадает то в мрачный стоицизм, то в разнузданное эпикурейство, с чувством какой-то роковой неизбежности взирая на собственную деградацию.

В этом смысле примечательны судьбы двух упомянутых философов. Мартин Хайдеггер прославился тем, что не просто принял, но философски оправдал нацистский режим. Жан Поль Сартр, не симпатизировавший нацистам, в конце жизни сделал шокирующее признание: атеистический выбор, которому он следовал всю жизнь, оказался неправильным.

Знать свое родство

Наверное, каждый интересующийся философией человек так или иначе сталкивался с именем английского ученого-химика и философа Майкла Поланьи. Этот человек, обладавший незаурядным умом и завидным трудолюбием, особенно много сделал для развития эпистемологии, т. е. теории познания. В труде, озаглавленном "*Смысл*", Поланьи доказывает, что наука обязана *изучать* общественные ценности, а не *формировать* их. Когда же наука ложно понимает свою общественную роль, возникает реальная угроза уничтожения жизни. Осмысление цели существования — прерогатива религии и различных видов искусства, но никак не науки. Наука может только давать материал для подобного осмысления. Не менее интересно и положение Поланьи о роли воображения, как "соединительной ткани" сознания, благодаря которой картина мира обретает целостность и завершенность.

Поланьи считает, что реальность не ограничена стенами лаборатории:

"Гипотеза о том, что мир представляет собой простую совокупность атомов, бесцельно взаимодействующих друг с другом, — гипотеза, превалирующая в человеческом сознании с момента зарождения современной науки, — как бы заранее исключает возможность объективности какой бы то ни было теологической точки зрения. Именно эта гипотеза, более чем любая другая послужила причиной того, что наука и религия (за исключением

наиболее одиозных форм последней) стали восприниматься как формы мировосприятия, в корне противоположные друг другу".

Поланьи утверждает, что сведением всего многообразия жизни к взаимодействию атомов наука превратила поиск смысла жизни в безнадежное занятие. Однако не ей надлежит разрешать глубинные вопросы бытия. Важность этого замечания невозможно переоценить, когда очерствевшее, насквозь материалистическое общество видит в науке своего рода новое божество, а в ее представителях — оракулов, наделенных высшим знанием. Люди ждут от науки не только избавления от всех бед, но и ответов на главные вопросы бытия. Наука берет на себя эту чуждую ей роль, но невольно пасует перед грандиозностью задачи. Философский потенциал у науки хотя и существует, но слишком мал для того, чтобы справиться со всеми бесчисленным "за что?" и "почему?" человеческой жизни.

Благодаря науке человечество, без сомнения, сделало небывалый рывок в познании устройства материальной вселенной, но спасает ли это знание от внутренней опустошенности и одиночества? За возможным ответом предлагаю обратиться к творчеству двух известных английских писателей. Первая цитата почерпнута у Д. Лоренса:

"Мы хотим ввести себя в заблуждение, предполагая, что причиной нашей опустошенности является дефицит любви. Нет, нехватка любви — это лишь одно из ответвлений от центрального корня, который гораздо глубже. Одиночество, которое не может быть преодолено никогда и никем — вот корень".

Лоренсу вторит Томас Вульф:

"Я твердо убежден в том, что чувство одиночества — не просто редкий и странный феномен, свойственный мне и другим необщительным людям, но центральный и неизбежный факт жизни любого человека. Все ужасы сомнения, отчаянья и сердечной смуты одинокий человек обязан познать в силу того, что никакое знание не поддерживает его за исключением того, которое он обретает благодаря собственным органам чувств. Он не рассчитывает на ободрение ни от кого. Не ищет утешения ни в одном исповедании. В нем нет иной веры, кроме как в себя, и она нередко исчезает, оставляя его дрожащим, задыхающимся от бессилия. Тогда ему кажется, что жизнь закончилась ничем. Что он растоптан и погиб, что ему нет прощенья и что утро — яркое солнечное утро, исполненное надежды — уже никогда не встанет над землей".

Недолгая и полная трагизма жизнь Вульфа стала как бы символом современной литературы вообще, с ее тоской и безысходностью. Кстати, Бертран Рассел придерживался похожих взглядов, а именно, считал отчаянье истинным спутником человеческой жизни, а все прочее — не более чем самообманом. Те, кто объясняют "болезнь одиночества" недостатком любви, считает Рассел, чрезмерно упрощают дело и, в сущности, не понимают самой проблемы.

Немногие сегодня знают реальные пропорции эпидемии отчаянья. На протяжении многих лет мне казалось, что "любование отчаяньем" — характерная черта некоторых культур, однако со временем я убедился, что культуры отличает не наличие или отсутствие такого рода пессимизма, а желание или нежелание его признать. От Южной Америки до Японских островов и от Европы до Мадагаскара — везде люди испытывают примерно одни и те же чувства, отличается только манера их выражения. Причина отчаянья, как состояния души, — в отсутствии подлинного понимания жизни, и не нужно

искать эту причину в чем-то ином. Позвольте привести пример, который, как мне кажется, наглядно это продемонстрирует.

Несколько лет тому назад я читал лекции в одном городе, и мое внимание было невольно привлечено к женщине, сидевшей на первом ряду и тщательно конспектировавшей все мои слова — что не совсем обычно. К концу недели мы познакомились. На выходные я получил приглашение отобедать в кругу ее семьи и с удовольствием согласился. Правда, меня предупредили о некоем страшном горе, произошедшем с ней и ставшем причиной глубокого душевного разлада. С тех пор, как случилось несчастье, она пыталась отыскать его причину. Этим, в частности, объяснялось ее присутствие на моих лекциях, а, возможно, и приглашение в дом. Должен сказать, что я достаточно быстро догадался о характере случившегося несчастья, но подробности, когда я их узнал, меня потрясли.

Она долго говорила о своем муже и его многочисленных профессиональных достижениях, о том, как он приобрел репутацию первопроходца в своей сфере деятельности, как достиг вершин финансового благополучия, как стал знаменит. Все в его жизни складывалось удачно, везде ему сопутствовал успех, его уважали и любили. В семейной жизни он тоже был, что называется, счастлив. Как же тогда объяснить события одной роковой ночи?

Она рассказала, как вдруг проснулась однажды ночью от какого-то нехорошего, подозрительного звука. Придя в себя и оглядевшись, увидела, что другая половина кровати пуста. Пошла, полная тревожных предчувствий, на кухню, откуда донесся звук. На кухне она сразу увидела мужа, который в неестественной позе сидел за столом. Его тело было изогнуто от сильных предсмертных конвульсий. Он был мертв. Рядом лежала предсмертная записка, начинавшаяся так: "Некоторые люди умирают естественной смертью. Другие, будучи не в состоянии больше выносить жизнь, предпочитают сами положить ей конец". Далее следовала искренняя просьба о прощении за совершаемое предательство и заверения в том, что финансовые потребности членов семьи полностью обеспечены в завещании.

В одну минуту от привычного миропорядка этой женщины не осталось и следа, в ее жизнь ворвался доселе неиспытанный и непостижимый хаос. Даже мне, постороннему человеку, стало так тяжело на душе от ее рассказа, что я на мгновение словно ощутил ужас той ночи... "Не понимаю!.. Почему он это сделал? — обращаясь больше к самой себе, чем к слушавшим, несколько раз за время разговора повторила вдова. — Почему?.."

Я, разумеется, не мог дать на это исчерпывающего ответа, и поделился с пострадавшей только несколькими сугубо личными соображениями. Я сказал примерно следующее: в современном, вечно спешащем куда-то мире, отчаянье является для многих не минутным приступом, а перманентным состоянием души. Уныние, печаль, ощущение бессмысленности существования знакомы каждому, и верующему, и неверующему, однако для верующих это состояние временное и даже, если можно так выразиться, случайное. Иное дело — те, кто видит в абсурдности и бессмысленности основополагающее свойство бытия; им негде и не в чем искать утешения. Жить с подобной сердечной пустотой — если она осознается и при этом не устраивает человека — чрезвычайно мучительно. Такова пытка, на которую атеист идет добровольно, соглашаясь, вслед за Хайдеггером, исполнять до конца свой долг на капитанском мостике тонущего корабля.

Я полностью осознаю, что затронутая проблема требует тщательного философского анализа и подробной аргументации. Тем не менее подход, которому я решил отдать предпочтение на данном этапе, несколько иной — и пусть это вас не смущает. Я предлагаю, отступив на некоторое время от западного рационализма ради восточной созерцательности, обратиться в начале к области искусства как совершенно уникальному,

но вполне пригодному для нас источнику сведений о человеке и состоянии его души. Уверен, что это поможет нам лучше разобраться в поставленной задаче. Между тем, прошу читателя соблюсти одно условие: не делать выводов до тех пор, пока я полностью не раскрою свою мысль и не нарисую всю картину целиком; в противном случае мы рискуем не понять друг друга.

Во время непродолжительной стажировки в Кембриджском университете я занимался изучением поэтов-романтиков начала XIX века — Кольриджем, Блейком, Шелли и т. д. На это было две причины. Во-первых, мне хотелось лучше понять переход, совершившийся в сознании большинства крупнейших романтиков от утопической эйфории первых лет французской революции к мрачному пессимизму эпохи Наполеоновских войн. Я имею ввиду, например, Роберта Саути, восклицавшего после взятия Бастилии, что "человек заново родился", но бесследно утратившего оптимизм всего несколько лет спустя. Почему, спрашивал я себя, история так богата крайностями? Или прав был Лютер, утверждая, что она напоминает шатанье вдребезги пьяного человека между двумя стенами, удары о которые лишают его остатков разума?

Вторая причина состояла в особенной роли, какую романтики отводили воображению, видя в нем средство постижения реальности. Именно это дает мне сейчас повод начать изучение стоящей перед нами проблемы с произведений искусства прежде, чем обратиться к сугубо философскому анализу.

Весь мир — театр?

Давайте начнем со знакомых строк комедии Шекспира *"Как вам это понравится"*.

Весь мир — театр.
 В нем женщины, мужчины — все актеры
 И каждый не одну играет роль.
 Семь действий в книге той. Сперва младенец,
 Ревущий горько на руках у мамки...
 Потом плаксивый школьник с книжной сумкой,
 С лицом румяным, нехотя улиткой
 Ползущий в школу. А затем любовник,
 Вздыхающий, как печь, с балладой грустной
 В честь брови милой. А затем солдат,
 Чья речь всегда проклятьями полна,
 Обросший бородой, как леопард,
 Ревнивый к чести, забияка в ссоре,
 Готовый славу бранную искать
 Хоть в пушечном жерле. Затем судья
 С брюшком округлым, где каплун запряган,
 Со строгим взором, стриженной бородкой,
 Шаблонных правил и сентенций кладезь,
 Так он играет роль. Шестой же возраст —
 Уж это будет тощий Панталоне,
 В очках, в туфлях, у пояса — кошель,
 В штанах, что с юности берег, широких
 Для ног иссохших; мужественный голос
 Сменяется опять дискантом детским:
 Пищит как флейта... А последний акт,
 Конец всей этой странной, сложной пьесы —
 Второе действие, полузабытье:
 Без глаз, без чувств, без вкуса, без всего.

Поэт показывает семь возрастов, через которые приходится пройти человеку в течение жизни: младенческий, детский, юношеский, молодой, зрелый, "увядающий", преклонный. Последний возраст, более чем все другие, изобличает мимолетность, жестокость и, главное, бессмысленность жизни.

Задолго до возникновения глобальных систем развлечений — телевидения или Интернета, Достоевский высказал мысль о трех стадиях взаимодействия искусства и жизни: сначала искусство имитирует жизнь, потом жизнь подражает искусству, и, наконец, жизнь впадает в такую зависимость от искусства, что видит в нем единственную цель своего существования. Провода великого писателя кажется мне здесь несомненной. Нам остается только признать, воспользовавшись метафорой Шекспира, что театр шагнул с подмостков прямо на улицы, выдумка слилась с действительностью. Совершается своеобразный возврат к древнегреческому мифологическому миропониманию, в соответствии с которым мы, люди, лишь "разыгрываем" конфликт добра и зла, в реальности разворачивающийся между обитателями Олимпа.

Для нашего удобства давайте условно разделим человеческую жизнь на четыре этапа — детство, юность, зрелость и старость — и рассмотрим, как на каждом из них происходит поиск, обретение, а подчас и утрата смысла.

Глава 8. Очей очарованье

Первое, чему мы уделим внимание — это мир ребенка. Здесь я выражаю глубокую благодарность английскому писателю Г. К. Честертону, на произведениях которого я многому научился, и который умел без тени смущения признаваться в том, что наблюдение за маленькими детьми дало ему несравнимо больше, чем чтение всех философов вместе взятых. Простим писателю излишний пафос, но согласимся с его замечанием по существу.

Что так завораживает нас в ребенке? Точнее, что так завораживает ребенка? Ответ на оба вопроса одинаков. Это — ощущение чуда, которым проникнуто все существо ребенка, все его мысли и переживания. Посмотрите на молодых мам и пап — у них тоже зачарованно блестят глаза и ощущение чудесности происходящего не оставляет их еще долго после появления на свет ребенка.

Позвольте рассказать вам небольшую историю, случившуюся во время моей лекционной поездки по ближневосточным странам. Политическая ситуация в этом конфликтном регионе была накалена до предела, и многочисленные иностранные делегации делали все возможное и невозможное, чтобы как-то снять напряженность. Именно в это время мы ехали на такси из Иордании в Израиль. На пути нам предстояло пересечь Иордан по мосту Алленби.

Выйдя из такси на иорданской стороне моста, мы с помощью иорданского носильщика добрались ровно до середины моста и остановились. Там наши вещи взял израильский носильщик и проводил нас в иммиграционный отдел, где нам предстояло пройти формальное, но весьма подробное собеседование с представителем израильской иммиграционной службы. Только после этого мы могли рассчитывать на получение гостевой визы. Оказавшись в здании визового отдела, в тщательно охраняемом, с бронированными дверьми и пуленепробиваемыми стеклами помещении, мы, то есть моя жена, наша маленькая дочка Сарра и я — присоединились к одной из нескольких очередей и морально подготовившись потратить на необходимую процедуру все утро, а то и весь день.

Я, признаюсь, понятия не имел о том, как подготовиться к предстоящему испытанию нашу дочь, которой едва исполнилось два года. Пройти контрольно-пропускной пункт непросто даже для взрослых людей. Повсюду стояли солдаты с автоматами, подозрительно следившие за каждым нашим движением. Невольно создавалось впечатление, что мы присутствуем в районе активных боевых действий, чему немало способствовало наличие в помещении бронированных дверей и мешков с песком, уложенных вдоль стен до самого потолка.

Наконец, настала наша очередь. В это время Сарра, с любопытством оглядывавшая странное помещение, встретила взглядом с молодым израильским солдатом. Тот пристально смотрел на нее, пытаясь "пересилить" взглядом. На какое-то мгновение в воздухе повисла напряженная тишина, после чего раздался голос дочки: "Извините пожалуйста, у вас есть жевательная резинка?"

Наивный вопрос вызвал улыбку у находившихся в помещении людей. Все теперь смотрели на молодого израильтянина.

Какое-то мгновение он колебался, но затем решительно передал автомат товарищу и, подойдя к нам, осторожно взял Сарру на руки. Удалившись с ней в служебное помещение, он вскоре вернулся, неся в одной руке Сарру, а в другой поднос с тремя стаканами лимонада — для нас и нашей дочери. Всего через двадцать пять минут мы уже покидали иммиграционный отдел с визами в паспортах. Молодой солдат подогнал к входу военный

джип и подвез нас до стоянки такси, откуда мы отправились в пункт нашего назначения, в Иерихон.

Вот она, непостижимая власть ребенка! На короткое мгновение маленькая Сарра прекратила войну. Она остановила ее силой своей невинности. Быть может, она напомнила солдату его собственную дочку, и тот на мгновение позабыл тревогу и ненависть. Может быть, она пленила его своей детской непосредственностью. Широко раскрытые глаза ребенка, способные видеть чудо, там где взрослые не видят ничего кроме рутинной повседневности. Улыбка и естественная красота, силу которых ребенок не осознает и не стремится использовать ради собственной выгоды — вот секрет детского обаяния, секрет его силы.

Однако, возразят мне, можно ли только восхищаться наивностью ребенка? Не нужно ли упомянуть и его губительное легкоеверие? Несомненно. Я полностью осознаю эту, так сказать, "оборотную сторону" инфантильности. Тем не менее, не следует преувеличивать этот недостаток, иначе мы не увидим в ребенке главного — его удивления перед миром, его предчувствия чуда. Глядит ли маленький человек в глаза матери или с радостным криком бежит к рождественской елке — все вызывает в нем неподдельный восторг, все волнует и заставляет сопереживать. Ребенок видит чудеса десять раз на дню. Посмотрите, как ребенок впервые в жизни пробует мороженое — он прямо дрожит от наслаждения и ему сразу хочется еще. Или с каким неподдельным весельем он возится на полу с отцом... Умение получать истинное наслаждение в простом — вот что отличает ребенка от обычного взрослого, вот что не дает ощутить его сердцу тяжесть пустоты. Каждый день ребенка наполнен волнующими событиями, и когда он не хочет ложиться спать, это естественно: он стремится "продлить очарованье", которое его заставляют прерывать сном.

Ничто не указывает так на привязанность ребенка к чуду, как его неудержимая фантазия и любовь к сказке. Воспользовавшись этим, Уолт Дисней выстроил всемирную империю развлечений. Лично я убежден, что путь к постижению смысла жизни начинается со знакомства с детскими сказками. Г. К. Честертон написал об этом замечательное эссе под названием *"Этика сказочной страны"*. Писателю удалось благоговейно приподнять завесу таинственности над детством. Видя в каждой сказке три обязательных элемента, Честертон предполагает, что их тесное взаимопроникновение заставляет ребенка полностью отдаваться повествованию, сопереживать выдумке как реальным событиям и неизменно испытывать удовольствие.

Первый элемент сказки — ее назидательность, способность образно выразить нравственное правило. Самые известные, "интернациональные" сказки выражают те или иные главные добродетели. *"Аленький цветочек"* (в западном мире больше известная как *"Красавица и чудовище"*) рассказывает о преображающей силе любви; в *"Золушке"* нельзя не увидеть похвалу смирению и призыв помогать угнетенным; в *"Спящей красавице"* говорится о смерти, от которой не избавляют даже королевские богатства, но только любовь. Каждое сказочное чудо содержит нравственный урок.

Второй элемент сказок — наличие в них особых "правил игры", которые воспринимаются как данность. Их редко объясняют. Чаще эти правила просто объявляют: "Если ты сделаешь так, то с тобой произойдет следующее..."

Третий элемент заключается в полной готовности героя или героини принять поставленные условия. Он или она никогда не спрашивают "Почему?" или "Зачем?", но с готовностью принимают за дело. Честертон считает, что если бы кому-то из персонажей пришло в голову усомниться в правомочности поставленных условий, то фея сказала бы в ответ: *"Если хочешь знать все "зачем" и "почему", то объясни сначала, зачем и почему существует моя сказочная страна!"*

Этот момент очень важен. Благоговение перед тайной должно быть закономерной реакцией на непостижимость и величие мира.

Притязания же современного человека на полноту знаний о физическом мире — это дерзость. Человечество стремится познать мир до такой степени, чтобы в нем не осталось и намека на тайну. При этом оно не желает иметь ничего общего с Богом, Который дает ответы на все вопросы. Однако тайны существуют *ради нас самих*. Насильно срывая завесу, покрывающую сокровенные проявления жизни, мы выхолащиваем их, превращаем в скучную повседневность.

Говоря так, я, в частности, думаю о даре интимной любви, познание которой было благословлено Богом в рамках брачных отношений между мужчиной и женщиной. Какой профанации подверглась эта тайна! Я думаю о чуде зарождения и развития человеческой жизни внутри женского тела: в современном мире о нем говорят, употребляя сухие термины: "человеческий эмбрион", "продукт зачатия" и т. п. Еще я думаю о славе Божьей, отблеск которой в прекрасном таинстве восхода и заката, которые рассматриваются сегодня лишь как природные циклы в случайно возникшей вселенной. Оскар Уайльд однажды заметил, что мы не ценим закаты, потому что не можем за них заплатить. Он ошибся. Мы можем "заплатить" за них — послушанием замыслу Создателя. Отрекшись от чудесного мира своего детства, мы самовольно вторглись в пустыню бессмысленности и беззагадочности. Жажда поиска, охватившая нас, оправдана; переход из детского состояния во взрослое — естествен, но направление, которое мы выбрали — ошибочно.

От разгадки к тайне

Библия признает правомочность человеческого желания *знать*. Не потому ли книга Иова — одна из популярнейших в Писании? В ней Господь подводит человека к ответу на многочисленные и самые животрепещущие вопросы бытия, в частности, о страдании. Лично мне кажется, что нет другой книги в Писании, которая могла бы сравниться с книгой Иова по количеству "проблемных" тем.

Позвольте мне суммировать аргументацию, к которой прибегает Бог в процессе подчинения Иова Своей всеблагой воле. Мы все хорошо помним, что основная сюжетная линия книги — страшные испытания, внезапно обрушившиеся на Иова, и отчаянный поиск их объяснения. "Ночь души", обступившая Иова со всех сторон, заставила его усомниться в самых основах веры: "За что мне эти страшные страдания, если я вел праведную жизнь?" Иов жаждет не только, и, может быть, не столько возвращения утраченных благ, сколько объяснения, ответа от Всеведущего Бога. Слепленный отчаяньем, он хочет судиться с самим Богом.

Небеса разверзлись и горькие сетования Иова была прерваны гласом Божьим: "Кто сей, омрачающий Провидение словами без смысла?" (Иов. 38:1). Вот он, желанный момент, когда Иов, наконец, услышит разгадку великих тайн жизни! Но, странным образом, Бог начинает Свою речь не с ответов, а с вопросов: "Где был ты, когда Я полагал основания земли?" (Иов. 38:4). Господь 64 раза вопрошает Иова, и все вопросы остаются без ответа.

Почему Бог избрал именно такую тактику общения с праведным и мудрым Иовом? Мне кажется, Он преследовал две цели. Во-первых, Вседержитель продемонстрировал Иову ограниченность человеческого разума как такового, его неспособность знать все обо всем. Это обстоятельство, мы, конечно, предпочитаем игнорировать. "Ты не знаешь, ибо не можешь знать, — говорит Господь. — Тайна мироздания — Мое установление, ибо без нее не будет необходимого тебе ощущения чуда". Во-вторых, Он еще раз возвещает о Себе как об источнике всего сущего, что особенно важно для нас, живущих в эпоху чрезвычайного скудомыслия в вопросе происхождения мира. Если Он — Творец вселенной и Создатель человека, то кто такой человек, чтобы вопрошать? "Если ты

считаешь Меня Создателем мира и веришь в Мою доброту, почему не можешь довериться Мне в трудный час испытаний?" Другими словами, если Иов может увидеть в Боге Творца, то должен увидеть в Нем и своего Избавителя.

Но именно эта логика Творца совершенно чужда современному сознанию, убежденному в своей способности самостоятельно разгадать все тайны мироздания "в стенах лаборатории". Материя, время и случай манят нас обещанием полного и окончательного знания. И вот исчезает чудесный непостижимый мир, созданный величайшим Художником, и вместо него возникает "физическая реальность". Отделавшись от ставших ненужными нравственных принципов, человечество "омрачает Провидение словами без смысла": "Почему?", "За что?", "Каким образом?" Детская "этика волшебной страны" уступает место тирании темных инстинктов. Мы теряем величайшее из чудес, но не обретаем, вопреки ожиданиям, никакого "полного" знания.

Такое отношение к миру особенно характерно для академической среды. Недавно мне в руки попала объемистая статья профессора Кеннета Миллера из американского университета Браун под названием "Великий замысел". Статье был предпослан следующий подзаголовок: "Хотя некоторые настаивают на том, что жизнь произошла по замыслу Великого Творца, биология предоставляет новые доказательства противного. Они говорят о том, что главным виновником появления наблюдаемого многообразия видов был неутомимый труженик по имени Эволюция". В статье предпринимается попытка — достаточно обычная в наше время — развенчать классическое доказательство существования Бога, заключающееся в разумности устройства организмов. Автор использует кажущиеся недостатки конструкции человеческого глаза как аргумент против существования разумного Творца природы. Вот как Миллер описывает природное "несовершенство" человеческого глаза:

"Разумный Творец выбрал бы такое расположение компонентов, которое способствует наилучшему качеству изображения. Например, никто бы не расположил соединительные нервные клетки впереди фоторецепторов, таким образом перекрывая доступ к ним света, а наоборот, при разумном подходе, их следовало бы поместить позади сетчатки. Но, к нашему немалому удивлению, именно так устроен глаз человека. Качество изображения сильно страдает из-за того, что свет, прежде чем достичь сетчатки, рассеивается несколькими слоями клеток. Конечно, эти клетки прозрачны, и все же полностью удалить помехи невозможно — по причине несовершенства конструкции. Более того, отрицательные эффекты усиливаются тем, что кровеносные сосуды, обслуживающие оптический нерв, расположены опять-таки впереди светочувствительного слоя, что крайне неразумно с конструктивной точки зрения".

Не стану обсуждать все философски несостоятельные места в статье г-на Миллера, укажу лишь на три принципиальные ошибки его аргументации. Прежде всего, Миллер, подобно большинству эволюционистов, некорректно ставит саму проблему: сначала представляет библейскую теорию возникновения и развития жизни в карикатурном виде, а потом, разумеется, без труда ее опровергает. Нигде в библейском учении о Творении не содержится указаний на то, что тело человека в его нынешнем состоянии идеально. Спросите у любой женщины, пережившей родовые муки, считает ли она свой организм идеальным, и, думаю, вы не услышите утвердительного ответа. Другими словами, чтобы показать несовершенство человеческой природы, не нужно далеко ходить — тем более утруждать себя и читателя анализом такого сложного органа, как человеческий глаз.

Во-вторых, если выводы Миллера верны и человеческий глаз действительно скверно устроен, откуда у профессора уверенность в том, что его выводы верны, ведь мозг, ответственный за их выработку, может, как и глаз, обладать серьезными конструктивными

недостатками? Профессор Миллер, будучи убежденным материалистом, полагает, что глаз порождает зрение, а печень — желчь; следовательно, он не может отрицать, что точно так же и мозг порождает мысль. Если же мозг как другие органы не совершенен, то и мысли не могут быть адекватны реальности.

И, наконец, профессор Миллер должен обратить внимание на работы тех офтальмологов (отнюдь не профанов в своей области), которые наглядно продемонстрировали необходимость именно такого, а не иного устройства органа зрения. В связи с этим мне вспоминается случай, произошедший с моей старшей дочерью.

Несколько лет назад — тогда дочке было 13 лет, — мы всей семьей поехали поиграть в гольф. Во время игры дочка оказалась слишком близко от моего племянника, который, не зная, что она находится у него за спиной, решил послать мяч в одну из дальних лунок. Размахнувшись для сильного удара, он попал клюшкой прямо в глаз дочери. Она рухнула на землю как подкошенная, и кровь с ужасающей силой хлынула из глаза сквозь прижатые ладони.

У нас не было сомнения в том, что она лишилась глаза — для этого было достаточно одного взгляда на ее окровавленное лицо. До сего дня от одного воспоминания об этом у меня кружится голова. Через несколько минут ее уже погрузили в машину скорой помощи, а всего через несколько часов она лежала на операционном столе одного из лучших глазных хирургов Америки. Операция, по собственной оценке врача, прошла удачно, и через несколько дней дочь выписали из больницы. Вскоре зрение совершенно восстановилось. Позже, когда мы благодарили хирурга за мастерство и проявленное душевное участие, он признался, что его заслуга в сделанном не так уж велика. Хирургическая задача была значительно облегчена *как бы не вполне разумным устройством* человеческого глаза, которое, тем не менее, обеспечивает максимальную защиту чувствительных частей этого органа. Так что сомнение, возникающее у некоторых ученых в отношении разумности устройства человеческого глаза, может вполне быть следствием недостатка у них научных знаний.

К сожалению, теисты нередко преувеличивают значение доказательства разумности творения, в частности, разумности устройства глаза. Но несомненно и то, что вкупе с другими свидетельствами, оно становится веским доводом в пользу существования Бога. Станным образом, в заключительных словах своей статьи профессор Миллер словно бы приходит к тому же выводу:

"Уильям Пейли надеялся на то, что анализ живых организмов дает научные свидетельства о Творце. Хотя Пейли и ошибся в методе доказательства, он, возможно, был прав, когда говорил о Личности Творца. Для религиозного сознания эволюция может и не быть препятствием на пути к Богу. Напротив, масштаб и многообразие эволюционных путей должны вызывать истинное восхищение Разумом, управляющим подобным процессом".

Своеобразным реверансом в сторону теизма Миллер пытался улучшить свою откровенно невыгодную позицию, но это едва ли ему удалось. Не удается "половинчатый подход" и современным скептикам. Движимые гордыней и не желающие видеть чудо в том, что поистине чудесно, люди обкрадывают самих себя. Предупреждение Поланьи остается неуслышанным, и наука по-прежнему стремится формировать мировоззрение. Но, поступая так, она в какой-то степени перестает быть наукой, ибо лишается объективности. Целью науки становится подгонка фактов под заранее готовую атеистическую концепцию.

Интеллект и Божество

Услышав такие слова, скептик может возразить: "Уж не собираетесь ли вы поставить детское мировосприятие выше данных науки?" Думать так, значит неправильно трактовать мою мысль. Я лишь хочу сказать, что ребенок не лишает мир присущего ему аспекта чудесности. Видя в жизни загадку, он естественно предполагает таинственного Творца и особую цель, которую Тот преследует. Это не противоречит научному подходу к жизни. То же самое делает и ученый, когда усматривает в бесконечно сложной и разнообразной вселенной таинственно-прекрасный замысел ее Создателя. Замысел подразумевает и предназначение для жизни человека; следовательно, нравственные принципы обретают твердое основание — соответствовать этому предназначению. Именно поэтому верующий ученый, подобно ребенку, не оспаривает нравственный закон, а благодарно ему подчиняется.

Дабы убедиться в том, что научный анализ не является уделом исключительно скептиков и не обязательно приводит к атеистическим выводам, перенесемся мысленно в лекционный зал Кембриджского университета, где за кафедрой находится выдающийся физик Джон Полкингорн, автор нашумевшей книги *"Квантовый мир"*. Послушаем, как этот авторитетный ученый трактует данные о точном соответствии всех параметров вселенной:

"На ранней стадии расширения вселенной было необходимо точное равновесие энергии расширения и гравитации (сжатия). Если бы расширение превалировало, было бы недостаточно времени для формирования галактик и звезд; с материей столь малой плотности не могло бы произойти ничего интересного. С другой стороны, если бы баланс был нарушен в пользу гравитации, звездные системы слишком быстро вновь вернулись бы в исходную точку, не оставив времени для развития жизни. Для того, чтобы мы с вами могли появиться на свет, равновесие сил расширения и сжатия на ранней стадии существования вселенной не могло быть нарушено больше, чем на 10 в 60-й степени условных единиц. Человек искушенный поймет, о какой невероятной точности идет речь. Для неискушенных приведу сравнение, позаимствованное у Пола Дейвиса: данная точность соответствует точности попадания в объект размером в 2 сантиметра, расположенный на другом конце видимой вселенной, то есть на расстоянии в двадцать миллиардов световых лет!"

По мнению Полкингорна, подобная организация материального мира является чрезвычайно убедительным свидетельством в пользу существования Высшего Разума — Бога. По крайней мере, нет ни одной атеистической концепции, которая бы могла удовлетворительно объяснить этот природный феномен.

Я понимаю скепсис Дэвида Юма, предупреждавшего о недопустимости выведения причинно-следственных связей философского характера на основе научных данных, но не могу проигнорировать и слов другого выдающегося мыслителя, Джона Локка:

"Человек интуитивно убежден в том, что абсолютная пустота не может произвести на свет реальный объект".

Позвольте мне подытожить эту часть разговора словами известного английского ученого:

"Я пошел в театр вместе с автором пьесы, которую должны были представлять. Он настоял на том, чтобы все объяснить заранее — все тонкости, все неожиданные выходы, все скрытые смыслы. Должен сказать, что лишив меня возможности глядеть на сцену и удивляться, он полностью"

разрушил впечатление от своего произведения. Больше я не ходок в театр с авторами! И ведь, заметьте, Творец не совершил подобной ошибки".

Мир без чудес

Утрата детского ощущения загадочности мира, неизбежная при вульгарно-материалистическом подходе к нему, имеет три принципиальных последствия. Во-первых, все объекты, в том числе живые, мыслятся просто как совокупность молекул и атомов. В этом наблюдается очевидная примитивизация феномена жизни, постепенно оказывающая отрицательное влияние на отношение к человеческой жизни в рамках социума. Мартин Лютер Кинг при вручении ему Нобелевской премии мира за борьбу с расизмом, обратился к человечеству с такими словами:

"Я отказываюсь верить тому, что человек есть всего лишь щепка, случайно брошенная в реку жизни..."

Кинг тем самым приписывает человеческой жизни трансцендентную ценность — в противовес материалисту, который низводит ее до уровня случайного, а следовательно, не имеющего абсолютной ценности события. Сложная химическая реакция — вот что такое, с точки зрения материалиста, жизнь. Относительность и неопределенность бытия, становятся сутью современной жизни: относительная правда, относительная любовь, относительная верность... Какая, если вдуматься, печальная философия, внушающая комплекс неполноценности.

Во время коммунистического правления в странах бывшего социалистического лагеря родился особый архитектурный стиль — советское барокко, отличавшееся пафосом и тяжеловесностью. На фоне высоких зданий, выстроенных в этом стиле, человек казался пигмеем. В западных странах возникли гигантские корпорации, низведшие человека до уровня простого потребителя товаров и услуг. И в том, и в другом случае результат поразительно схожий. Из отсутствия смысла не может появиться ничего, кроме бессмыслицы.

Кого, скажите, мне благодарить?

Во-вторых, с утратой чувства чудесного пропадает благодарность, ибо испытывать ее не к кому и не за что. Коль скоро вселенная "просто существует", то и мы в ней "просто живем".

Потеря благодарности — не такое уж безобидное событие, как может показаться. Ребенок, воспитанный без чувства благодарности к родителям, становится не просто капризным эгоистом, но и способен проявить к ним настоящую жестокость.

Чтобы подчеркнуть связь между ощущением чудесного, благодарностью и осмыслением жизни, позвольте рассказать истории, случившиеся на борту самолетов. Несколько лет назад в лайнере, совершавшем перелет из США в Канаду, загорелось служебное помещение. Самолет был на высоте примерно трех-пяти тысяч метров. В распоряжении пилота оставалось всего несколько минут, и он начал экстренное снижение к ближайшему аэропорту в надежде, что дотянет до него прежде, чем машина полностью сгорит. При посадке самолета не выдержало шасси. Горящий лайнер на брюхе прополз по взлетно-посадочной полосе добрую сотню метров. Хотя спасательные команды начали срочную эвакуацию пассажиров, приток кислорода через открытую дверь резко обострил ситуацию — машина запылала как свеча. Несколько человек погибли в пламени, но благодаря самоотверженным действиям команды, большинство пассажиров удалось спасти. Командир экипажа, как и полагается, был последним, кто покинул борт. Пожарным пришлось поливать легчика из брандспойтов, чтобы потушить горевшую одежду.

Нет сомнения в том, что при анализе произошедшей трагедии прозвучало немало слов восхищения и благодарности в адрес командира корабля, своим мужеством спасшего жизни десяткам людей. Если бы среди пассажиров самолета оказался близкий вам человек, наверняка у вас появилось бы желание лично пожать капитану руку, сказать ему "спасибо". Позвольте предположить, что даже если бы вы *потеряли* в этой катастрофе близкого человека, то не отказались бы поблагодарить капитана за самопожертвование, с которым он пытался не допустить гибели пассажиров.

Обратимся к другой катастрофе. Самолет одной из ведущих авиакомпаний находится на пути к Карибским островам, и в это время у него неожиданно отказывает один двигатель. Затем, по непонятной причине, отказывают и все остальные. По системе оповещения раздается чуть дрожащий голос командира: "Дамы и господа... нам предстоит экстренная посадка на воду..." Внезапно, разорвав мертвенную тишину, заработал один из двигателей и самолет добрался до ближайшего аэропорта. Кого благодарить пассажирам в этом случае? Для материалистов ответ не очевиден, поскольку они не верят в милость Бога, совершившего чудо с вышедшим из строя двигателем.

"Мне кажется, дело здесь вот в чем, — пишет Г. К. Честертон. — Если Рождественским утром моим детям есть кого благодарить за конфеты, оказавшиеся в их чулках, то неужели мне некого благодарить за две ноги, оказавшиеся в моих?" Благодарность — естественное следствие веры в чудо, а чудо указывает непосредственно на Бога.

Самовозвеличивание вскармливает чувство материальной неудовлетворенности. Неудовлетворенность же рождает неприемлемые способы достижения желаний — и так до бесконечности.

Бесплодная страсть

Это подводит нас к третьему следствию утраты детского удивления перед загадкой мира. Наряду с профанацией феномена жизни и потерей благодарности, возникает и тенденция к все большей внутренней опустошенности. Особенно характерно это для современного поколения, лихорадочно и ненасытно сменяющего одно развлечение за другим. Как заметил один наблюдательный философ: "Проблема жизни не в том что она трагична, а в том, что она скучна". Для ребенка, напротив, скука — непонятное состояние. Радость от пребывания в чудесном мире, переполняющая его с утра до вечера, не пускает в сердце тоску и уныние, делая каждый поступок ценным и наполняя его особым смыслом.

Неизбежное прощание

К великому сожалению, наступает момент, когда детское восхищение воздушными шарами, елочными игрушками и сказочными героями постепенно начинает уступать место спокойному и даже равнодушному отношению. Это естественно, и хотя родители иногда ностальгически мечтают о возврате былой "наивности" ребенка, они были бы куда больше опечалены, если бы она задержалась дольше положенного. Что же приходит на смену утрачиваемому чувству удивления, каким смыслом наполняется жизнь человека на новом этапе?

Чтобы ответить на эти вопросы, я снова прибегаю к помощи Честертона, рассмотревшего такую ситуацию: представьте, что вы рассказываете одну и ту же сказку трем детям разного возраста. Мне легко это сделать, потому что у нас с женой как раз три ребенка — семилетняя Сарра, четырехлетняя Наоми и Натан, которому едва исполнился годик. Приглашаю вас проследить за тем, как они отреагируют на незамысловатую сказку, которую я рассказываю каждому из них по отдельности.

Передо мной Сарра. "Крошка Томми, — продолжаю я рассказ, — подошел к двери и открыл ее. Вдруг откуда ни возьмись перед Томми оказался дракон!" Глаза Сарры стали круглыми от страха, и она не могла пошевелиться до тех пор, пока я не убедил ее, что Томми победил злого дракона.

Я рассказываю ту же сказку четырехлетней Наоми: "Крошка Томми встал, подошел... к двери... и... (я нарочно приглушаю голос и растягиваю слова) открыл ее!" Уже на этом этапе Наоми полностью вовлечена в повествование, дрожит от нетерпения — что же увидит крошка Томми за этой таинственной дверью?!

Теперь я обращаюсь к своему крошечному сыну. (Нужно напомнить, что все его знания о мире заключаются в одном слове — "ням-ням".) "Нат, — говорю я, — крошка Томми... встал... и... подошел... к двери". Глаза Натана готовы вылезти из орбит от восторга и удивления.

Наглядный пример, не правда ли? Для того, чтобы испытать удивление, семилетней Сарре потребовался дракон; четырехлетней Наоми оказалось достаточно для этого приоткрытой двери; а годовалый Натан был вне себя от удивления от одного того, что к двери можно подойти. И вот мораль, которую я считаю необходимым из этого извлечь: *чем старше становится человек, тем труднее его удивить, и только Бог способен это сделать.* Для верующего человека неиссякаемый источник радостного удивления в его растущей близости к Творцу.

В этом убедился выдающийся английский поэт Фрэнсис Томпсон, проживший непростую, насыщенную драматическими событиями жизнь. Покинув из-за ссоры родительский дом, он повел жизнь лондонского бродяги, пропадая днем в опиумных притонах, а ночи проводя на берегу Темзы. Его обществом были такие же как и он несчастные, сломленные жизнью люди. Время от времени Томсон вытаскивал из мусорной корзины лондонскую газету и, раздобыв клочок бумаги, писал отзыв на какую-нибудь из прочитанных статей. Редактор сбился с ног, пытаясь найти автора, чьи эссе и стихи показались ему достойными пера Мильтона, но не мог этого сделать — у писем не было обратного адреса.

За все то время бродяжничества, Томпсон не расстался с Писанием, одно место которого стало его преследовать как навязчивая идея. Речь идет об истории Иакова, тоже проведенного значительную часть жизнь вне дома. В Писании говорится о сне Иакова, в котором тот увидел лестницу, ведущую на небеса — "лестницу Иакова". На вершине ее восседает Сам Господь. Когда Иаков пробудился, то сказал: "Истинно Господь присутствует на месте сем; а я не знал!" (Быт. 28:16). В результате размышления над этим рассказом произвели в душе Франсиса Томпсона тот внутренний переворот, который нельзя назвать иначе как обращением. Вот стихотворный отклик на посетившее его прозрение:

О, мир невидимый, тебя мы видим!
 О, мир неосязаемый, мы чувствуем тебя!
 О, мир непознаваемый, тебя мы знаем!
 Неведомое нам открылось!

Летит ли рыба к океанским водам?
 Плывет ли птица, крылья распластав?
 Зачем же человек в движении светил
 Пытается открыть секрет души?

Зачем так далеко уходим мы
 На поиски того, что близко нам?
 Едва прислушавшись, мы различить могли бы

Движенье ангелов над головой.

И в час отчаянья, лишь стоит обратиться
С молитвой искренней к Создателю миров,
Мы узрим лестницу Иакова, что с неба
Протянется до Чаринг Кросс.

О плачь, моя душа, и к небу
Стремись, как к свету тянется цветок,
И зри Христа, ходившего по морю,
Идущего теперь по водам Темзы!

Так, прямо на берегу Темзы, произошла встреча Бога с человеком, который благодаря ей вновь обрел смысл жизни. Вместе с тем вернулось и детское удивление перед миром. Задолго до нашей эры израильский царь Давид, прозванный Псалмопевцем, писал: "Куда пойду от Духа Твоего, и от лица Твоего куда убегу? Взойду ли на небо, Ты там; сойду ли в преисподнюю, и там Ты" (Пс. 138:7,8). В этих словах выражен источник великой надежды. Когда Томпсон прекратил свое бессмысленное бегство от Бога, родились взаимоотношения между Творцом и одним из Его творений. Бог, ходивший по водам Геннисаретского озера, одинаково близок к тем, кто прогуливается вдоль берегов Темзы, работает на фабрике в Чикаго и пробирается сквозь снежные заносы к полюсу.

Как научиться видеть мир таинственным и прекрасным, как в детстве? Позвольте предположить, что никакие правила не помогут в этом, а единственное пригодное здесь средство — это установление личных взаимоотношений между нами и Творцом мира. Сутью человеческой истории является откровение об Иисусе Христе, возрождающем сердца, наполняющем их благоговейным трепетом перед красотой мира, делающем существование осмысленным. С Ним мы испытываем удивление от бесконечных чудес. Их источник — не ограниченная человеческая фантазия, а божественная неисчерпаемость.

Глава 9. Истина – умирающее понятие

В детские годы чувство удивления неотделимо от мира фантазии, в котором отчасти живет маленький человек. В этом, одновременно, и сила, и слабость детства. По мере того, как идут годы, чувство перманентного удивления естественным образом проходит, побеждаемое суровой реальностью и сознанием того, что нельзя прожить всю жизнь в мире сказок и грез. Окрепший ум перестает довольствоваться воображением и начинает требовать голой правды. С отходом от привычных детских представлений исчезает и привычная детская умиротворенность, не омрачаемая ничем радость от познания мира. Взрослый человек порой неосознанно стремится найти ответ на вопрос о смысле своего существования. Ни один думающий человек не может не задуматься над этим и завершение его духовных исканий возможно лишь с получением *истинного* ответа.

Но что есть истина? Этот вопрос обрел сегодня новое звучание. В наш век технического прогресса и унификации культурных и экономических систем, в эпоху невиданного все становится "относительным". По крайней мере, нас изо всех сил пытаются в этом убедить. А царствующий сегодня релятивизм — не более, чем философский фасад, за которым ложные представления вытесняют истинные из основных сфер жизни.

Недавно я выступал с докладом на конференции, на которой собрались спортивные тренеры из многих стран мира. После завершения официальной части появилась возможность для неформального общения, и я не преминул ею воспользоваться. Из всех состоявшихся бесед мне особенно запомнился разговор с тренером из ГДР, который сказал нечто, на мой взгляд, удивительное. Мы довольно быстро перешли к теме объединения Германии, и я поинтересовался, насколько тяжело дается немецким спортсменам переход к новому образу жизни. Предполагая услышать что-нибудь оптимистическое (все-таки, рухнула Берлинская стена!), я был поражен последовавшим ответом. Оказывается, подавляющее большинство спортсменов ощущают гнетущее недовольство сложившейся ситуацией и в первую очередь потому, что осознали ложь, в которой жили в социалистическую эпоху. Они-то думали, что служат Родине, укрепляют ее могущество, а на самом деле их спортивные достижения использовали в своих политических играх гнусные проходимцы, доведшие страну до морального и экономического банкротства.

К счастью, большинство государств бывшего социалистического лагеря твердо встало на путь демократии, и есть надежда, что с тоталитарным прошлым покончено навсегда. Но стоит ли облегченно вздыхать гражданам западных стран (мол, у нас такого никогда не было и не будет)? Есть ли основания для подобной уверенности? Действительно ли в "свободном" мире люди свободны от лжи?

Реклама на западе убеждает человека, что счастье наступит в тот момент, когда он купит новый дом или новую машину. Органы образования и средства массовой информации твердят, что нужно приучать подростков к "безопасному сексу", в результате чего уменьшится число внебрачных беременностей и снизится заболеваемость венерическими болезнями. Политики обещают всеобщее благоденствие на основе современных технологий. Законодатели берутся минимизировать социальные конфликты. Это иллюзорное пространство, в котором существует западный человек, было недавно дополнено очередным "измерением": если избавиться, утверждают идеологи "свободного" общества, от религиозного мировоззрения, в обществе окончательно возобладает демократия и наступит единение его членов!

Между тем, мы наблюдаем прямо противоположный результат. Цинизм и распущенность в последние десятилетия стали настоящим бичом западного общества. Недавно проведенный опрос среди канадских школьников дал поразительные результаты.

На вопрос: "Чего хотите в жизни больше всего?" большинство респондентов ответило: "Чтобы можно было хоть кому-нибудь доверять". Это ли не реакция на ложь, с которой западный человек регулярно сталкивается? В мире, оставившем пути духовного развития ради стяжания материальных ценностей, истина напоминает редкий животный вид, обреченный на вымирание.

Тяжесть "заболевания ложью" демонстрируется в частности инцидентом с южнокорейским авиалайнером, который был сбит советскими ВВС в конце 80-х годов. До сих пор нам не известно, какая из сторон говорит правду, а какая лжет. Советские лидеры представили мировой общественности версию, весьма запутанную, в соответствии с которой вся ответственность за происшедшее ложится на корейскую сторону. Советская сторона утверждала, что бортовые огни пассажирского самолета были отключены, а на требование дать опознавательный сигнал пилот лайнера не отреагировал.

Через некоторое время записи переговоров советских пилотов попали в руки одной из западных спецслужб. По американскому телевидению состоялась передача с участием известного журналиста, в то время сотрудника газеты "Правда", Владимира Познера, в которой ему было предложено прокомментировать полученную запись. Ведущий программы, обращаясь к гостю, сказал:

— Г-н Познер, власти вашей страны настаивают на том, что южнокорейский самолет не подавал никаких опознавательных сигналов.

— Совершенно верно.

— Однако на пленке слышно, как один из советских военных летчиков, обращаясь к другому, говорит об опознавательных огнях.

— Да, — соглашается Познер, — но огни, о которых идет речь, принадлежали самолету его товарища, тоже летевшего рядом с южнокорейским лайнером.

Посмотрев на Познера взглядом прокурора, только что уличившего подсудимого во лжи, ведущий произнес: "На пленке слышно буквально следующее: *"Вижу опознавательные огни цели"*. Будьте добры, объясните, с каких это пор пилоты советских ВВС стали называть свои самолеты *целями*?"

Последовала напряженная пауза, которая завершилась какой-то малопонятной репликой Познера, после чего он поспешил перевести разговор в иное русло. В связи с этим эпизодом название газеты "Правда", от имени которой он выступал, воспринимается с иронией. Интересно, что впоследствии, когда геополитическая ситуация в мире стала меняться, Познер стал частым гостем в ток-шоу американца Фила Донахью, известного своими воинственно атеистическими взглядами. Поразительна живучесть представителей средств массовой информации, их способность приспосабливаться к любым мнениям и обстоятельствам! Подозреваю, что это происходит отнюдь не благодаря их любви к истине.

Примечательны рассуждения Малькома Маггериджа об истине:

"Познать истину в суете современной жизни и массовых развлечений так же трудно, как увидеть горный простор в студийных декорациях, насладиться тишиной на дискотеке, разглядеть любовь в стриптизе. Истина не в ветре, превратившем громады гор в мелкий щебень и не в землетрясении, стершем с лица земли города. У нее тихий, спокойный голос. Она не похожа на скрип тормозов в ночи, на рев самолета в небе, на гул и грохот литавр, на завывание саксофона и бешеный ритм барабанов. У нее тихий, едва заметный голос — если бы только мы могли его услышать".

Образно описывая метания современного человека, пытающегося обнаружить в своем существовании хоть какой-то смысл, но трагически неспособного это сделать,

Маггеридж касается самой сути проблемы. Мы живем в разных политико-экономических условиях, однако нашим обществам присущ один и тот же симптом дефицита истины. Иисус недвусмысленно указывает на это в конце Своего земного пути.

Что есть истина?

"Ты Царь Иудейский?" — с этого вопроса начал Понтий Пилат свою краткую, но судьбоносную встречу с Иисусом Христом. Нетрудно представить на лице вопрошавшего едкую усмешку: римский патриций обращается к простому плотнику, возомнившему себя царем.

Иисус ответил в духе иудейского красноречия вопросом на вопрос: "От себя ли ты говоришь это или кто сказал тебе о Мне?" Мудрый прием, позволяющий сразу обнажить позицию противной стороны — Иисус часто прибегал к нему в спорах с фарисеями.

Пилату не понравилась подобная дерзость. Он решил ясно дать понять свое безразличие к внутри-иудейским разногласиям: "Разве я иудей? Твой народ и первосвященники предали Тебя мне".

"Царство Мое не от мира сего; если бы от мира сего Было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы я не был предан Иудеям; но ныне Царство Мое не отсюда".

"Итак Ты Царь?" — Пилат не придал значения словам Пленника.

Отвечая ему утвердительно, Иисус возвещает важнейшую истину: "Ты говоришь, что Я Царь; Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего".

Пилату и миру дается понять, что фундаментальная проблема состоит не в недостатке явленной истины, а в лицемерии предпринимающего ее поиск. Искренность намерений является условием обнаружения истины. Тот, кто действительно устремлен к истине, верует в Господа Иисуса Христа, ибо Он есть воплощенная истина, а не верящий Его словам не стремится к истине или не искренен в своих намерениях.

Пилат невольно проиллюстрировал утверждение Иисуса своими словами: "Что есть истина?" — бросил он как бы мимоходом и даже не потрудился дождаться ответа. Возможно, он догадывался, в чем состоит правильный ответ, но, не желая расставаться со своим благополучием, предпочел пожертвовать Истиной. (Ин. 18:28 — 19:16).

"Неточный" перевод

Предлагаю взглянуть на проблему взаимосвязи искренности намерений и адекватности в оценке реальности под несколько иным углом зрения. Я родился и вырос в Индии, потом переехал жить в Соединенные Штаты. Моя жена из Канады. В детстве одним из языков, на котором я говорил, был хинди. Возможно, вы знаете, что существуют так называемые "непереводимые" элементы языка. Например, когда я встречаюсь с друзьями из Индии, кто-нибудь может удачно пошутить на хинди, но засмеются только люди, хорошо знающие этот язык. Когда я пытаюсь перевести шутку жене, она даже не улыбается. "А что здесь смешного?" — удивляется она и тут же добавляет: — "Понимаю, в переводе это не звучит".

Доводилось ли вам слышать историю знаменитого бандита по имени Хосе Рибера, промышлявшего грабежом банков в штате Техас? Дело было в прошлом веке. Уставшие от постоянных грабежей жители штата наняли рейнджера, которому поручили отыскать Рибера в его мексиканском логове и возратить награбленное. После долгих поисков по всей Мексике рейнджер очутился в сельском баре, где за стойкой, попивая пиво, сидел молодой парень, а за одним из столиков громко храпел пузатый мужчина, в надвинутой на

глаза шляпе. Подойдя к молодому человеку, рейнджер спросил, не знает ли тот Хосе Рибера. Парень показал на спящего за столиком человека: "Вот Хосе Рибера".

Поправив толстый ремень с кобурой, рейнджер не спеша подошел к Рибере и тронул его за плечо. "Ты — Хосе Рибера?" — спросил он. "Не понимать по-английски", — последовал ответ. Рейнджер попросил парня перевести.

Последовавший диалог был очень утомительным. Сначала рейнджер говорил фразу по-английски, и парень переводил ее на испанский, потом Рибера отвечал по-испански и парень повторял его слова по-английски. Кое-как "познакомившись", рейнджер перешел непосредственно к делу. У Рибера, сказал он, есть два варианта. Первый заключается в том, чтобы рассказать, где хранится награбленное, и тогда он сохраняет свою свободу. Второй — отказаться возвращать деньги, но тогда он будет убит на месте. Молодой человек перевел ультиматум бандиту.

Собравшись с духом, Рибера ответил: "Скажи ему, пусть выйдет из бара, повернет направо и пройдет примерно с милю. Там он увидит колодец. Рядом с колодцем стоит очень высокое дерево. Под ним лежит большая бетонная плита — ему понадобится чья-нибудь помощь, чтобы оттащить ее. Под плитой яма. Если он сможет аккуратно отвалить плиту, то найдет все драгоценности и почти все деньги, которые я награбил".

Парень повернулся было к рейнджеру, чтобы перевести, но вдруг запнулся, и как-то неуверенно произнес: "Хосе Рибера говорит... Хосе... говорит..." И вдруг решительно добавил: "Хосе Рибера говорит: *"Стреляй, все равно ничего не скажу!"*"

Не совсем точный перевод, не правда ли? Но не отсутствие нужных знаний стало причиной этого, а желание скрыть истину. Нужно ли кому-то сегодня объяснять, что с экранов телевизоров пропагандируется насилие, что современная "музыкальная культура" приучает нашу молодежь к разврату? И да, и нет. Да, потому что мы должны предупреждать общество о грозящей ему опасности; нет, потому что большинство людей просто не желают знать истину.

Образ и храм

Преднамеренный уход от истины выливается в пристрастие к низменным вещам. Давайте задумаемся над таким вопросом: почему столь популярны видеофильмы со сценами эротики и насилия? Почему нас не устраивает просто душевная беседа с друзьями? Почему нравственный образ жизни кажется многим скучным и обременительным?

Библия утверждает, что мы созданы по образу и подобию Бога. В книге *Бытие* Бог строго воспрещает убийство, предупреждая о суровом наказании за это зло. Почему убийство — зло? Потому что оно является посягательством на образ Божий, запечатленный в человеке. Далее Господь Иисус Христос открывает ученикам, что истинное поклонение Богу происходит не в рукотворных зданиях, а в человеческом сердце. Таким образом, тело человека одновременно служит и храмом Бога.

Оба учения — о сотворенности человека по образу и подобию Бога и о теле как Божьем храме — относятся к фундаментальным библейским истинам. На чем же ином могут быть построены мирские развлечения, как не на их профанации? Отказ от истины, равно как и утрата удивления перед чудом мира, тяжким бременем ложатся на плечи современного общества и обрекают его на страшную дань.

Истина как Личность

Одна из уникальных особенностей христианского учения заключается в том, что истина в нем — не отвлеченное понятие, но личностное. Иисус Христос не просто

обладает всей полнотой знания истины, но *Сам является Истиной* в прямом смысле. Следовательно, истина обретается через познание Иисуса Христа. В ответ на просьбу апостола Фомы показать ему путь к Богу, Иисус ответил: "Я есмь путь и истина и жизнь". (Ин. 14:6).

Из этого утверждения можно сделать два очевидных вывода: во-первых, истина абсолютна, а во-вторых, познаваема. Истина есть соответствие действительности; ложь же — нечто, ей не соответствующее.

Утверждение Христа о том, что Он есть путь, и истина и жизнь означает, что любое мнение, входящее в противоречие с Его учением, ложно по определению. Я призываю вас внимательно ознакомиться с евангельским откровением и самим убедиться, что учение Иисуса с избытком восполняет человеческую потребность в истине. Доступное даже для малых детей, оно способно тронуть души и закоренелых скептиков, таких, как Савл из Тарса.

По моему убеждению, Церковь заслужила значительную часть критики, которая раздается в ее адрес. Во многих странах мира Церковь имеет незавидную репутацию, что объясняется не только ее нынешней деятельностью, но и историческим прошлым. Церковная иерархия нередко шла и идет на сговор с властями, а протестантские проповедники, случается, пользуются доверчивостью паствы для личного обогащения. Отрицать это бессмысленно. Однако, правильнее оценивать христианство не по поступкам отдельных людей, а по учению Господа Иисуса Христа.

Мне вспоминается замечательная история из книги Мэри Чапиан "*Кого не принял мир*". Книга повествует о гонениях на Церковь в бывшей Югославии. Часть клира вошла в сговор с правящим режимом, в результате многое из того, что творилось в стране во имя Христа, было прямым нарушением христианской морали.

История такая. Однажды в югославскую деревушку приехал миссионер по имени Яков. Там он познакомился с местным стариком-крестьянином Циммерманом, жившим в очень тяжелых условиях, и начал проповедовать ему Благую Весть. Но стоило Якову заговорить о Христе, как Циммерман тут же прервал его, не желая даже слушать ничего о христианстве. Позже Яков узнал, что Церковь пользуется там дурной славой, что ее члены замешаны не только в сговоре с властями, но даже в убийстве невинных людей. "Они убили моего племянника, — однажды сказал Якову разгневанный Циммерман. — Надевают на себя кресты и затейливую одежду, делают вид, что посланы Богом, но дела их говорят о другом".

Не теряя надежды переубедить Циммермана, Яков обратился к старику: "Отец, можно я задам вам вопрос? Предположим, что я украл вашу куртку, надел ее на себя и в таком виде ограбил банк. Милиция погналась за мной, но не сумела задержать. Милиционеры, тем не менее, узнали куртку, в которую я был одет. И вот они приходят к вам домой и предъявляют обвинение в грабеже. Что вы им ответите?"

"Я скажу, что не виноват".

"Но ведь на грабителе была ваша одежда!" — возразил Яков. Слова миссионера озадачили Циммермана, и он ничего не ответил.

После этого разговора Яков продолжал навещать Циммермана, пытался наладить дружеские отношения, а заодно побольше рассказать о Христе. Наконец, в один прекрасный день, Циммерман поинтересовался тем, как стать христианином, и Яков с радостью научил его. Опустившись на колени и склонив голову, Циммерман покался в своих грехах и верил свою жизнь Христу. Когда он встал, по его щекам градом катились слезы, он обнял Якова и произнес: "Спасибо, что ты пришел ко мне". И затем, показав рукой на небо: "Ты носишь Его одежду по праву!"

Прошу вас, взгляните поверх людских недостатков и увидите Того, Кто безукоризненно носит одежды Своего Небесного Отца. Понтий Пилат засвидетельствовал о Христе, что не нашел в нем никакой вины, и те же слова произнес распятый вместе с Господом разбойник: "Он ничего худого не сделал" (Лк. 23:41). Безгрешность Иисуса — вот идеал, недостижимый ни для одного пророка, религиозного лидера или иерарха. Греховность последних очевидна и неоспорима, но Иисус Христос не имеет нравственного недостатка ни в чем.

Истина нашла свое воплощение в Личности Иисуса Христа, а это означает истинность всех Его утверждений. В таком случае, если верно, что первейшая задача человека — осмысление жизни, то следует искать ее смысл в учении Христа. Вера в Иисуса Христа есть познание истины и путь самопознания человека.

Глава 10. Лику любви

До сих пор мы говорили только о двух важнейших составляющих человеческой жизни — чувстве удивления перед Творением и стремлении к истине. Теперь я хотел бы затронуть третью: любовь. От детского удивления и юношеской жажды истины мы приходим к любви, присущей зрелости.

Любовь придает жизни смысл, и поэтому ее утрата является для человека трагедией.

Г Честертон так писал о любви и браке:

"В последнее время появилось совершенно абсурдное словосочетание — "свободная любовь". Как будто любящие люди получают право быть свободными друг от друга. На самом деле в самой природе любви заложена привязанность, и институт брака только оформляет ее юридически".

"В самой природе любви заложена привязанность" — эта истина совершенно чужда современному обществу. Интимные партнеры становятся "одноразовыми", как шприцы. То, что сегодня принято называть любовью, на самом деле куда ближе к мастурбации или чревоугодию. Есть, конечно, определенная разница в отношениях между полами на Востоке и на Западе, о чем мне позволяет судить собственный опыт. Очевидно, что на Востоке больше значения уделяют супружеской верности и крепости семейных отношений; на Западе на первое место выходит возникающее между людьми влечение. Между тем, и в первом, и во втором случае не хватает чего-то важного, а именно подлинной любви. Без нее даже внешне благополучный брак становится или тяжелым испытанием, или превращается в пустую формальность.

В греческом языке, языке Евангелия, любовь подразделяется на четыре вида: *агана* — чистая любовь, присущая Богу, *филео* — дружеская любовь, *сторге* — родительская любовь и *эрос* — интимная любовь. В современном же обществе под любовью чаще всего понимают эротическое чувство, игнорируя все остальные виды любви. На самом же деле истинная любовь обязательно включает взаимную заботу, верность и преданность. Иными словами, "заниматься любовью" — еще один неологизм, не означающий "любить". Любовь нельзя "заняться", а потом перестать; любовь — это состояние души.

Давайте на минуту отвлечемся от интимной любви и подумаем о любви родительской. Во-первых, она воспринимается более однозначно по сравнению с интимной любовью. В джунглях Эквадора и в деловых кварталах Токио родители испытывают одни и те же нежные чувства. Во-вторых, родительская любовь, в особенности материнская, — одна из самых сильных человеческих эмоций. Недаром матерям, путешествующим на самолете с маленькими детьми, особо напоминают о необходимости в случае аварии сначала самим надеть кислородную маску, и только потом заняться ребенком. Это свидетельствует о жертвенности материнской любви. Наконец, родительская забота о детях, отраженная в гражданском законодательстве, — важнейшее свидетельство цивилизованности общества.

Что из всего этого следует? В основе как интимной любви, так и родительской лежит некий общий принцип. Назовем его "ответственность и забота". Без этого принципа, невозможно по-настоящему проявить свою любовь и правильно воспитать ребенка. Без него мы имеем дело с родительским эгоцентризмом, притворяющимся любовью. Когда же любовь понимается как ответственность и забота, человек способен пережить даже периоды временного охлаждения в отношениях. Любовь и жертвенность всегда сопутствуют друг другу, и чем больше человек жертвует ради любви, тем больше он обретает духовно. Наоборот, чем эгоистичнее мы в любви, тем немощнее и беднее духовно.

Сизифов труд

Позвольте рассказать вам две истории, которые, как мне кажется, приблизят нас к пониманию глубинных человеческих стремлений. Объединяет эти истории разве что трагичность описанных в них ситуаций.

Первая история — история песни, написанной американским исполнителем Гарри Чэпином. Песня называется "Котята в колыбели". В ней рассказывается об очень занятом человеке, у которого рождается сын. Работа по выходным, срочные командировки, неоплаченные счета — все это не позволяет отцу видеть сына достаточно часто, и то это происходит "на бегу". Проходит десять, пятнадцать лет — ничего не меняется. Очередное обещание провести с семьей уик-энд остается невыполненным. Между тем мальчик, ставший уже подростком, не перестает восхищаться отцом и непременно хочет быть "как он". Проходит еще десять-пятнадцать лет, отец выходит на пенсию, звонит сыну: "Приезжай ко мне, посидим, поговорим..." "Я бы рад, — отвечает сын, — но из-за этой новой работы нет ни секунды времени, да к тому же дети заболели гриппом. Обязательно встретимся — но как-нибудь в другой раз". Вешая трубку, отец вдруг понимает: а ведь мечта сына сбылась: он действительно стал таким, как отец!

Можно сказать, строки этой песни оказались для Чэпина пророческими. Однажды, в ответ на просьбу жены снизить бешеный ритм жизни и провести немного времени с семьей, певец обещал: "В конце лета обязательно выкрою несколько дней, чтобы побыть с вами". Но, увы, Чэпин не успел выполнить своего намерения: тем же летом он погиб в автомобильной катастрофе.

Размышляя над печальной историей жизни и смерти певца, невольно думаешь: вот пример того, как можно верить в определенные принципы, но не следовать им в собственной жизни. То, как певец относился к своей семье, вызывает чувство внутреннего протеста. Напрашивается вывод: стоит человеку погнаться за мирской славой, и он выходит за рамки отношений с другими людьми, установленные Богом.

Вторая история, или лучше сказать, притча, имеет оттенок восточной мелодрамы, однако, как мне кажется, прекрасно доносит до слушателя одну важную истину.

Герой притчи, молодой индийский крестьянин, полюбил девушку из соседней деревни. Чувство его было подлинным, и он хотел жениться на девушке, но она не испытывала к нему никакой привязанности. Хуже того, девушка решила воспользоваться чувствами юноши для забавы — придумала игру, в которой он должен был предоставлять ей все большие и большие доказательства своей любви.

В конце концов, истощив запас своего воображения, она решилась на безумный шаг. "Если ты по-настоящему меня любишь, — сказала она, — то должен доказать, что я безраздельно владею твоим сердцем. Для этого тебе нужно убить свою мать и принести мне ее сердце как доказательство моей победы над ее любовью". Услышав такое условие, молодой человек ужаснулся и несколько недель был в совершенном замешательстве, не зная, как ему быть. Наконец, не в силах больше выносить разлуку с возлюбленной, он в каком-то исступлении убил свою мать и вырезал ей сердце. Схватив его, он бегом побежал к возлюбленной, подгоняемый чувством вины и нестерпимым желанием предоставить окончательное доказательство своей преданности. Дорога в соседнюю деревню лежала через дремучий лес и, пробегая через него, молодой человек споткнулся и выронил сердце, которое судорожно сжимал в руке. Кое-как отыскав его в траве, он поднялся, чтобы бежать дальше, и вдруг услышал голос, доносившийся из сердца, которое он держал в руке: "Сынок, ты не ушибся? Тебе не больно?"

Смысл этой притчи очевиден: материнской любви, вызывающей восхищение, присуща жертвенность, в ней воплощено торжество духа над плотью. Давайте спросим себя: может ли такая великая любовь быть производной материи, заведомо лишенной

смысла и нравственной направленности? Едва ли. Тогда позвольте предположить, что она имеет своим источником Бога. И в таком случае любовь — Божий дар человеку. Сама наша способность *понимать* любовь получена от Бога, равно как и присущая любви жертвенность. Библия подтверждает это: Бог есть любовь, и Он засвидетельствовал об этом Своей величайшей Жертвой.

Д-р Стэнли Джонс, прославленный миссионер, проповедовавший в Индии и пользовавшийся уважением самого Махатмы Ганди, любил рассказывать историю об одном индийском чиновнике, который никак не мог понять смысл крестной жертвы Христа, а следовательно, не мог уяснить и Божьей любви к человеку. Беседы, которые вел с ним д-р Джонс, заходили из-за этого в тупик.

И вот однажды этот чиновник изменил жене. Его стала мучить совесть, и чем дольше он скрывал от жены содеянное, тем сильнее становились душевные муки. Наконец, не в силах больше выносить угрызания совести, он во всем признался своей преданной жене. Дни душевных мук сменились днями тревожного ожидания: простит или нет? По прошествии некоторого времени, когда первый шок от признания прошел, жена простила его и пообещала так же преданно любить мужа, как и прежде.

И в этот момент чиновника словно осенило: "Теперь я понимаю, что значит жертвенная любовь!" — пробормотал он. Преклонив колени, он помолился Господу, а встав, сердечно обнял свою жену.

О неотступная Любовь!
В Тебе усталую душой
Я отдыхаю вновь и вновь.
И снова отправляюсь в бой!

У любви есть свои законы. Перефразируя известное изречение, можно сказать, что любовь требует жертв. В таком случае, не что иное, как Жертва Христа становится истинным мерилom любви. Она призывает нас следовать за Ним и отвечает глубинной потребности человеческого сердца любить и быть любимым. В Его жертвенной любви обретает смысл человеческое существование.

Концепции любви в разных религиях разные, подчас весьма неожиданные. Основатель буддизма, к примеру, считал необходимым оставить жену и детей для того, чтобы обрести душевный покой. Индуистская любовь в нашем понимании более напоминает жалость. В Исламе любовь адекватна подчинению сострадающему Богу. Только в рамках христианства любовь понимается как форма взаимоотношения человека со Всевышним, обогащающая верующих, наполняющая силой и смыслом их земную любовь.

Д. Лоренс был прав, утверждая, что глубинная потребность человека не может быть полностью удовлетворена в рамках земной любви. Существует еще потребность поклонения Богу "в духе и истине". Без Бога человек обречен на одиночество: "Я пришел для того, чтобы имели жизнь, и имели с избытком", — сказал Иисус (Ин. 10:10). Верующий в Христа избавлен от одиночества, ибо полностью насыщен голод его сердца.

Если мы согласны, что любовь порождает смысл, мы должны признать и то, что ее отсутствие способствует утрате смысла жизни. Жан Поль Сартр однажды сказал, что ад — это другие люди, имея в виду, что ад — это несогласие с его личными взглядами. С другой стороны, Ф. М. Достоевский, устами одного из своих персонажей провозгласил: "Должно быть, ад — это неспособность любить". Я больше согласен со вторым мнением. В таком случае, приходится признать, что современное западное общество постепенно приближается к адскому состоянию. Мы уже не воспринимаем эгоизм как отклонение от нормы, наши семейные устои расшатаны до предела и вот-вот окончательно рухнут. Если мы, как цивилизация, некогда исповедавшая христианскую мораль, не одумаемся, нас

ждет полная и окончательная деградация. Нас ждет неконтролируемое насилие как логическое завершение того иррационального пути, по которому мы продолжаем идти. Спасти себя можно только исполнившись Божьей любовью, явленной во Христе Иисусе и доступной каждому, уверовавшему в Него.

Глава 11. У последней черты

Мы подошли к последнему этапу земного пути человека — старости. Перед нами теперь стоит задача понять, в чем больше всего нуждается человек в преклонном возрасте.

Это — преодоление страха смерти. Наше детское удивление перед миром прошло, интенсивные поиски смысла жизни в юности завершились, и мы перестали считать себя бессмертными. Мы пришли к выводу, что все конечно, в том числе и любовь. Да, это так, но только при одном условии — что смерть есть полный конец всякого существования. С другой стороны, если жизнь человека с физической смертью не заканчивается, возникает повод для надежды. Однако, она должна быть на чем-то основана, иначе ей не удастся озарить своим светом последние годы человеческой жизни.

Все мировые религии признают существование загробного мира, однако только христианство основывает уверенность в победе над смертью на историческом событии. Излишне объяснять, какое значение для христианской веры имеет воскресение Господа Иисуса Христа. Достаточно сказать, что без этого события христианства просто не существует. Понимая это, многие противники Христа — римские жрецы, иудеи, мусульмане, воинствующие атеисты — пытались опровергнуть факт воскресения, но их многовековые старания не увенчались успехом. Истина стоит непоколебимо.

Посмотрите, какой неподдельный интерес вызвало обнаружение Туринской плащаницы. Пусть она не является прямым доказательством воскресения, но с какой страстностью спорят о ней люди, которые, казалось бы, не допускают мысли о возможности загробной жизни. О *безразличном* предмете так не спорят. Или другой пример. Умирает от наркотиков король рок-н-ролла Элвис Пресли, человек, отнюдь не прославившийся своей набожностью. Что находят рядом с его кроватью? Библию и книгу о Туринской плащанице. Человек хочет обладать *истинным знанием* о смерти, ибо только оно может сделать осмысленной жизнь, только оно может избавить от страха перед ней. Иисус сказал: "Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет" (Ин. 11:25).

Это обещание подарило надежду миллионам людей. Одним из главных провозвестников ее стал некто Савл из Тарса, который до своего обращения являлся непримиримым врагом христиан и их безжалостным гонителем. Однажды, по пути в Дамаск, он увидел слепящий свет и услышал голос Христа, повелевшего ему прекратить преследования. Слепшего Савла привели в Дамаск на улицу, называемую Прямой. Мне посчастливилось побывать там. Улица эта существует до сих пор, и проходящим на нее показывают небольшой темный домик, по преданию принадлежавший Анании, человеку, помогшему Павлу прозреть в прямом и переносном смысле. Тот ли это самый дом, или постройка более позднего времени, теперь сказать трудно, но сохранившееся с древнейших времен название улицы — Прямая — не дает оснований усомниться в правдивости рассказа. Именно на этой улице Савл, принявший имя Павел, получил божественное указание свидетельствовать языческим властям о воскресшем Христе. Павел блестяще справился со своей миссией — но не столько благодаря своему римскому гражданству и греческому воспитанию, сколько бесстрашию, обретенному вследствие победы над страхом смерти через веру во Христа.

В завершение я хотел бы напомнить четыре ипостаси человеческой жизни — удивление, поиск истины, любовь и преодоление страха смерти. Каждая из них нашла свое воплощение в жизни Иисуса Христа, вера в Которого помогает правильному осмыслению жизни.

В начале семидесятых годов, в разгар Вьетнамской войны, мне довелось побывать в действующей армии Соединенных Штатов. Посещая боевые базы и госпитали, я выступал перед личным составом, беседовал один на один с офицерами, солдатами, ранеными.

Должен признаться, что этот опыт в корне изменил мое восприятие жизни. Почти в каждом разговоре мы так или иначе касались темы смерти, а через нее — темы Бога. Почти все разговоры оставили в моей памяти глубокий след.

Одно из ярких воспоминаний о той поездке — стихотворение, которое подарил мне молодой солдат. Стихотворение замечательное, но, к сожалению, довольно длинное для того, чтобы процитировать его на страницах этой книги, поэтому я позволю себе пересказать его содержание прозой. В нем рассказывается об одной из тех ночей, которые определяют все течение человеческой жизни. Такая ночь настала для автора в окопе, под перекрестным огнем вражеской артиллерии.

Нужно было подниматься в атаку — может быть, последнюю в жизни, — а в душе такая зияющая пустота, такая тяжелая тоска! Автор вспоминает юность, друзей, уверявших его в бессмысленности человеческой жизни. Неужели они были правы? Он видит над головой звездное небо и вдруг понимает: нет, не может быть, что все это лишено смысла! Нет, заблуждались его друзья, когда говорили, что в мире нет ни Бога, ни надежды. В его душе происходит перелом, и прямо там, в окопе, он принимает Божью любовь. В душе мгновенно поселяется неизвестный раньше покой. "После встречи с Тобой я меньше боюсь смерти", — пишет он, обращаясь к Создателю.

Несколькими годами позже примерно такое же признание я услышал из уст молодого сирийского офицера, участвовавшего в боях за Голанские высоты. В целом можно сказать, что война — этот уникально-страшный опыт для любого человека — стала проводником к вере для значительного количества солдат.

Здесь уместно процитировать слова Малькольма Маггериджа, написанные после обращения ко Христу:

"Меня, я полагаю, можно со всем основанием назвать человеком, добившимся успеха. Меня время от времени узнают на улице — вот вам слава; я заработал достаточно денег и получил доступ в высшие слои общества — вот вам успех. Имея достаточно денег и немного славы, даже немолодой человек может без труда привлечь внимание красивых женщин — вот вам наслаждение. Случается также, что кое-что из сказанного или написанного мной получает общественный резонанс. Таким образом я оказываю реальное воздействие на общество. Вот вам самореализация. А теперь сложите все эти "победы" вместе, помножьте их на миллион, и я все равно скажу вам, что сами по себе они — ничто, пустой звук. Для томимого духовной жаждой одна капля живой воды Христовой дороже любых достижений, какие может предложить мир".

Мы проследили путь человека от младенчества до старости и убедились, что разрешить проблему смысла жизни невозможно иначе чем в рамках теистического мировоззрения.

Часть III. Кто такой Иисус и почему это важно знать?

Глава 12. На подступах к истине

В каком-то смысле вывод о том, что Бог является источником всякой новизны, является самоочевидным. В самом деле, если можно утверждать, что Бог существует, то нужно признать и Его божественную бесконечность, а следовательно, новизну. Логически неоспоримо то, что жить по Его законам, есть основная цель бытия и высшее наслаждение, доступное человеку. Впрочем, здесь есть одно "но". Как удостовериться в том, что Христос действительно есть путь, истина и жизнь? Это чрезвычайно важный вопрос. Чтобы ответить на него, давайте исследуем одно из самых дерзновенных притязаний христианской веры — притязание на обладание *абсолютной* истиной.

В кругу мировых религий христианство часто видится как своего рода пария, ибо само понятие "абсолютная истина" кажется современному сознанию вызывающим, если не оскорбительным. Апологеты плюрализма обрушивают на христиан ожесточенную критику. "Допустимо ли в современном обществе заявлять о превосходстве одной концепции над другой?" — спрашивают они.

На это Христос отвечает: *"Я есмь путь, и истина, и жизнь"*. Идея абсолютной истинности слов Спасителя — одна из центральных в Евангелии. Поставьте ее под сомнение и под сомнением окажется само благовестие.

Примечательно, что сомнения вначале испытывал апостол Фома, который последним из апостолов уверовал в Воскресение Господа, но не прежде, чем собственными глазами увидел воскресшего Христа и вложил свои пальцы в Его раны.

Фома, как гласит предание, отправился с проповедью на восток, и дошел до Индии. В то время в Индии почитали около 330 тысяч божеств, и число их постоянно росло. И вот, в обществе, исповедовавшем многобожие, прозвучал призыв апостола уверовать в Единственного Истинного Бога, Который есть путь, и истина, и жизнь. Нетрудно представить реакцию местных жителей, особенно местных религиозных лидеров. Апостол поплатился за свою проповедь жизнью. Предание гласит, что он принял мученическую смерть в Мадрасе, городе, где родился ваш покорный слуга.

Итак, как отнестись к утверждению Иисуса: *Я есмь Истина*. Кто Он, Иисус из Назарета? И какое это имеет значение сейчас, спустя два тысячелетия после Его распятия? Очевидно, что ответ на первый вопрос автоматически определит ответ и на второй. Однако, прежде рассмотрим само понятие истины.

Унижение истины

Одним из печальных признаков нашего времени стало исчезновение самого понятия истины. Современный человек выступает как бы первопроходцем нравственной целины и пребывает в уверенности, что до него там не ступала нога разумного существа. Разумеется, что в таких условиях каждый создает удобную для него систему ценностей и не признает божественного нравственного абсолюта. Те же, кто дерзает верить в Бога, слывут людьми непросвещенными, далекими от "передовых идей эпохи". Само упоминание о главных вопросах бытия стало едва ли не неприличным: о таких вещах можно говорить разве что на похоронах или в кабинете у психиатра.

Ричард Рорти, считающийся одним из ведущих философов США, с гордостью ниспровергает авторитет собственной профессии. По его мнению, любой философ, претендующий на объективное понимание мира, просто "метафизический обманщик".

Хотелось бы спросить Рорти: считает ли он истинным свое отрицание истины или его позицию можно отнести к разряду "литературных приемов"? Представляется

очевидным, что каждый из нас все же действует на основе определенных правил, которые считает истинными и неоспоримыми — в том числе и Рорти. Мы ничего не воспринимаем исключительно на веру, но сознательно или подсознательно оцениваем истинность утверждения. Отказаться от категории истинности невозможно.

Истина об истине

Перед тем, как перейти к апологетике христианства, необходимо решить две предварительные задачи. Первая заключается в том, чтобы определить процедуру установления истины для любой религии, вторая — в доказательстве абсолютности истины как таковой. Только после этого можно будет убедительно разрешить наш главный вопрос.

Позвольте предположить, что существует три критерия истинности утверждения: (1) состоятельность с точки зрения логики, (2) адекватность с точки зрения эмпирики и (3) приемлемость с точки зрения практики. Перечисленные критерии, будучи применены к системе взглядов, гарантируют высокую степень точности в установлении истинности или ложности ее постулатов. Таким образом, оценке на основе этих критериев должны подвергнуться все принципиальные утверждения христианства, индуизма, буддизма, ислама, атеизма и прочих мировоззрений. Мы, разумеется, вынуждены ограничиться лишь некоторыми из них.

Три названных критерия имеют, между тем, один недостаток, на который обратил внимание в своем труде по эпистемологии Норман Гейслер. Он указал, что некоторые философские системы способны удовлетворять названным критериям, но при этом быть ложными. Например, если согласиться с одной из предпосылок индуизма, то все учение становится истинным в соответствии с тремя названными критериями. Однако, если оценить предпосылку по другим критериям истинности, то становится очевидным неправомочность самого учения. Вот пример: одна из предпосылок индуизма заключается в том, что известный нам материальный мир не отличается от высшей и безличной реальности, называемой Брахман. Если согласиться с этим, то индуизм будет соответствовать критериям истинности, если же опровергнуть, то рухнет и все здание пантеизма.

Каким образом можно продемонстрировать ложность предпосылки о Брахмане? Можно указать на, по крайней мере, один принципиальный недостаток упомянутой концепции. Для его выявления потребуется два теста — так называемые "тест неотрицаемости" и "тест неподтверждаемости".

Суть первого теста в следующем. Возьмем феномен моего существования. Доказать его логически невозможно, но и отрицать его тоже нельзя. То есть, я не могу отрицать собственное существование, не подтверждая его тем самым. Неотрицаемость, таким образом, является критерием истинности. (В связи с этим я вспоминаю хрестоматийный диалог между преподавателем и студентом: "Почему я могу быть уверен, что существую?" — спрашивает студент на занятии по философии. "А кто, позвольте поинтересоваться, задает вопрос?" — отвечает преподаватель.)

Неподтверждаемость, с другой стороны — это тест на ложность утверждения. Например, утверждение: "Я не знаю ни слова по-русски" содержит внутреннее противоречие и поэтому является ложным. Оно ложно, поскольку говорящему известно, по крайней мере, шесть слов русского языка.

Теперь обратимся к индуистской концепции Брахмана. Люди, ее исповедующие, придерживаются такого мнения: "Бог существует, а я являюсь лишь иллюзией". Но это — классическое неподтверждаемое утверждение, следовательно, ложное.

Итак, эти два теста вдобавок к трем критериям, предложенным ранее, составляют весьма надежную пяти-частную систему определения истинности или ложности любых постулатов. Любой, кто всерьез утверждает, что истины не существует, противоречит сам себе, ибо отрицает истинность собственного утверждения. Истина существует независимо от частных точек зрения, и ее можно познать.

Таково первое соображение относительно процедуры анализа. Теперь перейдем ко второму.

Абсолютность истины

Многие современные критики христианства пребывают в серьезном заблуждении, полагая, что только оно претендует на обладание абсолютной истиной. Такой взгляд вызван, прежде всего, поверхностным отношением к вопросу, ибо при внимательном рассмотрении становится очевидно, что любое мировоззрение основано на утверждениях, воспринимаемых как истинные. Другими словами, любое мировоззрение эксклюзивно. Так, буддизм возник в результате отрицания двух фундаментальных постулатов индуизма (Будда отверг авторитет Вед, а вместе с ним и легитимность кастовой системы. Но кастовое членение общества было неразрывно связано с теорией реинкарнации, поэтому в качестве альтернативы было сформулировано буддистское учение о трансмиграции). Сикхизм, со своей стороны, отвергает как индуизм, так и буддизм, а бахаизм, воплощая идеал религиозного универсализма, предпринимает попытку объединить все религиозные системы в одну. На исключительность претендует мусульманство, эксклюзивность которого не только богословская, но и лингвистическая. По учению ислама, величайшим чудом Аллаха явился Коран, который можно воспринять адекватно только по-арабски. В переводе, считают последователи Магомета, он неизбежно теряет часть изначального смысла. К этому имеет смысл добавить, что для правильного восприятия Корана требуется не просто хорошее знание арабского языка, но понимание тончайших его нюансов. Что же касается атеизма, прежде всего воинствующего, то его исключительность проявляется в активном отрицании каких бы то ни было религиозных представлений. Остается признать: упрек, который любят бросать в лицо христианам их противники, в той же степени относится к ним самим.

Вопрос, таким образом, не в том, является ли та или иная система мировоззрения — теистическая, атеистическая, пантеистическая или иная — эксклюзивным носителем истины (этот вопрос решается адептами каждой из них положительно), а в том, насколько истинны их интерпретации четырех важнейших проблем человеческого существования: происхождения жизни, ее смысла, источника нравственности и смерти. Состоятельна ли эта интерпретация с точки зрения логики, эмпирики и личного опыта? Проходит ли она тест на неотрицаемость и неподтверждаемость? Требуется соблюдение и других условий: решения названных проблем должны соотноситься с реальностью, и решаться проблемы должны комплексно.

На основании сказанного можно сформулировать следующий принцип: *истина абсолютна, и не может быть иной по определению*. Именно на абсолютной и исключительной истинности Своих слов настаивал Иисус Христос во время Своего земного служения. Мы не находим у Него ни одного высказывания о возможной относительности проповедуемых Им принципов. Вопрос, следовательно, в другом: выдерживают ли Его высказывания проверку на истинность? Однако, перед тем, как перейти непосредственно к разрешению поставленного вопроса, позвольте привести пример из личного опыта в подтверждение моих выкладок относительно абсолютного характера истины.

И то и другое

Несколько лет назад мне довелось выступать с серией лекций о христианском вероучении перед аудиторией в Соединенных Штатах. Так случилось, что среди моих слушателей оказался университетский преподаватель философии, который сразу после лекции выступил с резкой критикой моих взглядов. Должен признаться, что ситуация выглядела бы безобидно, если бы со стороны моего антагониста не присутствовало сильное и отнюдь не скрываемое раздражение. Уходя с кафедры, он во всеуслышание предложил мне выступить на следующий день с рассказом на тему "Почему я не индус". В его словах прозвучал намек на мое своего рода религиозное дезертирство. Любопытно, что сам он, белый американец, признал себя адептом мистического восточного мировоззрения. Это, впрочем, не ассоциировалось у него с дезертирством. Я предложил вернуться к обсуждаемой теме. Мой противник, однако, не желал уступать: "Выступите на эту тему, а я приведу сюда своих студентов и они камнями на камне не оставят от ваших аргументов!" — запальчиво проговорил он. В его полемическом задоре становилось все больше огня, и, видя людей, собирающихся вокруг нас в предвкушении гладиаторского боя двух философов, я предложил следующее. Почему бы ему не привести своих воспитанников на лекцию, где я буду рассказывать о своих христианских взглядах? "В конце концов, — добавил я, — из нее будет понятно и то, почему я не индус". Он согласился.

В назначенный день он действительно явился в зал с несколькими учениками. Посматривая на него с кафедры, я отмечал, что оппонент нервничает. Возможно, этому способствовала выбранная мной тактика: в ходе лекции я уделял особое внимание фундаментальным законам логики и понятию реальности, что крайне противоречиво осмысляется в индийской философии. Сначала я обосновал закон непротиворечивости, в соответствии с которым никакое утверждение, содержащее в себе неразрешимое противоречие, не может являться истинным. Потом я перешел к критике многочисленных положений индуизма, противоречивость которых не отрицается даже сторонниками этого вероучения. В таком случае, сделал я вывод, если закон непротиворечивости верен, индуизм является ложной системой. До сегодняшнего дня индуизм существует между двумя противоположными полюсами — теизмом (вера в личностное божество) и монизмом (вера в безличностную сверхъестественную реальность). Это приводит к тому, что все большее число индусов склонно видеть в индуизме не религию, а особую культуру; в противном случае, им сложно объяснить его противоречия.

Представьте, что вы повстречались со мной и моей женой на улице и говорите: "Здравствуйте, мистер и миссис Захариас. Слышал, вы ожидаете пополнения в семье?" Если в ответ на поставленный вопрос я отвечу "да", а моя жена "нет", это будет классическое противоречивое утверждение. Вы можете попытаться разрешить его — предположив, к примеру, что со мной не миссис Захариас или что она еще не поделилась со мной радостным известием — но если ни одно из ваших предположений не окажется верным, то наш ответ является ложным, поскольку содержит внутреннее противоречие. Закон непротиворечивости — это главный закон логики, на основании которого мы судим об истинности, но, как ни странно, именно его намеревался оспорить мой оппонент.

В конце лекции он бросил мне в лицо следующее обвинение: "Вы критикуете восточную философию потому, что не понимаете восточное сознание!" После тех слов даже его ученики невольно заулыбались — очень уж забавно слышать это из уст стопроцентного американца по отношению к индийцу. Не желая направлять разговор в комическое русло, я предложил встретиться с ним за обедом, чтобы обсудить наши разногласия в более подходящей обстановке.

Когда мы встретились на следующий день, он сразу перешел к делу: "Главная проблема в том, что вы не понимаете логики восточного человека", — повторил он свой

вчерашний тезис. "В таком случае объясните мне", — предложил я. Он согласился и объявил, что существует два типа логики — черно-белая ("либо/либо") и диалектическая ("и то, и другое"). В черно-белой логике центральное место занимает понятие противоречия, в соответствии с которым можно сказать, что если одно утверждение истинно, то противоположное ему должно быть ложным. С этим я согласился. Кроме того, продолжил преподаватель, именно черно-белая логика свойственна западному мышлению. С этим я уже согласиться не мог. "Напротив этого пункта я не стал бы ставить плюс", — сказал я, имея в виду конспект, по которому он вел со мной беседу. Я знал, что рано или поздно он будет вынужден отказаться от этого положения.

Затем он перешел к диалектическому методу познания, основанному на совмещении противоположностей. Гегель воспользовался им, чтобы выдвинуть идею единства противоположностей (тезис + антитезис = синтез); Маркс на его основе создал теорию бесклассового общества, к которому движется современное общество, разделенное на работодателей и работников. (Как известно, бесклассовое общество, несмотря на множество попыток, так и не удалось создать.) Затем мой друг-философ довольно долго пытался доказать, что именно диалектический метод является предпочтительным в деле установления истины.

"Итак, д-р Захариас, — сказал он в заключение, — если один индуист утверждает, что Бог личностен, а другой, что он — безличностен, это не должно нас смущать. А смущать нас должно то, что вы, будучи восточным человеком, судите о том, что вам близко и знакомо, как житель Запада. Вы находите в индуизме противоречия, но они существуют в нем только с точки зрения западного сознания".

Мой оппонент был отчасти прав. В восточном мистицизме действительно существует тенденция примирять все религиозные воззрения как отражающие разные стороны некой великой истины. Так, известный индусский философ д-р Радхакришнан, бывший одно время президентом Индии, утверждает, что можно исповедовать ислам, христианство или буддизм, а то и просто не верить в Бога, и оставаться при этом индусом. Но не следует преувеличивать значения таких заявлений. Индуизм — эксклюзивная система представлений, которая не может, оставаясь самой собой, раствориться в исламе или христианстве. Сам Радхакришнан не раз признавался, что "слишком широко раскрыл объятия" для других мировоззрений, и что это может нанести индуизму непоправимый вред.

К тому же, популярный индуизм совсем не то же самое, что классический. В рамках последнего идеи дебатировались по методу Сократа, то есть на основе признания противоречия. Так великий индусский философ Шанкра предлагал своим оппонентам опровергнуть его утверждения, а если они не могли этого сделать, то должны были признать себя побежденными.

Утверждение может быть непротиворечивым, но ложным, например: по дороге едет красная машина. В самом утверждении нет ничего противоречивого, но оно все-таки ложное (дорога пуста). С другой стороны, если утверждение неразрешимо противоречивое — как, например, выражение "квадратный круг", — то оно не может быть истинным. Именно на этом соображении основывается моя уверенность в ложности атеизма: безбожие, как философская система, исполнено неразрешимых противоречий.

Нам предстоит исследовать утверждения Иисуса Христа на предмет истинности. Но перед этим я хотел бы напомнить: это не просто проверка отвлеченной философской системы; результат ее, если он окажется положительным, призван кардинальным образом повлиять на мировоззрение человека.

Глава 13. Человечество перед выбором

Приступая к исследованию основополагающих христианских доктрин, давайте, прежде всего, обратимся к учению о человеке, а конкретнее, о человеческой природе. Оно во многом определяет своеобразие христианства и отличает его от других мировых религий. Понимание человеческой природы находит свое отражение в организации общества. Чтобы убедиться в этом, обратимся ко взглядам на человеческую природу таких видных философов, как Руссо и Паскаль. Мы убедимся, что они приходят к диаметрально противоположным результатам.

Мастер ораторских эффектов и парадоксальных изречений, Жан-Жак Руссо открывает свое знаменитое произведение "Общественный договор" следующими словами: "Человек рождается свободным, но всегда пребывает в оковах". Руссо считает человека по природе добрым, но не видит торжества этого добра в жизни. Такое понимание человеческой природы привело Руссо к выдвижению идеи создания идеального государства через раскрытие природной человеческой доброты. Одновременно, философ предлагал активно преображать природу. Его ожиданиям, однако, не суждено было сбыться, и причина этого проста: Руссо ошибся в исходном постулате. Подобно тому, как мечты поэтов-романтиков начала XIX о "возрождении человека" разбились о суровую реальность Наполеоновских войн, так и все попытки создать общество, основанное на "природной доброте", провалились.

Блез Паскаль, напротив, трезво оценивая природные данные человека, писал по поводу чрезмерного оптимизма гуманистов:

"Напрасно человек надеется найти лекарство от всех несчастий в самом себе! Знания должны открыть, что не в нас источник добра и истины. Философам не ведомо, что такое истинное добро и какова истинная природа человека. Как же могли они избавить нас от болезни, которой сами не понимают? Главный наш недуг — гордость, отделяющая нас от Бога, и чувственность, приковывающая нас к земле. Если философы и говорили о Боге, то только затем, чтобы польстить человеческой гордости, чтобы мы думали, что являемся Его отражением. Другие же убеждали, что человек подобен зверю и ему надлежит искать добра в похоти — уделе диких животных".

Кто же прав — Руссо или Паскаль? Какова человеческая природа на самом деле? Иисус учил, что человек склонен к губительному своеволию. Руководствуясь только своей волей и не признавая божественного авторитета, человек неизбежно восстает против миропорядка и в конце концов оказывается в трясине греха.

Любое действие начинается с волеизъявления, и если воля зла, добра не жди. Учение Христа о человеческой греховности все чаще отрицается как "догма, мешающая реализации человека". И все-таки именно в пользу библейского взгляда на сущность человека свидетельствуют изложенные ниже анекдоты.

Австралия, как известно, была местом ссылки английских преступников. Часто этим объясняют незавидное состояние современного австралийского общества. О недобросовестности и скрытности австралийцев рассказывают немало анекдотов, например следующий:

Два австралийца появляются у врат рая, чем немало удивляют ангела-привратника: уж кого-кого, а австралийцев он никак не ожидал увидеть! Попросив их подождать, ангел направляется за советом к апостолу Петру — впускать ли вновь прибывших или нет. Апостол Петр решает сам побеседовать с пришедшими. Однако, возвратившись вместе с

ангелом ко входу, он уже не застаёт там австралийцев — равно как и золотых райских врат!

Из анекдота видно, что люди осознают свою природную греховность, несмотря на то, что иные философы ее отрицают. Ослепленные достижениями технического прогресса, мы готовы поверить во всемогущество человека и объявить истину о грехопадении вымыслом, но сама жизнь — языком газетных заголовков, журнальных статей и, как это ни странно, анекдотов — опровергает нас.

Второй анекдот мне нравится еще больше первого. Его герои — два брата-бизнесмена, которые придерживаются в деловых отношениях только одного принципа: зарабатывать деньги любой ценой. В своем городе братья были известны как отъявленные мошенники. Но тем не менее, им удалось преуспеть в делах и скопить немалое состояние. И вот один из братьев внезапно умер. Оставшийся в живых брат сказал священнослужителю: *"Я вам отлично заплачу, но вы должны оказать мне небольшую услугу. Я хочу, чтобы в своем прощальном слове вы назвали его святым"*. Будучи прагматиком и нуждаясь в деньгах для ремонта здания церкви, служитель согласился.

На похороны пришли многочисленные "партнеры" покойного по бизнесу, то есть люди, которых братья не раз обманывали и обкрадывали. Не догадываясь о заключенной сделке, пришедшие искренне надеялись, что хотя бы теперь, перед лицом смерти, правда о покойном прозвучит во всеуслышание. И вот служитель обращается к собравшимся:

"Человек, лежащий перед нами в гробу, был отъявленным негодяем, — говорит он. — Он лгал, крал, подкупал и обманывал — и все без малейшего зазрения совести. Ему многие обязаны крушением надежды и разорением. Думаю, большинство из присутствующих здесь знают об этом не понаслышке. Одним словом, покойный запятнал себя всеми мыслимыми и немыслимыми грехами. Однако по сравнению со своим братом, он был святым".

Я "опробовал" этот анекдот на конференции в Амстердаме, где присутствовало более 10000 человек со всех уголков земного шара. Должен признаться, что реакция у всех делегатов была одинаковой: они от души смеялись. Над чем же смеются люди, когда слышат такие анекдоты? Лишь отчасти над их персонажами, а в основном — над самими собой, ибо, с одной стороны, мы все хотим преувеличить свою святость, а с другой, осознаем (хотя бы в глубине души) собственную греховность.

Библейское значение слова "грех" шире современного. По-гречески слово "грех" означает не просто "нарушение запрета", но буквально "промах, попадание мимо цели". Мимо какой цели промахивается человек? Человек попадает мимо своего предназначения, мимо святости, предписанной ему от сотворения мира Богом.

В связи с темой греховности мне всегда вспоминается поразительная исповедь Малькольма Маггериджа, часто упоминаемого мной на страницах этой книги. Находясь по журналистским делам в Индии, он однажды вечером вышел искупаться в реке. Спустившись к воде, Малькольм заметил, что у противоположного берега купается женщина из соседней деревни. В тот же миг его словно пронзило искушение. До сих пор на протяжении всей жизни ему как-то удавалось подавлять соблазны и сохранять верность жене, но в этот раз он был побежден. Бросившись в воду, Малькольм стал яростно работать руками, словно пытаясь уплыть от собственной совести. Чем ближе он был к женщине, тем больше наводняли его ум видения запретных наслаждений... Однако оказавшись от женщины в нескольких метрах, Малькольм пережил такой шок, который вмиг развеял все его сластолюбивые мечтания. "Это была отвратительная старуха... с обвисшей морщинистой кожей, хуже того, со струпьями проказы по всему телу... Это существо улыбнулось мне, обнажив беззубый рот". Содрогнувшись, Малькольм

пробормотал: "Что за мерзкая прокаженная!", и тут же его осенила мысль: нет, не женщина страдала проказой, а его, Малькольма Маггериджа, сердце.

Учение о греховности человеческой природы — одно из главных учений Христа. В истинности его не так уж трудно убедиться. Если внимательно взглядеться в свое сердце, то можно увидеть там и зависть, и злобу, и всевозможные похоти. Греховность — не просто минутная слабость человека, но состояние его сердца, с которым он вынужден постоянно бороться. Священное Писание называет это качество человека "греховностью плоти".

Догмат о грехе многие хотели бы предать забвению, и это неудивительно. Он не позволяет человеку пребывать в состоянии сладкого заблуждения относительно себя, призывает его к покаянию. Отказ от этого догмата означает отказ от единственно правильного ответа на многие загадки современности. Например, недавно мне попала в руки статья о Холокосте, автор которой — весьма авторитетный историк. Ее содержание показалось мне очень характерным: в качестве объяснения геноцида еврейского народа выдвигались многочисленные теории: неэффективность германской экономики, несправедливость Версальского договора, приход к власти всемогущего демагога... Но ни слова ни говорилось об испорченности человеческого сердца, ставшей подлинной причиной преступлений, не объяснимых иными способами. Г. Честертон однажды сказал, что есть только одно положение тела, при котором человек твердо стоит на ногах, во всех других он падает. Если мы, как цивилизация, не вернемся к учению о человеческой греховности, то не сможем обрести единственное "правильное положение". Необходимо помнить, что социальная несправедливость, нищета и болезни — не худшее из последствий греха. Куда страшнее, по учению Христа, оскудение любви, утрата идеалов, порабощение духа плотским началом.

Если христианская концепция греха по-прежнему кажется вам неубедительной, и вы, в духе современных теорий, не видите необходимости ограничивать человеческую свободу, предлагаю вам мнение профессора Хобарда Моурера, бывшего президента Американской Ассоциации Психологов, преподавателя крупнейших университетов мира:

"На протяжении нескольких десятилетий мы, психологи, считали проблему греха и моральной ответственности своего рода пережитком прошлого, и видели в освобождении человека от власти этих понятий свое предназначение. Но в дальнейшем обнаружилось, что понимание греха как болезни и, следовательно, снятие с человека ответственности за него, наносит вред личности. "Свободный" от совести человек утрачивает ощущение своего "я", причем на самом глубинном уровне. Мы, наконец, должны осознать то первостепенное значение, которое имеет моральная ответственность для психического здоровья человека".

Подобное признание из уст человека, меньше всего желавшего, чтобы его заподозрили в симпатиях к христианству, заставляет задуматься. Нравственность действительно играет важнейшую роль как в жизни отдельного человека, так и целого общества. Пренебрежение ею приводит к отчуждению от Бога, ближнего, а нередко и от самого себя.

Всеобщий предрассудок

Выводы, которые общество должно сделать из христианского учения о грехе, многочисленны. В частности, оно может помочь обществу в решении одной из самых наболевших проблем — проблемы расизма и национализма.

Принято считать, что расизм — это сугубо американская болезнь, и отчасти это верно: Америка действительно жестоко страдает от этого недуга. Однако куда бы мы ни

бросили взгляд — на Европу, Африку или Азию, мы видим, что в основе большинства конфликтов лежит национальная или расовая неприязнь. Например, в Индии, где терпимость ко всему и вся возводится в принцип, тем не менее, существует давняя и прочная вражда между южанами и северянами. Одна из ее причин — различие в цвете кожи.

Однажды на своей пресс-конференции негритянский теннисист Артур Эш, зараженный вирусом СПИДа, признался:

"Как ни ужасно носить в себе смертельный вирус, это ничто по сравнению с теми унижениями, которые мне довелось пережить из-за цвета кожи".

Задумайтесь над трагичностью этих слов! Человек признается, что медленное умирание для него не страшнее отношения к нему людей!

Проблема национализма уходит корнями в далекое прошлое. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить евангельский рассказ о встрече Христа и самарянки у колодца Иакова. Христос обратился с просьбой к женщине, принадлежавшей к "нечистому" племени, с представителями которого у израильтян считалось недопустимым даже есть за одним столом. Одним этим Спаситель вернул бедной женщине чувство собственного достоинства и расположил ее к Себе. Можно предположить, что изменилось и отношение женщины к израильтянам в целом, то есть был преодолен разделявший народы барьер. Но если преодоление и произошло, то только благодаря примирению женщины со Христом, истинным Богом. Это указывает единственный верный путь преодоления вражды между людьми: через примирение всех с Богом.

Мы же, напротив, предпринимаем усилия в противоположном направлении — пытаемся примирить людей вне Бога. И чем можем мы похвастать? Разве удалось искоренить всевозможные предрассудки, разве остановили мы бесчисленные конфликты? Мы надеемся достичь мира и благоденствия с помощью мудрых законов, но они "не работают", и это неслучайно. Законы рассчитаны на "доброе" человека, а человек склонен к греху, и если не учитывать этого, то не стоит рассчитывать на успех. Победить грех без помощи Бога невозможно. Только Он в силах исцелить человеческое сердце от пороков.

Врожденное достоинство

Является ли человеческое достоинство чем-то относительным или оно имеет непреходящую ценность? Христианское учение отвечает на этот вопрос однозначно: человек от рождения наделен достоинством, отнять которое у него не может никто и ничто. На чем оно основано? На том обстоятельстве, что человек был создан Богом по Своему образу и подобию. Это придает каждому человеческому существу особую ценность — независимо от расы и пола. В этом нельзя не увидеть твердое основание для преодоления расизма и национализма. Атеизм, напротив, не предоставляет такого основания, ибо не видит в человеке Божьего образа.

Известно, что грех отчасти исказил образ Божий в человеке. Восстановить человеческое достоинство можно только посредством борьбы с грехом. Но, как мы знаем, далеко не все желают "этого". Отсюда и слова Христа: "Но вы не хотите придти ко Мне, чтобы иметь жизнь" (Ин. 5:40). Мы находимся в отчаянном положении (Мк. 7:21), но выход из него — не через улучшение экономики или социальных отношений. Он — в возвращении к Богу и в победе над грехами, свившими гнездо в нашем сердце.

Зеркало без лица

Г. Честертон однажды заметил, что утратить веру в Бога — все равно что посмотреть утром в зеркало и не увидеть собственного отражения. Не имея веры, человек не имеет подлинного мерила своего внутреннего состояния.

Именно таково, по христианскому учению, воздействие греха на человека; он лишает нас представления о нашей истинной природе и нашем предназначении. Позвольте мне пояснить эту важную мысль, которую часто недопонимают.

Несколько лет назад в западной прессе широко освещался судебный процесс над Джоном де'Лореном. Этот молодой человек создал было целую автомобильную империю, но стремительно потерял все, что имел и предстал перед судом по обвинению в торговле наркотиками. Дело против него велось откровенно нечестными средствами. В решающий для суда момент выступил подкупленный свидетель, представивший несколько сфабрикованных улики. Потрясенный де'Лорен был вне себя от гнева.

Внезапно он увидел скрытый смысл происходящего: словно увидев себя со стороны, он понял, что судебный процесс — это точное отражение его внутренней жизни. В одно мгновение перед ним промелькнуло его прошлое, состоявшее из безудержной погони за наживой и из удовлетворения тщеславия. Это осознание стало первым шагом де'Лорена к покаянию перед истинным Богом. Впоследствии вера преобразила его жизнь до неузнаваемости.

Иисус не раз говорил о великом благе, которое несет человеку понимание своей духовной нищеты, испорченности своего сердца. Такой человек смиренно ищет у Бога избавления. И Бог помогает ему, не унижая. Только Бог способен смирить нас, не унижая, и возвысить, не прибегая к лести. Паскаль сказал о добродетели "духовной нищеты": *"Все недостатки человека суть отражение его достоинств"*.

Поразительным образом, то же самое открытие сделал журналист Терри Андерсон, длительное время находившийся в заложниках у ливанских террористов. Общение с похитителями убедило его, что это люди, заслуживающие и ненависти, и презрения. "Тем не менее, — признавался позже журналист, — в них не было ничего такого, чего я не находил бы в себе".

До тех пор, пока мы не осознаем свою "духовную нищету", мы будем пребывать в рабстве куда более страшном, чем просто физическое. Чтобы преодолеть ненависть, от которой погибает современный мир, мы прежде всего должны увидеть ее причину, а она заключается в греховности. Мы созданы по образу и подобию Бога, но грех толкает нас к насилию и ненависти. Исправить положение возможно только через искреннее раскаяние и возвращение к Творцу.

К величию через смирение

Существует библейский рассказ о борьбе Иакова с Богом (Быт. 32), смысл которого часто ускользает даже от внимательного читателя. Вкратце история такова. Иаков, младший сын Исаака, мечтал получить отцовское благословение, по праву первородства принадлежавшее его брату Исаву. Однажды, когда Исав был на охоте, Иаков переделался в верхнюю одежду брата и вошел в палатку к отцу. Старый и почти ослепший Исаак был очень озадачен: перед ним был человек, который говорил голосом Иакова, но во всем остальном напоминал Исаву. Чтобы убедить отца в том, что он — Исав, Иаков предложил ему отведать свежеприготовленной дичи, какую всегда приносил с охоты Исав. Это убедило старика, и он произнес над Иаковом благословение, как над первородным. Гнев брата, когда тот узнал о случившемся, заставил Иакова покинуть родные края и провести много лет в изгнании. Наконец, по прошествии долгого времени, он отважился вернуться на родину, надеясь, что гнев брата утих.

И вот наступил вечер накануне встречи Иакова с Исавом. Полный тревожных предчувствий, Иаков принял единственно правильное решение: склонился пред Господом в молитве. Всю ночь он молил Господа о благословении: "Не отпущу Тебя, пока не благословишь меня" (Быт 32:26). То был крик о помощи отчаявшегося человека, в страхе ожидавшего завтрашнего дня.

Бог ответил Иакову неожиданно: "Как имя твое?" Станный, казалось бы, вопрос из уст всеведущего Бога. Неужели Господь даже не упрекнет Иакова за совершенный обман? Но этот простой вопрос достиг цели куда лучше упреков. Можно сказать, что благодаря ему изменился ход всей ветхозаветной истории. Своим вопросом Господь вернул Иакова на много лет назад, когда тот солгал, стоя у постели престарелого отца. "Я — Исав", — слукавил Иаков перед земным отцом. Слукавит ли он теперь, после стольких лет заслуженных скитаний, пред Отцом Небесным? Хорошо понимая скрытый смысл вопроса и значительность минуты, Иаков нашел в себе силы исправить ошибку: "Я — Иаков", — произнес он. "Ты истину сказал — ответил Бог, — и тебе известно, что означает это имя. Много лет оно заставляло тебя скитаться и лгать, но теперь, когда ты нашел силы открыть свое истинное лицо, Я могу изменить тебя. Ты станешь отцом великого народа".

Подлинному человеческому величию всегда предшествует смирение перед Богом. Тщеславие, наоборот, отчуждает нас от самих себя и друг от друга. Понимание своей духовной нищеты есть начало всякой подлинной целеустремленности и твердого характера.

В заключении хочу напомнить, что христианское описание человеческого сердца подтверждено историческим опытом; несогласие с этим учением вызвано ложным пониманием реальности и порождает враждебное отношение людей друг к другу. Между тем, изменить свое греховное состояние самому человеку не под силу. Это возможно только совместными усилиями Бога и человека, принявшего Христа как своего Спасителя. На вопрос, прозвучавший в заголовке лондонской газеты "В чем беда нашего мира?" Г. Честертон ответил следующей запиской: *"Эта беда — я сам. С уважением, Г. Честертон"*. Действительно, наша греховность является главной бедой на Земле.

Глава 14. Пробный камень философии

Второй пункт моей апологетики христианства посвящен философской стороне этого вероучения. Я намереваюсь показать, что только учение Христа способно последовательно решить важнейшую философскую задачу объединения разрозненных фактов бытия в единую систему, то есть обнаружить *единство в разнообразии*.

С древнейших времен философов занимала проблема систематизации знаний о мире. Из увлечения этим занятием, собственно и родилась в Древней Греции философия. С древнейших времен люди пытались объяснить разнообразные природные явления. Что объединяло минеральный, растительный и животный миры? Сначала полагали, что это вода, но впоследствии выделили еще три основополагающих элемента — землю, воздух и огонь. Отголоски философских поисков мы находим в современном языке и культуре.

Например, слово *квинтэссенция* буквально означает "пятый элемент" — то есть тот самый, который обеспечивает единство четырех других. А слово университет состоит из латинских корней *унум* — "один, единство" и *версум* — "разнообразие", и означает не что иное, как "поиск единства в разнообразии". То есть изначальной задачей университетского образования была *систематизация* знаний о мире по единому принципу. С переходом высшей школы на атеистические позиции она в значительной степени утратила универсальность преподаваемых ею знаний, и сегодня университетские дисциплины имеют в лучшем случае "дальнее родство", но не рассматривают мир, как взаимосвязанное целое. Получается, что университеты утратили право на свое название.

Сегодня и теисты, и атеисты сходятся в том, что различия объективно существуют, а единство является предметом поиска. Возникает вопрос: как возникло разнообразие и на чем можно основать искомое единство?

Атеистическая эволюционная теория затрудняется объяснить переход, совершившийся от однородного исходного биоматериала к современному многообразию видов. Единство в разнообразии присуще не только миру природы. Один и тот же человек характеризуется по проявлениям личностных качеств, общению и любви. Эти категории неотделимы одна от другой, и поэтому справедливо утверждение о том, что они представляют собой единство в разнообразии. Логическое объяснение этого феномена возможно исключительно в рамках христианской веры, ибо только она выводит наблюдаемое единство в разнообразии непосредственно из Святой Троицы — Единого Бога. Еще до сотворения человека в Святой Троице уже присутствовали личностное начало, общение и любовь. Важно отметить у каждого Божественного Лица особую роль, которая, тем не менее, не противоречит равенству Отца, Сына и Святого Духа. Таким образом, молитвенные размышления о Святой Троице помогают пониманию единства в разнообразии и могли бы разрешить глубокие противоречия между расами, нациями и полами.

Святая Троица должна служить образцом для общества, желающего примирить индивидуальное с общим, а не противопоставлять их. Основой такого примирения может быть только любовь членов общества друг к другу. В случае Святой Троицы мы имеем пример совершенной любви, и в этом смысле взаимоотношения между Божественными Лицами остаются для нас, людей, недостижимым идеалом, однако стремиться к нему все равно необходимо.

В связи со Святой Троицей возникает следующий вопрос: а возможно ли такое единство, при котором полностью сохраняется индивидуальность каждого из участников? Ответ на него чрезвычайно важен. К. Льюис говорил, что Троица — это либо самая дерзкая из выдумок первых учеников, либо глубочайшая из тайн, явленных Богом. Кроме того, может ли бесконечное Существо, Которым является Бог, быть Личностью? Вот как сам К. Льюис отвечает на эти вопросы:

"Многие сегодня говорят: "Я верю в Бога, но не как в Личность". Люди чувствуют, что таинственное Нечто, превосходящее все прочее в этом мире, не может быть просто Личностью. Нужно сказать, что христиане вполне согласны с этим. Однако только христиане предлагают концепцию Существа, превосходящего рамки личности. Все остальные, кто утверждает, что Бог больше чем личность, на самом деле считают Его безличным, то есть не личностью. Если вы хотите увидеть в Боге нечто большее, чем личность, вам не придется выбирать между христианством и другими религиями. У христианства в этом смысле просто нет конкурентов.

Нам известно, что в пространстве можно двигаться в трех направлениях — влево и вправо, назад и вперед, вверх и вниз. Любое направление является либо одним из перечисленных, либо компромиссным вариантом между ними. Мы называем эти три направления измерениями. Теперь обратите внимание на следующее. Если пользоваться одним измерением, можно нарисовать только прямую линию. Если пользоваться двумя, можно нарисовать фигуру, скажем, квадрат. Квадрат состоит из четырех прямых линий. Если у вас в распоряжении три измерения, то можно построить так называемое геометрическое тело, например, куб. Куб состоит из шести квадратов.

Вы понимаете, что я хочу сказать? Одномерный мир был бы миром прямых линий. В двумерном мире вы по-прежнему оперируете линиями, но они складываются в фигуру. В трехмерном мире у вас есть фигуры и они составляют тело. Другими словами, переходя с более простого уровня на более сложный, вы не лишаетесь простых составляющих; вы просто получаете возможность по-новому их комбинировать."

В этих словах намечен, как мне кажется, верный путь к пониманию Святой Троицы. С одной стороны, Бог сохраняет принципиальное родство с людьми, а с другой бесконечно превосходит их. Также и свет, образованный электромагнитными волнами и частицами, представляя новую, отличную от них сущность, одновременно сохраняет волновую и корпускулярную природу.

Учение о Святой Троице имеет социальное значение, которое трудно переоценить. Благодаря ему мы получаем представление об идеальном общении Личностей, имеющих индивидуальные различия, но пребывающих в единстве и любви.

Коль скоро проблема единства в разнообразии охватывает все стороны жизни, предлагаю посмотреть, как она решается на индивидуальном уровне, когда проявляются различные желания при одновременном стремлении к единству цели.

Единство цели проявляется в поклонении

Одно из главных желаний человеческого сердца — поклонение Творцу. Однако многочисленные соблазны уводят людей в сторону от истинного Бога. Религиозное чувство неистребимо в человеке. В той или иной форме оно проявляется в любом обществе. Верующие поклоняются истинному Богу или божествам; атеисты поклоняются своим лидерам или творят кумиров из собственных желаний. Для одних людей священны Библия, Коран или Веды, для других — произведения классиков марксизма-ленинизма или труды Дарвина. Так или иначе, поиск некоего высшего начала неоспорим.

Зная эту человеческую потребность, Иисус призвал к поклонению не только в духе, но и в истине. В противном случае, духовный поиск способен привести человека к тяжелейшим предрассудкам и идолопоклонству. Поклонение в отрыве от истины ничего не значит, ибо в отрыве от истины оно не достигает адресата — Бога. Следовательно, возникает необходимость определить, что является истинным поклонением. Во-первых, истинное поклонение должно быть направлено истинному Богу; во-вторых, оно должно быть искренним, а не показным.

Поклонение упорядочивает внутреннюю жизнь человека, создает гармоничное единство между личностью и обществом. Архиепископ Уильям Темпл сказал о поклонении:

"Поклонение — это подчинение всего нашего существа Богу. Через него святость Бога становится назиданием человеческой совести, ум насыщается Его истиной, а воображение — Его красотой; сердца наполняются Его любовью, и воля подчиняется Его желанию. Все это вместе — величайшая из радостей, доступных человеку".

Личность обычно стремится к внутренней целостности и четкому осознанию цели. Поэтому истинное поклонение обязательно вовлекает всего человека: его волю, совесть и разум, проявляется в подчинении всех сфер человеческой жизни высшему идеалу добра. Благодаря этому разрозненные и подчас противоречивые человеческие устремления обретают необходимое единство. Это единство цели придает жизни смысл.

Огненные колесницы

Английский художественный фильм "Огненные колесницы" рассказывает об увлекательном противоборстве двух бегунов во время Олимпиады 1924 года во Франции. Оба стремились к успеху, но при этом преследовали диаметрально противоположные цели. Гарольд Абрахамс стремился победить ради самоутверждения, а Эрик Лидделл, ревностный шотландский христианин, стремился к совершенству "для Бога".

В одном из эпизодов фильма подруга спрашивает Абрахамса о том, как он поступит в случае поражения. "Не знаю, — отвечает бегун. — Я еще никогда не проигрывал". Перед нами предстает человек, одержимый страстью к победе, для которого быть первым, собственно, и означает — жить. Забег должен стать своеобразным "моментом истины", и либо оправдать целеустремленность Абрахамса, либо напрочь перечеркнуть его прошлое, настоящее и будущее. Именно поэтому так поражают слова, с которыми он обращается к тренеру перед забегом: "Знаете, — признается он, — я долго боялся проиграть. А теперь я боюсь выиграть. В моем распоряжении всего десять секунд, чтобы оправдать свое существование, но я не уверен, что смогу его оправдать, даже если выиграю забег". Удивительное признание! Слава, добытая "для себя" не доставляет человеку подлинного удовлетворения.

В другом эпизоде сестра упрекает Эрика Лидделла за, как ей кажется, чрезмерное увлечение спортом. Чрезмерное оно потому, что отнимает время от служения Богу. Ответ Эрика выявляет глубокое единство его целей, их подчиненность высшему идеалу: "Дженни, — обращается он к сестре, — Бог создал меня для того, чтобы я стал миссионером в Китае. Но Он также дал мне талант бегуна. И когда я бегу, я чувствую Его радость". Лидделл видел в беге способ поклонения Творцу.

За отношением Абрахамса и Лидделла к любимому делу стоят два диаметрально противоположных мировоззрения. И награды, которые они стяжают на своем пути к победе, совершенно разные. Устремляясь за личной славой, человек движется от радости победы к внутренней опустошенности, ибо никакая победа не может полностью удовлетворить его духовных потребностей. В лучшем случае, она позволяет поставить более высокую цель. Это, если хотите, объясняется даже физиологическими особенностями нашего организма. Исследования выявили, что в момент восторга выделяются особые адреналиноподобные вещества, оказывающие на организм воздействие, близкое к наркотическому. Человек становится "пьяным от счастья", но при возврате к нормальному состоянию, по контрасту, возникает чувство подавленности и желание снова вызвать эйфорию. Таким образом, человек, живущий от одной эмоциональной встряски до другой, довольно быстро теряет способность довольствоваться обычным течением жизни.

Абрахамс завоевал золотую медаль в забеге на сто метров и ушел с дорожки под бурные аплодисменты зрителей. Но в его душе пьянящий восторг от победы быстро сменился скукой рутинной жизни. Эрик Лидделл в свою очередь выиграл четырехсотметровый забег и после Олимпиады отправился миссионером в Китай. С собой он увез золотую медаль и неувядающую радость.

Этим я отнюдь не хочу преуменьшить радость от победы; хочу только указать на то, что жизнь может быть невыносимо скучна, несмотря на высокие достижения.

Поверх барьеров

Остается еще один чрезвычайно важный аспект проблемы единства в разнообразии, а именно — социальный. Каким образом сущность человеческой души может отражаться в жизни общества? Сегодня мы повсюду слышим о "культурных стереотипах", соблюдение которых, якобы, является залогом мирного сосуществования. Однако, как быть с противоречащими друг другу стереотипами? Как быть с тем обстоятельством, что нормы поведения заметно варьируются даже внутри одной культурной общности? На каком основании человек может принимать правильные поведенческие решения в этом случае?

Только на основании правильно понимаемого поклонения. С точки зрения христианства, истинное поклонение — это не просто посещение церкви в воскресный день или участие в богослужении. Истинное поклонение — это ежедневные поступки в духе учения Христа. Христианин должен не столько посещать храм, сколько носить его в своей душе. Виктор Гюго сказал: "Мир сотворен для тела, тело — для души, а душа — для Бога". Траппистский монах Томас Мертон сформулировал эту же мысль иначе: "Человек враждует с другим человеком, ибо не пребывает в мире с самим собой. Он не пребывает в мире с самим собой, ибо не имеет мира с Богом".

Поклонение, понимаемое как всецелое подчинение Богу, способно дать человеку необходимый душевный покой и объединить его разрозненные устремления. Практическое понимание такого подхода очевидно: и спортивные достижения, и добросовестность на работе, и любовные взаимоотношения в семье — все это может быть способом поклонения Творцу. Именно это имел в виду Иисус, когда сказал: "Истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе" (Ин. 4:23). Апостол Павел выразил ту же мысль несколько иначе: "Что делаете, все делаете во славу Божию" (1 Кор. 10:31).

Необходимо отметить, что христианская концепция поклонения коренным образом отличается от других — исламской, пантеистической и т. д.

В качестве постскриптума хочу добавить, что атеистическое эволюционное мировоззрение не оказывает человеку ни малейшей поддержки в обретении единства жизненных целей. Атеист, подобно наркоману, обречен всю жизнь искать эйфорического возбуждения от побед, а его поведение в общественной жизни больше напоминает реакцию хамелеона на изменение окружающей среды, чем проявление личностного начала.

Христианское поклонение, напротив, обеспечивает единство многообразных стремлений, объединяет культуры и нации, не уничтожая их различий. Образцом подлинного единства в разнообразии служит Святая Троица.

Глава 15. Средоточие истории

Бегло ознакомившись с учением Христа о человеке, мы можем теперь обратиться к Его учению об истории.

Понимание истории зависит, прежде всего, от нашего мировоззрения. Экзистенциалист видит в истории только настоящее, только "сейчас". Главное для него — сделать правильный выбор в экстремальной ситуации. С его точки зрения, истина субъективна и бытие определяет сознание. Оказавшись в этом мире по чистой случайности, человек призван только взять от жизни все, что может. Но следует торопиться, ведь жизнь быстротечна!

Утопист живет будущим и для будущего. Это мечтатель, человек, который видит историю нереалистически, надеется изменить ее ход с помощью недейственных средств. Само понятие *утопия* произошло от названия выдуманной страны Утопии, государства всеобщего благоденствия, описанной известным философом эпохи Возрождения Томасом Мором. Утописты игнорируют суровую реальность существования — греховность человеческой природы — и считают возможным построить "рай на земле". Но, поскольку в настоящем ничего подобного сделать не удастся, их взоры неизменно обращены в будущее. К утопистам, в частности, относятся марксисты, мечтающие об окончательном уничтожении экономического неравенства.

Традиционалист, в отличие от экзистенциалистов и утопистов, видит свой идеал в прошлом. К примеру, еврейский ветхозаветный менталитет был ярко выражено традиционалистического склада. Израильтяне стремились к тому, чтобы их будущее напоминало прошлое. В поддержании традиции они видели залог сохранения мира, национальной идентичности и средство служения Богу.

Таким образом, существует три основных способа восприятия истории: с акцентом на настоящее (экзистенциальное), с акцентом на будущее (утопическое), и с акцентом на прошлое (традиционалистическое).

Незадолго перед распятием Иисус Христос разглядел в душах Своих учеников конфликт, вызванный ошибочным восприятием истории. Ученики, как и все израильтяне, следовали традициям; с другой стороны, они возлагали большие надежды на будущее в связи с Мессией. Между тем, настоящее не давало повода для оптимизма: над их Учителем сгустились тучи, близился час распятия. В этот критический момент Иисус совершил хлебопреломление на Пасху, и тем самым связал воедино историю — прошлое, настоящее и будущее. Апостол Павел пишет об этом событии так:

"Всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию [настоящее] смерть Господню возвещаете [прошлое], доколе Он придет [будущее]" (1 Кор. 11:26).

Для христианина Священное Писание глубоко исторично. Взять, к примеру, ветхозаветных пророков: значительная часть их служения была посвящена объяснению событий прошлого, настоящего и будущего. За сотни лет до рождения Спасителя на земле ими было предсказано место и обстоятельства Его рождения. Одно из величайших пророчеств, до сих пор приводящее в недоумение скептиков своей буквальной точностью, сделано пророком Даниилом. Пророк предсказал пришествие в отдаленном будущем могущественного правителя, который захочет покорить весь мир, и чье появление на исторической сцене, равно как и уход, будут неожиданными. Даниил предсказал, что после смерти этого правителя его царство разделится на четыре части, которые со временем сольются в одну могущественную империю.

Для людей, знакомых с историей, очевидно, что речь в пророчестве идет об Александре Великом, появившемся на свет на два века позже Даниила. Империя Александра после его внезапной смерти, действительно, была разделена между четырьмя

военачальниками. После веков противостояния из этих четырех держав образовалась Римская Империя. Согласитесь, что подобное предсказание трудно объяснить случайным совпадением. Если же добавить к нему сотни других библейских пророчеств, подкрепленных целым комплексом исторических свидетельств, то мы получим апологетику, не знающую себе равных.

Так или иначе, все пророчества обращены к личности Христа, что лишний раз подтверждает центральное положение Его фигуры в истории. За восемьсот лет до самого события, пророк Исайя писал: "Ибо младенец родился нам; Сын дан нам" (Ис. 9:6). Формулировка очевидна не сразу, но при внимательном прочтении — безукоризненна: родился младенец, не Сын. Сын — дан, ибо Он существовал вечно, а превращение в человеческого младенца стало лишь новой формой Его бытия. Перед нами точное предсказание о воплощении Сына Божьего.

Необходимо также иметь в виду, насколько серьезно относились иудеи к дару пророчества: по ветхозаветному закону, если человек ошибался хотя бы в одном из своих пророчеств, его надлежало побить камнями как лжепророка. Пророчества (разумеется, о ближайшем времени), таким образом, проходили строжайшую проверку. Уже одно то обстоятельство, что пророческие книги были признаны каноническими, указывает на высочайшую степень их достоверности.

Итак, Библия изображает Бога как главное действующее Лицо истории, направляющее ее и достигающее воплощения Своего замысла в прошлом, настоящем и будущем. Последнее обстоятельство связывает три плана времени в единую цепь. Именно такое отношение ко времени позволяет истинному христианину надеяться на Бога и не впадать в крайности: не насаждать Царство Божье мечом, не впадать в отчаянье в тяжелый момент настоящего, не обольщаться видимостью земного успеха. Великое утешение знать, что человек — не одинок, и что Бог лично вовлечен в судьбу каждого из нас. Но еще большее — и специфически христианское — утешение верующий черпает в *преодолении* истории, в надежде на воскресение и блаженное пребывание в вечности со Христом.

Человеческая жажда

Альбер Камю однажды сказал, что смерть — единственная проблема философии. Думаю, с этим согласится каждый, кто знает о смерти не понаслышке. Как преодолеть это страшное проклятие, тяготеющее над человеческим родом? Осветив христианское понимание исторического бытия людей, обратимся теперь к теме смерти.

"А если Христос не воскрес... И если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех людей", — писал в начале христианской эры ап. Павел (1 Кор.

15:17-19). Сначала ревностный противник "веры Христовой", Павел пережил знаменитое обращение по дороге в Дамаск и обрел надежду на вечную жизнь. С этого времени тема воскресения стала важнейшей, если не главной, частью его проповеди. И по сей день в Афинах, на Марсовом Поле, стоит камень с высеченными на нем словами, с которыми апостол в первом веке нашей эры обратился к афинянам. Отметим, что этот камень — свидетельство исторического характера, и отмахнуться от него трудно даже самым предвзятым скептикам. Что же услышали от апостола афиняне, знаменитые своей любовью к философии? Нет, не очередные отвлеченные рассуждения, а божественную весть о жизни и смерти. В современном обществе есть две реакции на проблему смерти — показная и сокровенная. Первая нарочито беззаботная, лицемерная, отдающая веселостью висельника, вторая — полная отчаянья и боли. Так или иначе, а тема смерти остается на устах у всех, и двадцатый век развивался под ее знаком. Слово "смерть" присутствует в названиях многих работ Сартра, Камю, Кьеркегора, Ясперса. Зигмунд Фрейд в одном из

своих трудов со свойственной ему тонкой иронией вскрыл двойственное — шизофреническое — отношение к смерти, присущее современному обществу:

"Война положила конец нашему прежнему отношению к смерти. Прежнее отношение было неискренним. Если нас слушали, мы, разумеется, с готовностью объявляли, что смерть — это неизбежная часть жизни, что смерть есть наш долг природе, и что отдать его придется — одним словом, что смерть естественна, неоспорима и неизбежна. В действительности же мы вели себя так, словно все обстоит иначе. Мы неизменно загоняли тему смерти в угол, пытались отгородиться от нее в течение жизни. В глубине души никто не верит в собственную смерть. Что же до смерти других людей, то о ней интеллигентный человек предпочитает не говорить в присутствии обреченного. Только дети не соблюдают этого правила... Мы с такой регулярностью подчеркиваем случайный характер смерти — "болезнь, несчастный случай, обстоятельства", — что невольно выдаем свое желание свести неизбежность к случайности".

Фрейд совершенно верно подмечает раздвоенность человеческого сознания, только усиленную научно-техническим прогрессом, когда люди стремятся уйти от смерти, но не могут этого сделать, и поэтому игнорируют саму проблему. Однако спасет ли страуса зарывание головы в песок? Не лучше ли, пока не поздно, посмотреть фактам в лицо и попытаться в самом деле преодолеть смерть? Если так, то мы должны обратить свои взоры к Иисусу Христу. Он, объявив Себя не просто истиной, но и жизнью, предложил человечеству шанс на бессмертие. Его крестная смерть и воскресение стали главными вехами на дороге, ведущей в вечность.

Надежда и ее обоснование

Существует два вопроса, которые можно задать в связи с воскресением Христа: "Действительно ли оно состоялось?" и "Какое это имеет значение?"

Что касается первого, то следует сказать, что ни одно событие мировой истории не подвергалось столь тщательной проверке и, одновременно, столь сильному сомнению. Одно это, на мой взгляд, говорит о значимости воскресения. Меня всегда удивляло рвение, с каким ученые умы пытаются отрицать факт воскресения, надеясь представить его плодом фантазии или заблуждением. При этом совершенно без внимания остается проблема историчности Кришны, Будды или пророка Мухаммеда.

Обостренный интерес к проблеме воскресения не исчезнет до тех пор, пока в мире существует смерть. Однако среди историков едва ли не признаком хорошего тона считается не верить в таинство воскресения. "Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда", — утверждают скептики, не затрудняя себя какими-либо научными обоснованиями. С таким явно предвзятым отношением спорит профессор Джон Мак-Кворри:

"На каком основании скептики отрицают историчность воскресения? Единственный способ оценить реальность того или иного исторического события — это рассмотреть исторические свидетельства в его пользу, а исходить из отвлеченных постулатов не имеет смысла. Скептики не изучают конкретные исторические доказательства воскресения, и заведомо полагают, что оно — миф".

Таков подход к вопросу о воскресении у атеистической науки. Если же действовать непредвзято и в соответствии с правилами исторической науки, то совершенно очевидно, что Новый Завет представляет собой не что иное, как надежный исторический документ — по характеру изложения (четыре Евангелия), по времени написания (непосредственно

после событий) и по количеству сопутствующих исторических источников. С исторической точки зрения Евангелия выглядят куда убедительнее прочих рукописных свидетельств о том отдаленном времени. Один видный историк сказал:

"Образованный человек должен найти в себе силы взять в руки Новый Завет и, отрешившись от заготовленных концепций, прочесть его как достоверный исторический документ".

Если это условие соблюдено и евангельские факты анализируются объективно, становится очевидным следующее:

1. Иисус Христос неоднократно говорил о Своем предстоящем воскресении как ученикам, так и противникам. Те, кто надеялись опровергнуть Его слова, приложили к этому необходимые усилия, в частности, установили у гробницы с телом Христа часовых.
2. Хотя последователи Христа понимали предсказание о воскресении и даже были свидетелями воскрешения Лазаря, буквальность пророчества Христа стала для них очевидной только после самого исторического события. Таким образом, их невозможно обвинить в действиях на основе какого-то заранее продуманного сценария.
3. Неверие Фомы и упорство Павла были преодолены благодаря явлению воскресшего Христа.
4. Превращение перепуганной кучки учеников в бесстрашную общину верующих, готовых нести учение Христа "до краев земли" нельзя объяснить чисто внешними причинами. Для этого потребовалось внутреннее перерождение на основе произошедшего чуда — воскресения.
5. Для того, чтобы раз и навсегда покончить с новым учением, римским властям достаточно было всего лишь представить тело мертвого Христа — но они не смогли этого сделать. Здесь обычно упускают один важный момент. Если допустить, что апостолы действительно являются творцами новозаветного идеала, то становится непонятным, зачем им понадобилось говорить о телесном воскресении. Можно было прекрасно обойтись "духовным" воскресением, что избавило бы апостолов от необходимости прятать не воскресшее тело. Мы же видим обратное: ученики настаивают на физическом воскресении Господа, будучи твердо уверенны в последнем, поскольку своими глазами видели воскресшего Господа.
6. Дополнительное свидетельство о Христе находим в Коране, который, кстати, признает непорочное зачатие Христа и приписывает Ему небывалую способность в воскрешении людей. Это — чрезвычайно важное обстоятельство, часто игнорируемое самими мусульманами.

Главным импульсом к распространению Благой Вести ранней Церковью послужило не что иное, как воскресение Иисуса Христа. Оно нашло свое отражение в истории и доступно непредвзятому изучению.

Иллюзия нейтральности

Возникает второй вопрос: "Какое значение имеет воскресение лично для меня?" Само по себе воскресение еще ничего не значит — его можно, с определенной натяжкой, представить и своего рода случайным нарушением естественных законов — не преодолением, а нарушением. Какое тогда оно имеет значение для отдельного человека? Но дело в том, что воскресение было чем угодно, только не "случайным нарушением". Тема воскресения — одна из центральных в Писании, и с ней тесно связаны другие библейские истины. Объективность требует того, чтобы воскресение воспринималось не

иначе как в контексте всего христианского вероучения, а также в контексте дел и слов Самого воскресшего. Тогда значение этого события станет очевидным. О нем прекрасное стихотворение Роберта Браунинга:

О, если бы Христос, как говоришь ты,
 Был просто Человек — пусть самый лучший,
 Достойнейший, но просто человек,
 Считаю Его несчастнейшим из всех.
 Но Он, любовью обладая совершенной,
 Способен оказался совершить немыслимое:
 С Ним соединились все души, любившие Его.

Ты убедишься в том, когда в конце времен,
 Хранимые Христовым словом, сотни
 Спасенных душ сольются с Ним, когда
 Жених придет забрать Свою Невесту —
 Для этого Он умер и воскрес.
 Скажи теперь, возможно ль человеку
 Такое совершить? Конечно, нет!
 Тогда зови Христа предвечным Богом,
 О, несчастный!

Христос — либо всемогущий Бог, либо обманщик или безумный человек. Середины между этим нет. Невозможно сказать, что Христос был "просто хороший человек" — это значило бы опровергнуть утверждения Самого Христа. Нет, Христос не был просто человеком, и чтобы убедиться в этом, достаточно непредвзято прочесть повесть Его жизни — Евангелия. Христос принес миру надежду на вечную жизнь, без которой жизнь земная начисто лишается смысла, а философия превращается в праздное развлечение.

Историчность воскрешения отражается и в высказываниях политиков. Так, Билли Грэм, знаменитый американский миссионер, рассказал об одном знаменательном признании Конрада Аденауэра, канцлера ФРГ с 1949 по 1963 годы. Аденауэр, отсидевший в фашистских застенках за сопротивление режиму и вставший вскоре после войны во главе разгромленной Германии, со всем основанием может быть назван великим историческим деятелем, которому удалось заново воссоздать целое государство. Во время встречи с проповедником, Аденауэр задал прямой вопрос: "М-р Грэм, вы верите в то, что Иисус Христос воскрес из мертвых?" Несколько сбитый с толку, Грэм ответил, что да, разумеется, он в это верит. На что канцлер Германии отозвался так: "М-р Грэм, помимо воскресения Иисуса, я не знаю иной надежды для этого мира".

В другом интересном разговоре участвовал я сам. Он состоялся в начале перестройки в Москве, в Центре Геополитической Стратегии, из стен которого вышли все генсеки Советского Союза. Со мной, моей женой и несколькими коллегами изъявили желание встретиться восемь российских генералов — все, за исключением одного, атеисты. Нас привезли на восьмой этаж помпезного, в сталинском стиле, здания Центра и провели в большой кабинет. Там, за круглым столом состоялось наше полуторачасовое общение, прошедшее в дружеской атмосфере. Признаюсь, я не ожидал услышать того, что услышал. Один за другим российские генералы стали признавать, что Россия дошла до ужасного состояния, и не только в экономическом отношении, но и в моральном. В завершении "круглого стола", когда все поднялись, чтобы позвать на прощание руки, ко мне подошел глава российской стороны и признался: "Д-р Захариас, я считаю, что вы правы в том, что говорите. Но так трудно измениться после семидесяти лет лжи".

Мы живем в эпоху, когда бывшие социалистические государства, убедившись на собственном опыте в ошибочности марксистского пути, пытаются отойти от философии

воинствующего атеизма. Тем временем на Западе, в традиционно христианских странах, происходит противоположный процесс — стремительный переход от христианского гуманизма к гуманистическому атеизму. Он уже практически завершился. Если в недавнем прошлом в коммунистических странах личность приносилась в жертву государству, то сегодня на Западе человек приносится на алтарь благосостояния и гедонизма. Уверен, что в конечном итоге это приведет к таким же — или схожим — негативным последствиям, какие имели место в социалистическом прошлом. И коммунистическое, и потребительское западное отношение к жизни зримо контрастируют с христианским мировоззрением, придающим уникальное значение каждой личности.

Много лет назад известный немецкий философ Вальтер Кауфман писал в книге "Вера еретика":

"То обстоятельство, что в поле зрения наших телескопов находятся сотни миллионов галактик, а только в нашей собственной галактике насчитывается сотни тысяч планет, на которых возможна жизнь, представляется странным только людям библейской культуры, но никак не верующим Востока.

Люди, мало знакомые со священными книгами Востока, могут составить представление о различии Восточного и Западного мировоззрения при помощи изобразительного искусства. Возьмем китайскую живопись и живопись эпохи Возрождения. В первой человека приходится отыскивать на фоне пейзажа, имеющего самостоятельное значение; во второй главным предметом изображения является сам человек; в первой человек — лишь незначительная часть природы; во второй природа служит ему фоном.

Данные современной науки указывают на то, что восточная философия лучше оценивает действительность, чем Ветхий и Новый Заветы. Из этого не следует, что мы должны воспринять учение Будды об отрешении от мира и отказе от желаний. Не означает это и необходимости всерьез относиться к мудрой иронии Лао-Цзы над разумом, культурой и человеческими усилиями. Шекспир сказал: "Весь мир — театр". Человек играет очень незначительную роль в театре вселенной. Стоящая передо мной проблема не в том, какую роль сыграть приятнее, а в том, как справиться с той, которая досталась мне. И вот что я посоветую самому себе и другим: отдайтесь своей роли до конца, вложите в нее все свои силы, весь свой талант; проживите и, по возможности, умрите с благородством".

Надеюсь, что мое несогласие с высказанным мнением для читателя очевидно, однако дело не в этом. Дело в том, что у меня есть веские основания сомневаться в правильности понимания Кауфманом как христианства, так и восточных философий. Преклонение же перед космосом ("человек — лишь незначительная часть космоса") входит в явное противоречие с призывом "отдаться своей роли до конца", который имеет смысл только в том случае, если имеет значение сама роль. В целом, превозношение природного начала напоминает ханжеские комментарии к некоторым американским боевикам. "Во время съемок фильма не был причинен вред ни одному животному", — читаем мы строчку в титрах, и мало кто задумывается над тем, как нелепо она выглядит на фоне сцен убийства десятков людей. Вред, нанесенный человеку, пусть и психологический, не в счет — лишь бы природа не пострадала!

Призывать человека "умереть с благородством", отнимая у него надежду на жизнь после смерти, — это само по себе неблагородно. Все размышления Кауфмана сводятся в сущности к тому, чтобы усыпить в человеке жажду жизни, скрыть ее под маской стоического терпения. Философу не удастся ни объяснить ее, ни, тем более, удовлетворить. Какой контраст явлен нам в воскресении Христа, одновременно

оправдывающем и воплощающем извечное человеческое чаянье! Однако, если отрицающему воскресение и удастся каким-то образом подавить надежду на жизнь после смерти, для него все равно остается принципиальное затруднение: проблема страданий. К этому вопросу, к его пониманию в свете учения Христа, я и хочу обратиться теперь.

Глава 16. Основание веры

Наш мир исполнен страданий, большая часть которых есть прямое следствие отчужденности человека от Бога. Некогда в нашем больном мире прозвучала весть Христа о победе над страданиями и смертью. Весть эта была настолько необычной, настолько радикально иной по сравнению со всем, что когда-либо доводилось слышать людям, что многие ей не поверили. Она стала для них камнем преткновения. Многие не воспринимают ее и сегодня. Камень преткновения — крест Христов, красоту и величие которого можно постичь только при трепетном к нему отношении. Крестная жертва Иисуса переворачивает понятную нам систему ценностей, в которой прихоть ценится выше принципа, властолюбие выше смирения, тщеславие выше покаяния, компромисс выше борьбы, удовольствие выше жертвы, адюльтер выше верности, буква закона выше истины, тело выше духа, месть выше прощения и человек выше Бога.

Рейнольдусу Нейбуру принадлежат удивительно меткие слова, характеризующие отношение к Богу в этом столетии: "Мы ищем Бога, не умеющего карать, который принял бы человека, не умеющего каяться, в Свое Царство, лишённое справедливости, — за служение Христу, не умиравшему крестной смертью". На той же эмоциональной ноте звучит признание Малькольма Маггериджа, сделанное им в последние годы жизни:

"В противоположность ожидаемому, мои мысли о прошлом чаще всего связаны с тяжелыми и горестными событиями. Они вспоминаются с каким-то особенным удовлетворением. Оглядываясь назад, на свою семидесятипятилетнюю жизнь, я отчетливо вижу, что подлинным просвещением и утешением в этом мире я обязан исключительно страданию, а никак не счастью, за которым стремился и которого иногда достигал. Если бы посредством какой-то хитроумной выдумки стало возможно совсем удалить из нашего существования страдание, то жизнь от этого стала бы не райски прекрасной, а невыносимо пресной. Поэтому я придаю особое значение кресту, и должен признаться, что именно крест, более чем что-либо другое, привлек меня к Спасителю".

"Крест привлек меня к Спасителю". Как объяснить эти слова старого журналиста, всю жизнь слывшего бонвиваном и циником? Мне кажется, дело в том, что крест представляет собой абсолютное средоточие зла и боли этого мира. И одновременно, только крест служит идеальным выражением любви и справедливости, без которых невозможно ни личное, ни общее благо. Любовь и справедливость должны во всяком деле идти рука об руку, иначе неизбежны искажения и ошибки. Вся новая история прошла под знаком движения к "свободе, равенству и братству", однако результатом этих гуманистических устремлений стали сотни миллионов человеческих жертв, от жертв Французской революции до узников ГУЛАГа. Это показывает, что без любви не может быть ни равенства, ни братства, ни свободы. С другой стороны, любовь, превращенная во вседозволенность и не регулируемая представлениями о добре и зле, перестает быть любовью, а превращается в банальный эгоизм. В обществе такая любовь приводит к анархии, а та, в свою очередь — к диктатуре.

Позвольте мне коротко сформулировать три ответа на проблему страдания в свете крестной жертвы Христа.

Во-первых, крест символизирует мою личную и нашу общую вину за страдания мира. Думаю, не будет преувеличением сказать, что каждый из нас, дай он себе волю, мог бы дойти до страшного развращения, мог бы даже послать Христа на распятие. Книга Кристофера Браунинга о виновниках Холокоста так и озаглавлена: *Простые люди*. Вот отзыв о ней одного из критиков: "Самый неутешительный вывод, к которому приходишь по прочтении книги, состоит в том, что непосредственными исполнителями ужасающих

преступлений нацистского режима была не кучка недочеловеков, а целая армия добропорядочных граждан".

Чтобы мы не думали о зле исключительно в количественном плане и не считали злодеями только нацистских палачей, приведу слова единственного нацистского судьи, пожелавшего во время Нюрнбергского процесса признать свою вину. На вопрос о массовом истреблении невинных людей в лагерях смерти, он ответил: "Я никогда не хотел, чтобы все зашло так далеко". На что последовал ответ представителя военного трибунала: "Вы зашли слишком далеко в тот момент, когда осудили на смерть первого невинного человека".

Человек — в силу обитающего в нем греха — противостоит Богу, и ничто не может остановить его сползания в пропасть непослушания. В распятии я вижу высшее проявление человеческой непокорности, бунт Града Человеческого против Града Божьего. С ненавистью и наслаждением человек распинает Того, Кто даровал ему жизнь.

Во-вторых, крест олицетворяет для меня чудо прощения, без которого невозможно возрождение человека к новой, духовной жизни. Необходимость покаяния перед Богом, опять-таки, специфически христианская идея, равно как и обязательность прощения. Прощение становится возможным, так как Бог Сам, умерев на кресте, понес необходимое наказание за грех. При этом крест не устраняет зло неким магическим образом, но предоставляет нам, людям, возможность преодолеть его силой добра, явленной в отказе от ненависти и мести.

В-третьих, после крестной смерти Спасителя невозможно говорить, что Богу чужды страдания. Претерпев крестные муки, Бог даровал людям силу побеждать зло. Иисус, по выражению апостола Павла, "пленил плен" (см. также Псалом 67:19). О сущности этого подвига размышляет шотландский богослов Джеймс Стюарт:

"Господь "пленил плен", иначе говоря, использовал триумф Своих врагов, чтобы одержать над ними верх. Они пригвоздили Его к дереву, не понимая, что тем самым кладут весь мир к Его ногам. Они дали Ему крест, не догадываясь, что дают — трон. Они надеялись искоренить Его учение, но не подозревали, что лишь неистребимей становится Его Имя в сердцах людей. Они надеялись, что побежденный Бог падет к их ногам. Однако Он одержал победу".

Недавно я побывал с серией лекций в нескольких городах Бельгии, в частности в Гхенке, небольшом городке на границе с Германией. Добраться до Гхенке мне помог переводчик по имени Уилфред, любезно согласившийся подвезти меня на своей машине. В начале пути наш разговор касался только самых общих тем. Меня, впрочем, сразу приятно поразила скромная манера Уилфреда вести разговор. Мне показалось, что этот человек, несмотря на свою молодость, немало пережил. Вечерело, мы ехали по пустому шоссе, и вся обстановка как нельзя лучше подходила для дружеского сближения. Но как сделать это таким разным людям? Мы выросли в разных частях света — его жизнь прошла в небольшой стране, размерами не превосходящей крупный индийский город; его родина еще помнила шаги немецких дивизий по своим мостовым, а моя не страдала от войн... К счастью, нам удалось преодолеть "культурный" барьер довольно быстро.

Уилфред стал рассказывать о своем обращении ко Христу и об испытании, через которое пришлось пройти его вере. Несколько раз он невольно прерывал свою речь, словно переживал нахлынувшие воспоминания; было очевидно, что они еще сильно волнуют его. Несколько лет назад он участвовал в конференции в Швейцарии. Настроение у делегатов было приподнятое, радостное. Весь день пели гимны и размышляли о великом наследии, ожидающем святых на небесах. Неожиданно, прямо посреди собрания, Уилфреда попросили пройти в офис, где его ждал срочный телефонный звонок. Звонила

жена. Срывающимся от рыданий голосом она сообщила Уилфреду, что умер их девятимесячный сын. Врачи не успели ничего сделать...

Известие повергло Уилфреда в шок. Трудно описать словами боль, пронзившую его в ту минуту. Одновременно появился невыразимый гнев на Бога: "Как, как Он мог допустить, чтобы наш сын умер?!" Уилфреду потребовались все силы только для того, чтобы не дать своим эмоциям выплеснуться наружу. Вернувшись в гостиницу, он упаковал вещи, купил билет на поезд и отправился домой. Сев на свое место в поезде, стал смотреть в окно, где все теперь казалось пустым и ненужным.

Напротив Уилфреда сидел человек, читавший Библию. Рядом с ним расположились двое молодых людей, не скрывавших своего презрения к вере и Богу. Постепенно между читавшим Библию и молодыми людьми завязалась дискуссия, во время которой один молодой человек злобно спросил: "Если ваш Бог такой хороший и добрый, почему Он позволяет невинным людям страдать? Почему Он допускает войны? Почему умирают маленькие дети? Разве это добро, разве это любовь?"

Вопросы, особенно последние два, болью отозвались в сердце Уилфреда. Он едва не выкрикнул вслед за молодым человеком: "Да, лицемер! Объясни-ка мне, что это за любовь такая? Как Он может допускать, чтобы умирали маленькие дети?" Но вместо этого он только промолчал, а потом с удивлением услышал собственные слова:

"Позвольте мне вмешаться в ваш разговор? Я скажу вам, что такое Божья любовь. Его любовь к вам так велика, что ради вас Он послал на смерть Своего Единственного Сына". Молодой человек не смутился. "Вы, — предположил он, — не теряли, наверное, близких людей, а то не стали бы говорить с такой уверенностью". Уилфред сделал паузу, потому что ему потребовались все силы, чтобы спокойно и твердо ответить: "Нет, вы ошибаетесь. Мне очень хорошо знакомы чувства человека, пережившего смерть близкого. Несколько часов назад у меня умер девятимесячный сын, и я еду хоронить его. Только сейчас я по-настоящему понял, какой любовью любит меня Бог, если Он не пожалел ради меня Своего Единственного Сына".

На кресте Бог предстает Существом, разделяющим наши беды и страдания. В Иисусе Христе нет и тени буддистской отстраненности от реального мира, Он чужд мифологичной расплывчатости пантеистического божества или жестокости Аллаха, не возбраняющего насаждать свое царство мечом и огнем. Предвечный Бог, воплотившись в наш мир в качестве Отверженного, доказал Свою истинную любовь к нам. Только она, эта любовь, способна напитать человеческую душу надеждой на преодоление зла. Как не похож истинный Бог на возвышенных, холодных и чуждых людским страданиям богов иных религий!

Воплощение

"Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу, но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной. Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних, и всякий язык исповедал, что Господь — Иисус Христос в славу Бога Отца". (Фил. 2:6-11)

Руки Христа распростерты навстречу человечеству, но захочет ли оно откликнуться на Его призыв? Спрошу иначе: не закономерно ли отвержение креста в мире, где царствует культ наживы, разврата и грубой силы? Конечно, закономерно. Ведь учение Христа направлено против греха, оно ведет с ним бескомпромиссную борьбу: "Не мир

пришел Я принести, но меч". Христианство бросает вызов безбожности мира, и поэтому было и будет гонимо. Прямое противостояние, однако, не самое страшное. Хуже, когда капитуляция перед мирским началом происходит незаметно, исподволь. Так, современное общество присуждает нобелевские премии матери Терезе и Мартину Лютеру Кингу, а само все дальше отходит от идеалов, служению которым эти праведники отдали свою жизнь.

Распятие Христа, как ничто другое в истории, выявило сущность человека — его падение. Мы должны прислушаться к призыву страдающего Бога и отречься от своих греховных инстинктов, дабы Христос восстановил в нас утраченную добродетель. Крест, таким образом, служит залогом будущей славы человека, совершающего вместе с Богом восхождение к вершинам любви. Без Бога этот путь превращается в утопическое строительство, в сооружение человеческого рая, не сулящего ничего, кроме бедствий, как видно из истории.

Иногда полагают, что достижение материальных благ способно в то же самое время остановить духовный поиск человека. Отчасти это так. Однако достаточно даже поверхностного знакомства с жизнью народов, достигших значительного материального благополучия, чтобы увидеть их неудовлетворенность. Посреди материального изобилия они поражены духовным недугом — трагическим ощущением бессмысленности существования. Парадоксально, что чувство бессмысленности редко посещает страдальцев, но пресыщенных жизнью — весьма часто. Крест Христов помогает обрести смысл жизни и найти утешение. Все мы, и страдающие, и удовлетворенные, но неизменно духовно мертвые по своим грехам, благодаря крестной жертве Спасителя, можем получить дар вечной жизни.

В заключение я хотел бы еще раз подчеркнуть основную мысль, прозвучавшую в книге: жизнь без Бога рано или поздно превращается в хаос. Напротив, жизнь с Богом, явленным нам в Иисусе Христе, позволяет полностью удовлетворить запросы человеческого ума и сердца. В учении Христа нам открывается истина о человеке, вселенной, истории, смерти и страданиях, — истина, выдерживающая проверку практикой и логикой.

Приложение А

Вопросы и ответы по теме "религия и атеизм"

Приводимая ниже дискуссия состоялась в ходе обсуждения лекций, прочитанных автором в Гарвардском университете. Лекционный материал лег в основу некоторых частей этой книги.

"Я хотел бы спросить: не слишком ли несправедливо и эгоистично со стороны Бога осуждать атеистов за неверие, хотя Сам Он не дал им однозначных доказательств Своего существования?"

Затронутая вами тема на самом деле является частью более обширной проблемы правомочности или неправомочности всего, что делает Бог. Поэтому я позволю себе осветить этот общий вопрос, и, тем самым, отвечу и на ваш вопрос.

Позвольте мне рассказать вам об одной дискуссии, которая состоялась у меня со студентом университета Ноттингэм в Англии. После одной из моих лекций он поднялся с места и раздраженно выкрикнул: "В этом мире слишком много зла, поэтому существование Бога невозможно!" Я ответил ему следующим образом: "Утверждая существование зла, вы тем самым подразумеваете и существование добра, не так ли? Если же вы признаете существование добра, то неизбежно должны признать и существование нравственного закона, на основе которого становится возможным говорить о добре и зле. Если же появляется нравственный закон, должен быть и законодатель. Но его-то существование вы и пытаетесь отрицать. Ибо если нет нравственного законодателя, то нет и нравственного закона; если нет закона, не может быть речи о добре. Если нет добра, нет зла. В чем же тогда ваш вопрос?"

Здесь необходимо добавить, что философы, конечно же, пытались выработать нравственный закон, не основанный на представлении о Боге, однако их рассуждения оказывались несостоятельными либо на уровне предпосылок, либо выводов. Когда Рассела спросили: "М-р Рассел, если вы после смерти встретитесь с Богом, что вы Ему скажете?", философ ответил: "Я скажу Ему, что Он не дал мне достаточно оснований верить в Его существование". В этом ответе обнаруживается позиция, диаметрально противоположная изложенной в Священном Писании. В Библии сказано, что причиной человеческого неверия является не недостаток доказательств, а, скорее, упорное их игнорирование. "Без доброй воли, — утверждает профессор Ричард Вивер, — достижение добра невозможно. Объяснять истину тому, кто ее не любит, значит давать дополнительный материал для ложного истолкования".

Позвольте, я резюмирую сказанное:

1. Чтобы ваш вопрос имел смысл, должно быть признано существование Бога. Без этого вопрос становится принципиально противоречивым и не имеет логического ответа.
2. Бог создал нас по Своему образу. В частности, это означает, что человек наделен свободой воли (выбора).
3. Величайшая из добродетелей — любовь.
4. Бог, по Своей любви, создал нас, и наша ответная любовь должна быть результатом свободного выбора. Там, где нет выбора, есть принуждение, а там, где есть принуждение, нет любви. Только в христианстве любовь определяет бытие; во всех прочих мировоззрениях бытие определяет любовь. Следовательно, в христианстве любовь имеет своим источником не бытие, а Бога.
5. Общение Бога с людьми происходит разными путями:

- а) посредством логики (интеллектуально)
- б) посредством опыта (экзистенциально)
- в) посредством истории (эмпирически)
- г) посредством эмоций (реляционно)
- д) посредством Писания (препозиционно)
- е) посредством воплощения (лично).

Исследуйте шесть перечисленных уровней общения Бога с людьми, и вы убедитесь, что проблема неверия заключается отнюдь не в недостатке божественных проявлений, а исключительно в *нежелании* человека их видеть. В подтверждение такой точки зрения я хотел бы привести слова профессора юриспруденции Саймона Гринлифа о Новом Завете: "Человек может предпочесть неверие в свидетельства очевидцев, но утверждать, что свидетельства недостаточно — невозможно".

"Отсутствие смысла в страдании и смерти действительно ужасно. Но значит ли это, что сам атеизм ложен? Требуется ли вера для того, чтобы быть атеистом? Если да, то какая?"

Это два отдельных больших вопроса. Давайте обратимся к первому. Я совершенно согласен с тем, что если бессмысленность боли и страданий не разрешаются в системе атеистических взглядов, то это не значит, что атеизм ложен как мировоззрение. Более того, если помните, я говорил, что одно то, что религиозная система дает утешение в момент страдания и смерти, не означает истинности ее утверждений. Тест на истинность, конечно же, намного сложнее. В чем же проявляется логическая несостоятельность атеизма, когда он оказывается неспособным дать человеку надежду?

Задавая свой вопрос, вы, естественно, предполагаете, что он имеет смысл и, в свою очередь, ожидаете осмысленного ответа. Таким образом, тема осмысленности приобретает центральное значение. В связи с этим я вспоминаю спор, состоявшийся у меня со студентом Филиппинского университета в Маниле. Наш диалог с самого начала принял достаточно неформальный характер. Не вставая с места, студент крикнул на весь зал, что все в жизни бессмысленно. "Вы не верите в то, что говорите", — парировал я.

"Нет, верю", — последовал сразу же ответ. "Нет, не верите", — отозвался я.

Возмущенный моим нежеланием признать очевидный факт, он воскликнул: "Я верю в то, что говорю! Кто вы такой, чтобы отрицать это?"

"Пожалуйста, повторите ваше утверждение", — попросил я студента.

"Все в жизни бессмысленно", — повторил он.

"Полагаю, что вы считаете свое утверждение имеющим смысл. Если так, то тогда все не может быть бессмысленным. Если же вы настаиваете, и считаете, что все бессмысленно, то бессмысленным становится и ваше утверждение. То есть, вы мне ровным счетом ничего не сказали".

Уже то, что вы ищете осмысленного ответа на свой вопрос, говорит мне, что вы не верите в бессмысленность жизни. В противном случае, почему вы пытаетесь найти разумное истолкование страданий и смерти?

Позвольте мне немного развить эту мысль. Вам не кажется странным, что вы соглашаетесь с мировоззрением, которое никак не решает основные проблемы человеческого бытия, и в то же время опровергаете теистическое мировоззрение за то, что оно не достаточно убедительно объясняет страдание?

Этого уже достаточно, чтобы увидеть противоречивость вашего подхода, но заглянем несколько глубже. Если боль и страдание перестают быть нравственными категориями с точки зрения атеиста, то следует ли считать аморальным того, кто их причиняет? Если да, то попробуйте удовлетворительно сформулировать понятие нравственности для людей, принадлежащих к разным культурам. Если нет, то задумайтесь над тем, какие последствия это может иметь для нашей юридической системы. Ограничение человеческого существования рамками земной жизни уничтожает основу для прощения и делает месть единственным оружием правосудия (поскольку загробного воздаяния нет). Именно такой логикой возмездия прикрываются, к примеру, террористы, взрывающие пассажирский самолет с невинными людьми на борту. Они полагают, что совершают не преступление, а законную месть.

К тому же, проблема смерти и страданий не самодовлеющая, она неразрывно связана, с одной стороны, с проблемой нравственности, а с другой — с проблемой смысла жизни. Отказ от удовлетворительной трактовки страданий говорит и о неспособности разрешить две другие важнейшие проблемы, что делает атеистическую позицию особенно слабой.

Английский философ Г. Честертон выдвинул идею о том, что для христианина радость является центральной характеристикой жизни, а скорбь — всего лишь периферийной, поскольку он имеет ответы на основные вопросы жизни. С другой стороны, для атеиста скорбь находится в центре жизненного опыта, поскольку он имеет ответы только на периферийные вопросы, а главные остаются неясными.

"Почему, несмотря на усилия Майкла Мартина, Джорджа Смита и других философов-гуманистов объяснить вам атеистическую позицию, вы упорно продолжаете представлять собственную версию их мировоззрения? Множество философов утверждает, что быть атеистом не значит придерживаться догматического положения о несуществовании Бога. Я, например, являюсь атеистом потому, что не вижу достаточно оснований для перехода на теистическую позицию".

Я взял формулировку из Философского словаря, составленного без какого бы то ни было "теистического" предубеждения. Это самый обычный философский словарь под редакцией Пола Эдвардса. Так вот, словарь определяет атеизм именно как "отрицание существования Бога". Между тем, я готов признать, что существует, так скажем, более мягкий вариант атеизма, исповедуемый, в частности Олдосом Хаксли, в соответствии с которым бытие Бога отрицается не догматически — уж очень сложно философски обосновать такую позицию — а вследствие недостаточного количества свидетельств в его пользу. Тем не менее, и этот "мягкий" вариант атеизма содержит две серьезные логические ошибки.

Во-первых, считать атеизм базисным мировоззрением и исходной точкой философских размышлений некорректно — почему именно атеизм, когда есть сотни других философско-религиозных систем?

Во-вторых, утверждение о недостаточности свидетельств в пользу бытия Бога подразумевает существование логического обоснования атеизма — но в действительности его нет. Чтобы убедиться в этом, предлагаю взглянуть на слова, обозначающие человека, не верящего в Бога: атеист и агностик.

Слово атеист происходит от двух греческих корней — "альфа" означающего отрицание, и "теос", то есть "Бог". Атеистическая позиция, нравится вам это или нет, подразумевает отрицание Бога. Однако, быстро осознав ее внутреннюю противоречивость, (ибо она подразумевает абсолютное знание со стороны отрицающего), философы-атеисты предпочли назваться агностиками. Но, оказалось, что это слово имеет

еще менее "удобные" для неверующего коннотации. "Альфа" — это отрицание, а "гнозис" — знание, то есть агностик в переводе с греческого буквально означает — "незнающий". Другими словами, после того, как атеистическая позиция была сформулирована, ее не удалось защитить в философском споре с апологетами веры, и поэтому атеисты были вытеснены в разряд "незнающих". Тем больше оснований у честного агностика быть открытым для свидетельств веры.

"В своих лекциях вы утверждаете, что нам следует обратиться к Богу, чтобы решить проблему страдания. Значит ли это, что субъективное ощущение счастья и удовлетворение личных потребностей есть тот критерий, на основе которого нужно выбирать мировоззрение? Если да, то в чем заключается превосходство христианства над рядом других религий, также освещающих проблему страданий?"

Ответ на ваш первый вопрос — однозначное "нет". Нигде в своих лекциях я не утверждаю, что этим критерием следует руководствоваться в выборе мировоззрения. Но я утверждаю, что в том случае, если христианство истинно, оно поможет вам решить и проблему страданий. При этом наличие такого решения не является прямым доказательством его истинности.

В чем же состоит это доказательство? Можно ли вообще продемонстрировать превосходство христианства над другими мировоззрениями? Уверен, что можно. Именно это я и пытаюсь делать в своих лекциях и книгах.

"Вы говорите, что Ницше пришел к отрицанию Бога на основе пережитой им боли, а опровергаете его позицию на основе логики. Не означает ли это, что его мировоззрение равноценно вашему, только вы смотрите на мир с одной стороны, а он — с другой?"

Опровергая философию Ницше, я основываюсь и на его экзистенциальном опыте, и на логике, и на знании истории. Но поскольку исходный пункт его рассуждений — чисто экзистенциальное допущение, а моих — исторический факт и философская концепция, наши позиции нельзя назвать равноценными. Они разные в силу качественного различия их исходных положений.

Критика христианства, предпринятая Ницше, — это просто эмоциональный выпад, а никак не логическое опровержение. Ее главный довод сам не выдерживает никакой критики. Продемонстрировать это, собственно, и было моей задачей. Если вам удастся продемонстрировать то же по отношению к моей позиции, только тогда и можно утверждать, что она равноценна ницшеанской.

"Вы оспариваете позицию Ницше отчасти потому, что она послужила основой для такого исторического зла, как нацизм. Однако как быть со злом, причиненным во имя Христа, например, во время крестовых походов?"

С одной стороны, атеистическое зло есть прямое следствие атеистического мировоззрения — это одно из самых трудных признаний, которые атеисту необходимо сделать. Не поймите меня неправильно. Я отнюдь не утверждаю, что атеизм есть человеконенавистничество; и я не говорю, что все атеисты — плохие люди. Думать так значило бы ложным образом формулировать саму проблему. Но я, тем не менее, утверждаю, что насилие вписывается в логическую систему атеизма, что оно не может быть отвергнуто исключительно на основе атеистических взглядов. Сомневающимся в истинности моих слов советую прочесть "Мир естественного отбора" Дарвина — великий ученый утверждает то же самое. История подводит нас к тому же выводу. Везде, где бы атеизм ни играл роль главенствующей идеологии — в Советской России, нацистской Германии или маоцзедунском Китае — мы видим потоки человеческой крови. С другой

стороны, нетрудно увидеть, что в тех случаях, когда христиане насаждали веру путем насилия, когда они причиняли боль невинным людям или устремлялись к политической власти, то действовали не в согласии, а именно вопреки учению Христа, причем попирали его грубо и откровенно. Политизация религии в ходе истории нанесла христианству существенный, может быть, самый значительный, вред. Великий Инквизитор Ф. Достоевского, отвергнувший Христа, к сожалению, — весьма распространенный исторический персонаж. Сам Христос, как вам известно, заповедал любовь к людям и добровольное принятие веры. "Царство Мое не от мира сего, иначе бы слуги Мои сражались за Меня с мечом в руках", — говорил Он. Все случаи злоупотребления со стороны христиан являются, таким образом, следствием *нарушения* христианского учения и осуждаются на его же основании. То есть, эти злоупотребления указывают нам не на ошибочность учения как такового, а на греховность человеческого сердца, не желающего творить добро. Однако христианство учитывает порочность человеческого сердца и борется с ней, в то время как атеизм полностью пренебрегает этой опасностью; он, можно сказать, основан на противоположном постулате — почему и является, на мой взгляд, глубочайшим мировоззренческим заблуждением.

Христиан нередко спрашивают, почему они перескакивают от атеизма к христианству, не доказав прежде, что Бог существует. Законный вопрос, поскольку даже если атеизм не выдерживает критики, это не означает истинности христианства.

Г. Честертон однажды признался, что поверил в Бога в результате чтения атеистических авторов — настолько его поразила пустота и бессодержательность их доводов. Аналогичным образом, с помощью откровенно слабой и нудной аргументации в пользу существования Бога можно убедить слушателя в Его отсутствии. Надеюсь избежать этого эффекта.

Классические доказательства бытия Бога — теологическое (на основе творения) и нравственное (на основе нравственности) — нередко используются по отдельности, но на самом деле являются частью более крупного блока доказательств, известных под названием космологических (на основе причинности). Теологическое доказательство демонстрирует разумное устройство мира и объясняет это наличием Творца. Нравственное доказательство, обращая внимание на нравственный закон, написанный в человеческом сердце, видит в нем указание на существование Бога. Таким образом, и теологическое, и нравственное доказательства идут от следствия к причине, что позволяет объединить их в рамках космологических доказательств, использующих причинно-следственные связи.

Одна из форм теистической апологетики разработана профессором Уиллардом из университета Южной Каролины. Она представляет собой трехчастную модель.

В первой части доказательство опирается на физическую реальность.

"Как, бы мы ни членили окружающую нас реальность, в результате мы получим объект или явление, обязанные своим существованием какому-либо внешнему источнику. У любого явления или объекта есть причина возникновения, точнее, ряд причин. Но принципиально важно другое, а именно то, что в начале такой цепи причин должна находиться первопричина, черпающая свое существование из себя самой. Беспричинная первопричина".

Профессор Уиллард возражает тем, кто считает такой беспричинной сущностью чисто физическую реальность:

"Некоторые могут возразить что, несмотря на конечное число причин для любого явления, первое физическое явление или состояние могло быть беспричинным, могло возникнуть "из ничего". Сегодня во многих случаях именно так воспринимают теорию "большого взрыва", хотя, конечно, это

означает, что данный "взрыв" принципиально отличается от всех нам известных. Привлекательность этого рода мистицизма, как мне кажется, заключается прежде всего в "обожествлении" большого взрыва и выведении его из разряда физических явлений, про которые уместно задавать вопросы. Чем же был этот "взрыв"? "Научный мистицизм" об этом умалчивает. Тем не менее, здесь уместно сказать, что существование вечного существа (Бога-личности) ничуть не менее вероятно, чем существование физического явления, порожденного самим собой. Как сказал К. С. Льюис: "Появление яйца без птицы ничуть не более правдоподобно, чем вечное существование птицы".

По мнению Уилларда, концепция возникновения вселенной "из ничего" в корне противоречит наблюдаемому в природе причинно-следственному закону. *Вероятность возникновения чего-либо из ничего равна нулю; все без исключения явления физического мира имеют причину.*

Вторая часть доказательства — теологическая, однако, подчеркивает Уиллард, она не столько опирается на факт сотворения, сколько подводит к его обязательности. Это принципиальное различие. Эволюционная теория, утверждает Уиллард, объясняя *развитие* органической жизни от низших форм к высшим, не способна ответить на вопрос о ее *происхождении*. Теория эволюции обретает силу только в том случае, если существование жизни воспринимается как данность. Но что это за данность? Очевидно, что под ней следует подразумевать акт *неэволюционного сотворения*, предшествовавший эволюционному развитию.

Продемонстрировав, что зарождение жизни было неэволюционным, можно перейти к следующему важному пункту доказательства — обратить внимание оппонента на то обстоятельство, что любой творческий акт есть воплощение в физической реальности того, что уже существует в сознании. Творчество на уровне разума предшествует творчеству в физической реальности. В таком случае, акту творения жизни должен предшествовать творческий акт на уровне некоего Высшего Разума, то есть Бога.

В третьей части доказательства Уиллард опирается на бытие человека — историческое, социальное и индивидуальное — в контексте уже продемонстрированной сверхъестественности вселенной (первая часть) и существования Высшего Разума (часть вторая). Он пишет, что бытие человека богато категориями, которые невозможно объяснить сугубо материалистически и которые указывают на существование трансцендентной реальности. Эту реальность, опять-таки, уместнее всего обозначить словом "Бог".

Заканчивая свои рассуждения, Уиллард цитирует изречение скептика Дэвида Юма:

"Самое естественное желание образованного ума состоит в том, чтобы небеса соизволили рассеять, хотя бы отчасти, глубокое неведение человека относительно природы, свойств и образа действий объекта нашей веры посредством какого-то доступного откровения".

Можно только согласиться с комментарием профессора Уилларда по этому поводу: "Вполне возможно, что Бог уже ответил на эту молитву".

Приложение Б

Краткие биографии известных философов

Рене Декарт (1596-1650)

Декарта называют "отцом современной философии". Окончив иезуитский колледж во Франции, Декарт отправился на военную службу в Германию, где, по собственному свидетельству, получил божественное предписание разработать унифицированное описание реальности на основе математических принципов. Декарт утверждал, что не существует ничего непостижимого, что все может быть осмыслено посредством логики. За свою жизнь Декарт создал несколько философских трудов, в том числе *"Начала философии"*.

Философский подход Декарта лучше всего сформулирован им самим: "Я мыслю — следовательно, я существую". Эти слова стали крылатыми. Не видя иных доказательств собственного существования, Декарт пришел к выводу, что таким доказательством служит сам процесс рассуждения. Тот же подход применялся ученым и для обоснования бытия Бога: поскольку человеческий разум несовершенен, представление о Совершенном Разуме не могло возникнуть в нем само собой. Следовательно, это представление было заложено в него Самим Совершенным Разумом, то есть Богом.

Нетрудно увидеть слабые места этих аргументов. Если согласиться с постулатом Декарта о несовершенстве человеческого разума, то разве не может представление о Боге быть следствием этого несовершенства?

Когда Декарт пытается доказать, что только рационально необходимое является абсолютно достоверным, то неизбежно становится жертвой собственной логики, ибо берет в качестве отправного пункта размышлений принципы, не являющиеся рационально необходимыми.

Декарт жил в эпоху быстрого распространения скептицизма, самыми видными проповедниками которого стали Рабле (1492 - 1533), Монтень (1533 - 1592) и Фрэнсис Бэкон (1561 - 1626). Происходивший из семьи адвокатов и предпринимателей, Декарт унаследовал замечательные способности к логике и математике, что во многом предопределило и его интерес к философии. За свою жизнь он написал несколько выдающихся трудов, которые в какой-то момент хотел объединить в *"Проект универсальной науки, призванной возвести человеческую природу на ее высшую ступень"*, но впоследствии отказался от этого замысла, посчитав неуместным вторгаться в область сугубо религиозную.

Основной целью Декарта было получение достоверных знаний о трансцендентном, однако в решении задачи он опирался исключительно на математические методы, принижая и недооценивая роль метафизики. Постепенно Декарт низвел само понятие о божественном к "аксиоматической истине", которую невозможно подтвердить логически. Здесь следует еще раз подчеркнуть, что Декарт *не отрицает бытия Бога, но методологически выводит его за рамки рационально познаваемого.*

В *"Началах философии"* он пишет:

"Когда я, несовершенное и зависимое существо, задумываюсь о Существо совершенном и независимом, то есть о Боге, то Его бытие представляется мне очевидным, на основании чего я заключаю, что Бог несомненно существует, и я завишу от Него в каждую секунду жизни".

Несмотря на подобные утверждения, Декарт, несомненно, сделал шаг навстречу скептикам. Со своей "аксиоматической истиной" он оказался в лагере несогласных с

утверждением Павла о том, что "...можно знать о Боге... ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира чрез рассматривание творений видимы". Бог для Декарта превратился во что-то наподобие божества деистов, и свой интерес ученый сосредоточил не столько на познании Творца, сколько Его творения. Христианское богословие, таким образом, было в значительной мере вытеснено математическим рационализмом, в котором существование Бога объясняло все неясные моменты. Спиноза, ученик Декарта, развил систему учителя до ее логического завершения и был заслуженно назван "метафизиком современного атеизма". Сам Декарт писал:

"Я — католик, и намерен остаться им до конца дней. Я верю в учение Церкви, однако беру эту веру в скобки: она принадлежит области чувств и эмоций, тогда как моя универсальная наука есть область разума и знаний".

Из этих слов метод Декарта становится очевиден. Он состоит в том, чтобы отделить религию, веру и богословие от философии и эмпирических наук. Философия, таким образом, лишается живой связи с божественным откровением и превращается в светскую дисциплину, что в полной мере продемонстрировал Спиноза.

Урок, который можно из этого извлечь, таков: значение имеет не только уверенность в существовании Бога, но и то, каким образом она достигается. Если методика ошибочна, как в данном случае, то есть, если Бог "отодвигается" в область иррационального, то остается только шаг до перехода на атеистические позиции.

Дэвид Юм (1711-1776)

Юм поступил в Эдинбургский университет в возрасте 12 лет, однако покинул его, так и не завершив курса, вследствие "неодолимого отвращения ко всему за исключением философии и общего образования". В двадцать три года он начал писать свою первую книгу, *"Трактат о человеческой природе"*, в которой доказывал, что факт не может считаться истинным а priori, но должен быть обоснован на опыте. Следовательно, такие понятия, как бытие Бога, сотворение мира и им подобные, т.е. понятия, выходящие за рамки непосредственного человеческого опыта, в принципе лишены смысла. Юм зарабатывал на жизнь частными уроками и работой в библиотеке, но большую часть времени отдавал написанию философских трудов. Им, в частности, созданы такие работы как *"Исследование человеческого понимания"* (1748), шеститомная *"История Великобритании"* (1754 — 62) и *"Естественная история религии"*. Много лет он провел во Франции, где тесно общался с видными представителями эпохи Просвещения. Некоторое время он работал секретарем посла Великобритании во Франции. Имя Юма прежде всего ассоциируется с эмпиризмом и скептицизмом.

Можно проанализировать мышление Юма по трем основным направлениям. Во-первых, обратим внимание на его теорию познания. В работе *"Исследование человеческого понимания"* философ пишет:

"Возьмем наугад том богословских или метафизических трудов и спросим себя: содержит ли он логические рассуждения или числа? Нет, ни в коем случае! Но, может быть, в нем есть экспериментальные данные, исследование фактов? Нет! Тогда долой его, в печь, ибо нет в нем ничего кроме софизмов и иллюзий".

В этих словах — сущность философии Юма, построенной на убеждении, что любое знание обретается посредством чувств. Все, что воспринимается на уровне разума, сначала было воспринято чувствами. Следовательно, в анализе реальности интеллект играет только второстепенную роль. Человек является таким же объектом, как и все прочие, и подлежит точно такому же изучению. Юм утверждает, что говорить о душе бессмысленно, ибо человек состоит исключительно из материи.

К этому философ добавляет три существенных момента. Во-первых, идеи являются набором частных представлений, во-вторых, все чувства "отдельны и независимы" и, в-третьих, наш опыт есть не более, чем цепь несвязанных между собой ощущений. Мы, в принципе, не знаем даже самих себя; наши знания о самих себе — это просто набор чувственных впечатлений.

Вторая крупная концепция Юма направлена против классического доказательства бытия Бога на основании принципа причинности.

"Идея причинно-следственной связи возникает только вследствие жизненного опыта. То есть, только после того, как мы видели смерть вследствие нахождения человека под водой в течение пяти минут, мы делаем вывод о наличии связи между этими двумя событиями. Если одно событие случается после другого не один раз, а многократно, мы приходим к заключению, что одно случается вследствие другого. Одним словом, идея причинно-следственной связи основана на повторяемости... Но при таком подходе появляется возможность установления ложной связи, когда два события следуют друг за другом, и даже неоднократно, но тем не менее, не связаны между собой причинно-следственными отношениями. Например, солнце встает после того, как кричит петух, но, конечно, не потому, что петух прокричал".

Причинно-следственная связь, по Юму, есть не более чем совокупность последовательных впечатлений. Из опыта человек научился ожидать определенной последовательности событий, однако в реальности никакой обязательной связи между событиями не существует, и наука не может сформулировать объективные законы природы.

Третья концепция Юма, которой я хотел бы коснуться, — этическая. Возникающее у человека нравственное суждение строится на чувстве одобрения или неодобрения поступка, а никак не на доводах рассудка. Порок и добродетель Юм уподобляет звуку, цвету, тепловому ощущению.

Нетрудно заметить, что от подобной философии только шаг до идеологии тоталитарной, внушающей толпе "чувства", угодные власти.

В целом, можно смело говорить о серьезных разногласиях философии Юма с библейским вероучением. Юм стал создателем универсальной модели атеистического мировоззрения и косвенно способствовал возникновению тиранических режимов последующих столетий. Ниже в краткой форме приводится критика философии Юма:

1. Постулат Юма о необходимости математического или опытного подтверждения любого утверждения сам не обоснован подобным образом и, следовательно, лишен смысла.
2. Утверждение об абсолютной бессвязности событий — нелогично. Юм отрицает какое бы то ни было единство, но делает утверждение, обладающее внутренним единством.
3. Призыв Юма отвергнуть любое суждение о реальности лишено смысла, так как само по себе является суждением о реальности.
4. Лишено смысла и отрицание Юмом чудес. Чудо, утверждает Юм, идет вразрез с законами природы, и поэтому маловероятно. Мудрый же человек строит свои убеждения на максимальной степени вероятности, следовательно, не верит в чудо. Здесь логика Юма опять ущербна. Например, вероятность возникновения нашего мира из ничего составляет величину, близкую к нулю, следовательно, мудрый человек должен отрицать его существование.

После всего сказанного едва ли стоит удивляться таким словам философа: "Меня пугает то полное одиночество, виной которому стала моя философия". Юму действительно некого винить, кроме самого себя. Отвергнув разум как средство познания Божественной истины, он нанес серьезный вред образу Божьему в человеке, равно как и поспособствовал разрушению твердого основания образования и культуры.

Иммануил Кант (1724 - 1804)

Иммануил Кант родился а 1724 году в прусском городе Кенигсберге, теперь Калининграде. Отцом мальчика был простой шорник, но сыну его было предназначено стать одним из величайших философов всех времен и народов, мыслителем, имя которого встанет в один ряд с именами Сократа, Платона и Аристотеля.

Окончив курс в Кенигсбергском университете, Кант сначала зарабатывал на жизнь частными уроками, но с 1770 года занял кафедру логики и метафизики в том же университете. Внешне жизнь Канта была спокойной и небогатой событиями. Убежденный холостяк, Кант отличался чрезвычайной пунктуальностью и любовью к своему городу: за всю свою жизнь он покинул его всего несколько раз. Карта путешествий его мысли значительно обширнее. Как мыслитель, он оказал огромное влияние и на современников, и на последующие поколения.

И по сей день среди преподавателей философии немало убежденных кантианцев. Сам Кант признавался, что "его пробудил от догматического сна" не кто иной, как Дэвид Юм. Еще он утверждал, что две вещи неизменно вызывали у него трепетное благоговение — "мириады звезд наверху и нравственный закон внутри нас". Потребовались бы целые тома научных трудов, чтобы расшифровать это простое, казалось бы, утверждение.

Время жизни Канта — время открытой борьбы между континентальной приверженностью рационализму и английской преданностью чувственному опыту. Отголоски этой борьбы слышны и поныне, и прежде всего в различии подходов, которые применяются в Европе, Великобритании и Соединенных Штатах для защиты христианского мировоззрения. Различие прежде всего заключается в методике установления истинности.

Кант попытался объединить английский эмпиризм с континентальным рационализмом. Утверждая важность эмпирического опыта в вопросе веры, Кант тем не менее, не пошел по пути скептицизма и не отделил веру от опыта. В то же время, он отверг положение рационалистов о том, что действительность может быть познана только на основе разума.

Кант пытался обнаружить возможность метафизического знания, то есть знания о таких предметах, как бытие Бога, бессмертие души и свобода воли. Выводы, к которым он пришел, были изложены в книге *"Критика чистого разума"*.

Во многих отношениях именно Кант является прародителем веры современного человека в способность разума познавать материальное; с другой стороны, к философии Канта восходит и неуверенность современного человека во всем, что выходит за рамки физического. Иными словами, все явно материальное — рационально объяснимо, а все первичное разум обосновать не может.

У нас нет возможности изложить идеи Канта в их полном объеме, но мы, тем не менее, можем почувствовать их направленность на примере его теории познания. Воспользуемся цитатой из работы профессора Колина Брауна:

"Вкратце теорию познания Канта можно свести к следующему: действительность воспринимается на уровне чувств (синтетический элемент), но затем неизбежно пропускается через разум (априорный

элемент). Разум воспринимает вещи не такими, какими они являются "в себе", ибо "несмотря на то, что многое может быть сказано о внешней форме вещей, нельзя утверждать ничего определенного о вещи в себе, о том, что скрывается за внешностью". Это можно сравнить со взглядом на окружающий мир через солнцезащитные очки. Мы видим вещи, но с иной цветовой окраской. Точно также и разум, по мнению Канта, смотрит на мир через своего рода "очки". В конечном итоге, разум характеризует все, что воспринимает.

Возникновение этой концепции имело далеко идущие последствия. Задуманная для опровержения скептицизма Юма, она, вопреки ожиданиям, породила еще больший скептицизм".

Агностицизм Канта в отношении первичной реальности не выдерживает критики. Невозможно утверждать что-либо относительно этой реальности, не зная о ней ничего. Утверждать, подобно Канту, что проникновение за завесу внешнего вида вещей невозможно — и есть, собственно, проникновение за нее. Другими словами, невозможно проводить различие между образом и сущностью, не зная достаточно ни о том, ни о другом.

Именно предполагаемая непознаваемость первичной реальности породила в восточной философии феномен молчания. Во время последнего общения Будды с учеником Анандой, учитель занимался тем, что обрывал лепестки у цветка. Это длилось довольно долго, после чего Будда взглянул на Ананду и улыбнулся. Ученик улыбнулся в ответ. И все. Когда Ананду спросили, что значил этот бессловесный разговор, ученик Будды ответил: "Теперь я знаю". Когда вопрошавшие настаивали, он отвечал так: "Я знаю, что я знаю". По Канту, первичная реальность непознаваема, но само это утверждение опровергает ее непознаваемость.

В историческом плане, философия Канта стала огромным океаном мысли, в который впадают и из которого вытекают многочисленные менее крупные философские течения.

Серен Кьеркегор (1813 - 1855)

Если жизнь Бертрана Рассела лучше всего описывается словом "противоречивая", то жизнь Кьеркегора — метафора душевных мук. Выросший в доме, где меланхолия царствовала безраздельно, философ с детства воспринимал жизнь сугубо пессимистически. Отец Кьеркегора мучался страшным чувством вины по отношению к своей первой жене, которой он был неверен и которая скончалась при родах. Он был убежден, что Бог "мстит" ему за это и видел проявления этой мести во всем, в частности, в смерти пяти из семи своих детей. Однажды Кьеркегор-старший в отчаянье погрозил небу кулаком и проклял Бога — память об этом событии будет преследовать его и Кьеркегора-младшего до конца дней.

Младший из семи детей, Кьеркегор родился в 1813 году и умер в возрасте сорока двух лет. Философы, в определенном смысле, дети своего времени, и подобно тому, как творчество Иммануила Канта лучше всего воспринимать в свете трудов Юма, так и философия Кьеркегора раскрывается наиболее полно, если рассматривать ее как реакцию на гегельянство.

По Гегелю, жизнь индивидуума объективно подчиняется диалектическому развитию идей. Абстрактные построения (чистые идеи) в гегельянстве имеют большее значение, чем конкретные проявления действительности. Вследствие этого существует определенная противоречивость в восприятии философского наследия Гегеля: одни считают его атеистом, другие — теистом, третьи — пантеистом и даже сверхпантеистом (все вещи вселенной есть Бог, но Бог, будучи целым, превосходит простую сумму вещей).

Если принять, что первичная реальность — это разум, то частные проявления становятся возрастными. Гегель, таким образом, лишает личность присущего ей значения.

Возражая против этого, Кьеркегор пытается вернуть личности ее истинную ценность. Если пренебречь некоторой неточностью термина, то можно сказать, что Кьеркегор пытался индивидуализировать религию. Он стремился доказать, что человеческая воля и способность делать выбор имеют первостепенное значение.

Легче всего понять взгляды Кьеркегора, если обратиться к трем основным, с его точки зрения, этапам жизненного пути — эстетическому, этическому и религиозному. Переход от одного этапа к другому совершается за счет "скачка веры", при этом предыдущий этап не отбрасывается полностью, а просто отходит на задний план. На эстетической стадии человек ищет убежища от скуки в различного рода романтических наслаждениях. Он, однако, не в силах достичь желаемого и впадает в отчаяние. Тогда происходит скачкообразный переход к этической стадии, на которой главное значение приобретает чувство долга. Но и это не может оправдать индивидуального существования, и тогда, через признание смертности и греховности своего "я", происходит переход к третьей стадии — религиозной. Достижение третьей стадии представляет собой не однократное действие, но циклическое.

В книге *"Страх и трепет"* Кьеркегор размышляет над жертвоприношением Авраама, описанным в 22-ой главе книги *"Бытие"*. Он считает, что готовность Авраама принести в жертву Исаака — лучшая иллюстрация превосходства религиозного начала над этическим: несмотря на всеобщий нравственный запрет на убийство, Авраам согласен совершить его в силу своей веры в Бога. Тем самым, индивидуальное ставится выше общего.

Цитата, взятая из дневника Кьеркегора, дает хорошее представление о его субъективистском подходе к поиску истины: "Главное — определить, что для меня истинно, найти идею, ради которой можно было бы жить и умереть". Философ полагал, что если бы библейские авторы оставили нам только одну фразу — "веруем, что в таком-то году Бог появился среди нас в образе смиренного раба; что Он жил, учил и умер" — ее было бы вполне достаточно. Историзм и рациональное начало веры отбрасываются как ненужные. Труды Кьеркегора оказали значительное влияние на богословов и философов XX века, в частности на Барта, Хайдеггера и Ясперса.

Недостатки философских построений Кьеркегора вполне очевидны. Прежде всего, он оказался неспособен продемонстрировать критерий истинности различных религиозных воззрений.

Во-вторых, утверждения Кьеркегора являются либо истинными, либо ложными. Если они истинны, то должны основываться на фактах, а не "скачках веры".

Наконец, у Кьеркегора не было логического основания для возражений атеистам. Ибо, прежде чем доказывать истинность представлений о Боге, необходимо привести доказательства в пользу Его существования.

Фридрих Ницше (1844 - 1900)

Когда 15 октября 1844 года на свет появился младенец по имени Фридрих Ницше, звонили колокола, и это посчитали добрым предзнаменованием. Пятнадцатого октября праздновался день рождения прусского короля Фридриха Вильгельма — отсюда и колокольный звон, и само имя мальчика.

Отец Фридриха был лютеранским пастором, равно как и оба его деда. Рано лишившийся отца, он был перевезен в город Наумбург, где и воспитывался в обществе матери, двух сестер, бабушки и двух тетушек.

Начальное образование Ницше получил в католическом монастыре. Ницше окончил школу в числе первых учеников, и отличившегося юношу послали сперва в Боннский, а затем в Лейпцигский университет. В возрасте двадцати пяти лет Ницше получил профессорскую кафедру в Базельском университете в Швейцарии, а в 1872 году принял швейцарское подданство.

Среди людей, оказавших решающее влияние на формирование его мировоззрения были философ Артур Шопенгауэр (прозванный "одержимым проблемой воли") и композитор Рихард Вагнер. Впрочем, горячая дружба с Вагнером закончилась бурным разрывом, причиной которого стали необузданный характер и откровенный антисемитизм композитора.

Отличавшийся крайне слабым здоровьем, Ницше смог проработать в университете только десять лет, а в последующие годы полностью посвятил себя философскому труду. Именно в этот период написана большая часть его книг. Физическое и психическое состояние философа ухудшалась с каждым годом. Последние двенадцать лет жизни он провел в сумасшедшем доме, под наблюдением своей сестры Элизабет.

Первый труд Ницше *"Рождение трагедии"* (1872), был посвящен попытке истолковать искусство и театр в свете философии Шопенгауэра. *"Несвоевременные размышления"* (1873-76) посвящены Шопенгауэру и Вагнеру. Затем появились *"Веселая наука"* (1882), *"Так говорил Заратустра"* (1882-85), *"По ту сторону добра и зла"* (1886), *"Генеалогия морали"* (1887), *"Сумерки идолов"* (1889) и уже посмертно изданные *"Антихрист"* и *"Ессе Ното"*.

Если попытаться одним словом охарактеризовать жизненный путь Ницше, то для этого лучше всего подойдет слово "ирония". Ирония присутствовала в его трудах: так, моралист Заратустра сводит свою проповедь к полному отвержению морали. Ницше рассуждал о всемирном безумии — и сошел с ума сам. Это уже ирония судьбы. Философ мечтал о сверхчеловеке, который силой собственной воли добьется абсолютного превосходства, но о себе мог сказать только так: "Я больше напоминаю поле битвы, чем человека". Философ презирал христианскую мораль, однако нарушив ее, он, по всей вероятности, заразился сифилисом, который и вызвал его безумие. Ницше писал уверенно, но называл себя не иначе как "философом *может быть*". Он был уверен во всемогуществе человека, однако в последние годы, фактически, стал пленником собственной сестры. Он, с одной стороны, восхищался личностью Иисуса, а с другой сделал чрезвычайно много, чтобы повредить Его учению... Во всем Евангелии Ницше видел только одну фигуру, достойную уважения — Понтия Пилата, зато, что тот задал знаменитый вопрос: "Что есть истина?"

Большим поклонником Ницше был Адольф Гитлер, который несколько раз посещал Веймарский архив философа. Элизабет, сестра Ницше, поздравила Муссолини с пятидесятилетием словами: "Вы — благороднейший из учеников Заратустры". В этом смысле философия Ницше послужила одной из самых кровавых идеологий в истории человечества — нацистской.

Жизнь Ницше пропитана трагичностью, и в каком-то смысле невозможно не испытывать жалости по поводу столь бездарно растроченной гениальности.

Что касается его концепции Сверхчеловека, то можно сказать, что философ в каком-то смысле проиллюстрировал ее собственной жизнью. Между тем, главные "иллюстрации" были впереди. Ницше видел в Сверхчеловеке индивидуума, который сознает ограниченность человеческого бытия, но, тем не менее, находит в себе силы создать собственную шкалу ценностей и построить на ее основании жизнь. Значительная часть предсказаний философа сбылась в двадцатом веке, самом кровавом за всю историю человечества.

Бертран Рассел (1872 - 1970)

Бертран Рассел, или Берти, как любили называть его близкие друзья, остался в истории философии как одна из самых экстравагантных ее фигур. Очень трудно быть равнодушным к его наследию. За свою почти вековую жизнь (он скончался в возрасте 98 лет), Рассел был свидетелем большого числа "роковых моментов" в политической, социальной и религиозной жизни человечества. Не будучи скован природной стеснительностью, он вторгался в каждую из названных областей без особых церемоний.

Рассел принадлежал к тем плодовитым писателям, которым творчество дается без особого напряжения. Среди примерно семидесяти книг, созданных им, мы найдем произведения о Китае, мистицизме, логике, большевизме, браке, образовании, геометрии, науке в целом, философии, математике, разоружении, коммунизме, капитализме, религии и десятках других тем. В своих газетных статьях он затрагивал такие вопросы, как употребление губной помады, курение сигар и рукоприкладство. Критикуя чуждые ему идеи, он был беспощаден, и надо признаться, что беспощадность эта совмещалась с изощренностью ума. Может быть, поэтому Рассел уютнее чувствовал себя с абстрактными идеями, чем с конкретными людьми. "Я люблю математику, — говорил он, — за то, что она — не человек".

Жизнь Рассела лучше всего можно охарактеризовать словом *противоречивая*. Он, например, слыл активным борцом за "мир во всем мире", между тем на личном уровне не умел скрыть ненависть к оппонентам. Будучи пацифистом, он, тем не менее, не раз высказывался за то, чтобы Америка превзошла своей военной мощью Советский Союз. Его перу принадлежат одни из самых ярких антимарксистских статей, но американский капитализм вызывает у него не меньшее неприятие. Однажды он заявил, что Джон Кеннеди, возможно, нанес человечеству больше вреда, чем Адольф Гитлер. Произнося речи в защиту прав женщин, в кулуарах Рассел не раз высказывался об интеллектуальных способностях женщин крайне пренебрежительно. Порицавший своего брата за развод, Рассел сам был женат четыре раза и имел многочисленных любовниц. Его возмущала чужая ложь, хотя самого его трудно назвать человеком кристальной честности. Примеры подобной противоречивости можно приводить еще долго.

Противоречивостью была отмечена не только жизнь мыслителя, но и его философские взгляды, которые сменялись с калейдоскопической поспешностью. Чарли Брод, профессор морали в Кембриджском университете с 1933 по 1955 гг., отмечал, что Рассел демонстрировал совершенно новую парадигму с периодичностью раз в четыре года.

Несмотря на все это, одно остается несомненным: Бертран Рассел обладал гениальным умом, и можно только сожалеть, что его интеллектуальные способности были потрачены на бесплодные нападки и споры. Например, в своей полемике с христианами он утверждал, что может назвать только два положительных момента, связанных с библейским учением: возникновение календаря и историческое свидетельство о том, что затмение луны было впервые отмечено египетским жрецом. "Помимо этого, — добавляет Рассел, — христианство не дало ничего достойного одобрения". Подобные довольно резкие заявления типичны для его отношения к религии в целом. Обладая талантом спорщика, Рассел умел сводить дискуссии к красивым парадоксам, с помощью которых было нетрудно доказать все, что угодно.

Примерно такой же подход Рассел использовал в спорах с теистами. Бессмысленность своих утверждений он предпочитал прятать за внешне эффектные парадоксы. Приведем ход его размышлений, направленных против Бога и Его нравственного закона.

Если существует нравственный закон, то он "либо является результатом божественного указа, либо нет". Если верно первое, то со стороны Бога он носит деспотический характер, и добро становится тождественно фразе "Бог так сказал". То есть, Бог мог сказать все что угодно — и это автоматически стало бы добрым или злым. С другой стороны, если Бог подчиняется неким высшим критериям добра и зла, то Он не является первичной реальностью. Таким образом, вырисовывается альтернатива, которую Рассел предлагает теистам: либо Бог деспотичен, либо Он не является высшей, первичной реальностью.

В действительности, если предположить, что сущность Бога верно описывается Библией, то есть, что Он бесконечен, всемогущ и совершен, то следует заключить, что нравственный закон есть просто проявление Его идеальной природы. Это одновременно опровергнет довод о деспотичности Бога и выявит ложность постулата о Его подчиненности некоему высшему закону. Нравственность просто является неотъемлемой частью Его личности.

Возражение Рассела представляет собой часть его учения о личности и познании. По мнению Рассела, мы не знакомы с самими собой в прямом смысле, но лишь с некоторыми проявлениями своей воли, убеждений и желаний. Из этого Рассел заключал, что само понятие "Бог" лишено смысла, ибо ни к чему не относится. Очевидно, что Рассел, отказывая Богу в личностном начале. Что же касается исторической фигуры Иисуса Христа, то к ней он относился крайне враждебно. Неудивительно, что его творческий путь ознаменовался крайней противоречивостью.

Жан-Поль Сартр (1905 - 1980)

Жан-Поль Сартр, французский философ и писатель, получил известность как один из наиболее ярких представителей атеистического экзистенциализма. Его творчество отмечено влиянием таких мыслителей, как Эдмунд Гуссерль и Мартин Хайдеггер. После Второй мировой войны Сартр возглавлял движение французских интеллектуалов левого толка; тогда же им был основан журнал "*Les Temps Modernes*". Последующие годы ознаменовались постепенным отходом Сартра от экзистенциализма и движением в сторону марксистского социализма. Впрочем, сам Сартр считал эти два мировоззрения взаимодополняющими и наиболее удобными для взвешенной критики общества, стремящегося к политической свободе и реализации потенциала человеческой личности.

Стиль Сартра-публициста отличался предельной остротой, и со своими противниками философ не церемонился. Люди, близко его знавшие, рассказывают, что в быту он был крайне эгоистичен. Об отце, скончавшемся, когда Сартру было полтора года от роду, он отзывался так: "Покойник мало что значил в моей жизни". Не отличавшийся внешностью трибуна, Сартр, тем не менее, оказал решающее влияние на революционные настроения французского студенчества в 60-е годы.

В политическом смысле Сартр бы склонен к экстремизму. Чем Хайдеггер стал для нацистов, тем Сартр стал для марксистов второй половины XX века. О себе философ говорил: "Мое кредо — путешествия, полигамия и незаметность". Рене Декарт как-то заметил, что нет такого абсурдного или нелепого заявления, которое бы не сходило с уст философов — это в полной мере относится к Сартру, любившему вызывающе-бессмысленные фразы. Мало что лучше характеризует стиль жизни философа, чем просьба, с которой он однажды обратился к своему издателю. Сартр попросил тайно напечатать четыре экземпляра его новой книги с персональным посвящением четверым разным женщинам. Причина? Он одновременно встречался с четырьмя любовницами, и каждая желала получить от него книгу, посвященную ей.

Но от смешного до трагического, как известно, один шаг. Если во Франции политическое влияние Сартра ограничилось студенческими беспорядками 68-го года, то в

Камбодже радикально настроенные марксисты учинили кровавый геноцид собственного народа, унесший десятки тысяч жизней.

Философское наследие Сартра невозможно оценить вне рамок экзистенциализма, понимаемого как попытка осмыслить существование с точки зрения *индивидуального сознания*. На основе этого осмысления формулируются такие понятия, как личная свобода, свобода выбора и т. д.

Самая известная из философских работ Сартра, "Бытие и ничто" появилась в 1943 году. Она посвящена проблеме человеческого существования. "Что значит быть человеком в этом мире?" — спрашивает автор и приходит к выводу, что никакого разумного объяснения порядку вещей — нет. Мир абсурден, и никакой изначально присущей ему системы ценностей не существует. Следовательно, нравственные ценности сугубо индивидуальны. По Сартру, человек является продуктом собственных решений и дел. Каждое новое решение изменяет характер человека и предопределяет следующее. Кроме этого, перед человеком всегда маячит перспектива смерти. Положение человека, таким образом, парадоксально: с одной стороны он предопределен, с другой — свободен; с одной — независим, с другой — поработчен.

Критиковать философию Сартра — значит критиковать атеизм вообще. Одно из возражений философа против существования Бога такое: человек не сумел найти Бога, следовательно, Бога нет. Нетрудно увидеть, что такой довод ничего не доказывает. Неспособность найти Бога говорит только об этой неспособности и ни о чем больше. Так, человек может умереть в пустыне от жажды, но это не значит, что воды не существует как таковой.

Что касается этической теории Сартра, то она недвусмысленно анархическая, т. е. близка к проповеди беззакония. Следовать ей невозможно, что в какой-то мере понял и сам Сартр. Существуют серьезные указания на то, что в последние годы жизни философ склонялся к теизму, если не однозначно высказывался в его пользу.

Равви Захариас
Может ли человек жить без Бога?

Санкт-Петербургское христианское просветительское общество "Кредо"

198332, Санкт-Петербург, а/я 74. (Для писем)
Тел./факс: (812) 113-42-66.
E-mail: credo@mailbox.alkor.ru

Лицензия ЛП № 000264 от 29.09.99

Перевод: Усатенко С. М.
Редактирование: Боголюбов А. Г.
Корректурa: Кумбашева Ю. А.
Верстка: Орлова Е. М.
Обложка: Сорокин А. Г.

Формат 60X88 1/16. Печать офсетная. Гарнитура N^o10
Объем 15 печ. лист. Тираж 3000 экз. Заказ № 552
Подписано в печать 28.10.99

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12